

М.С. АНДРЕЕВ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ЭТНОГРАФИИ ЯГНОБА
(записи 1927-1928 гг.)

Подготовила к печати

А.К. ПИСАРЧИК

Редактор

А.К. ПИСАРЧИК

Издательство "ДОНИИ"

Душанбе - 1970 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
СВЕДЕНИЯ О ЯГНОБЕ, ЯГНОБЦАХ И ИХ ЯЗЫКЕ	7
ХОЗЯЙСТВО ЯГНОБЦА	44
К МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	94
СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И ОБЫЧАИ	117
СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	146
КАЛЕНДАРЬ, КАЛЕНДАРНЫЕ И СЕЗОННЫЕ ПРАЗДНИКИ	
МЕРЫ	155
ВЕРОВАНИЯ И СУЕВЕРИЯ	167
РАЗНОЕ	173

Печатается по решению редакционно -
издательского совета АН Таджикской ССР

Михаил Степанович Андреев
Материалы по этнографии Ягноба

Ответственный редактор
Антонина Константиновна Писарчик

Редактор издательства Е.К.Коцабенко
Издательство "ДОНИШ"

Отпечатано РВИ ЦСУ Таджикской ССР
КЛ 05154. Подписано к печати 3/IX-1970 г.

Заказ № 202. Тираж 500 экз. Цена 1 р. 25 коп.

ОТ РЕДАКТОРА

Имя Михаила Степановича Андреева — неутомимого исследователя быта и языков народов Средней Азии — широко известно среди этнографов, лингвистов и историков культуры, занимающихся изучением Средней Азии.

М.С.Андреев с ранней молодости, вначале, может быть, и не вполне сознательно, определил круг своих научных интересов — языки и история культуры оседлых народов, населяющих бывший Туркестанский край. При этом больше всего его интересовали горные таджики — обитатели труднодоступных "глухих углов", сохранявшие в своем быту очень архаические черты, а нередко и свои особые языки, относящиеся к восточно-иранской ветви иранских языков. Человек чрезвычайно увлекающийся, М.С.Андреев жадно собирал и записывал интересовавшие его сведения во время самостоятельных поездок и многочисленных, организуемых им экспедиций. Обработывал собранные материалы он гораздо медленнее. Ему хотелось возможно больше успеть записать, казалось, что многое записанное еще недостаточно ясно, требует дополнительных исследований.

Этим определилось наличие после его смерти в его научном архиве громадного количества не только неопубликованных, но и необработанных материалов. Некоторые из них он начал обрабатывать, но очень многие сохранились лишь в первичных полевых записях. Эти записи, однако, ввиду той точности и подробности, с которыми они велись, и ввиду отчетливого понимания М.С.Андреевым интересовавших его во время сбора материала проблем, представляют собой большую научную ценность, тем более, что многие из них относятся ко времени, отстоящему от наших дней на несколько десятилетий, и в настоящее время едва ли могли бы быть повторены.

Учитывая все это, Президиум Таджикского филиала АН СССР после смерти М.С.Андреева в 1948 г. вынес решение о необходимости разработки научного архива М.С.Андреева и подготовки содержащихся в нем материалов к печати. Эта ра-

бота была поручена мне.

За истекшие два десятилетия удалось подготовить к печати, а частично и опубликовать значительную часть материалов из архива М.С.Андреева,¹ но многое еще ждет своей обработки.

К числу неопубликованных до сих пор материалов относятся и этнографические материалы по Ягнобу, собранные М.С.Андреевым во время экспедиций в Горный Таджикистан, работавших под его руководством в 1924, 1925 и 1927 гг. Помимо самого М.С.Андреева, в этих экспедициях участвовали: в 1924 г. — Е.М.Пещерева и врач А.Н. Криков, в 1925 — Е.М.Пещерева и фотограф В.О.Вырвинский, в 1927 — Е.М.Пещерева и Н.В.Русинова, которая потом в течение ряда лет принимала участие в обработке М.С.Андреевым его ягнобских языковых материалов. Большая часть материалов 1924 г. погибла во время экспедиции 1925 г., когда под караваном экспедиции обвалилась часть горного карниза (овринга) и погибли проводник-ягнобец и часть вьючных животных.² В архиве имеются, главным образом, записи,

¹ Опубликованы: М.С. А н д р е е в. Таджики долины Хуф, вып. I, Сталинабад, 1953; его же, то же, вып. 2. Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А.К.Писарчик. Сталинабад, 1958; М.С. А н д р е е в и Е.М. П е щ е р е в а. Ягнобские тексты с приложением Ягнобско-русского словаря, составленного М.С.А н д р е е в ы м, В.А.Л и в ш и ц е м и А.К.П и с а р ч и к. М.-Д., 1957. Статьи: К характеристике древних таджикских семейных отношений. Изв.ТФАН СССР, № 15, Сталинабад, 1949, стр. I-19; Новые данные по установлению значения слова "Фергана". Сообщ.ТФАН СССР, вып. XXIV, Сталинабад, 1950, стр. 35-37; О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах. Тр.ТФАН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 75-87; Старинные свитки-альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента. Изв. Отдел. обществ. наук АН Тадж. ССР, в. IО-II, Сталинабад, 1956, стр. I2I-I36. Кроме того, мной и О.Д.Ч е х о в и ч подготовлена к печати и находится в издательстве большая работа М.С.Андреева "Арк (кремль) Бухары".

² См. М.С.А н д р е е в. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. В кн.: М.С. А н д р е е в. По Таджикистану. Ташкент, 1927, стр. I7.

сделанные М.С.Андреевым в Ягнобе в 1927 г.^I, пополненные записями в Ташкенте в конце 1927 и начале 1928 г. со слов вывезенного из Ягноба экспедицией старика-ягнобца, уроженца сел. Маргтумайн, Мулло Нисза.

Все эти материалы согласилась обрабатывать вместе со своими этнографическими записями по Ягнобу Е.М.Пещерева - спутница М.С.Андреева во всех трех его экспедициях в Ягноб. Для облегчения этой работы в 1955 г. я предварительно подобрала и систематизировала по темам имевшиеся материалы из архива М.С.Андреева, придав получившимся разделам заголовки, в известной мере условные. Однако, вследствие занятости другими работами и болезнью, Е.М.Пещерева не смогла подготовить намеченное издание. Поэтому материалы М.С.Андреева публикуются в систематизированном мною виде без комментария.

Ввиду особой ценности этнографических материалов М.С.Андреева по Ягнобу, собранных 40 и более лет тому назад, представляется целесообразным опубликовать их в виде сохранившихся в архиве полевых записей и отдельных начатых обработкой отрывков, отредактировав их только в самой минимальной степени. Таким образом, публикуемые записи целиком сохраняют характер первоисточника. Некоторые, неизбежные при таком способе издания необработанных архивных материалов, повторения не настолько значительны, чтобы оправдать переделку текста М.С.Андреева и замену его текстом редактора.

Единственное, что мы сочли необходимым сделать, это изъять некоторые куски текста, абсолютно совпадающие в полевых записях и в начатом обработанном тексте, а также несколько упростить применявшуюся М.С.Андреевым транскрипцию ягнобских терминов. Она была сложна и, как это естественно для полевых записей, относящихся к тому же к разным годам, не единообразна. Сохранение ее теперь, после издания "Ягнобских текстов" М.С.Андреева и Е.М.Пещеревой и приложенного к ним "Ягнобско-

^I Предварительное сообщение о результатах этой экспедиции см. М.С.Андреев. Экспедиция в Ягноб 1927 г. под руководством М.С.Андреева. Бюлл. Среднеаз. гос. ун-та, № 17, Ташкент, 1928, стр. 162-171.

русского словаря",¹ а также после опубликования В.С.Соколовой результатов ее исследования фонетики ягнобского языка,² не имеет особого научного значения, но очень усложнило бы данное издание технически. Сделанные упрощения выразились, главным образом, в замене лат. "i" через русск. "и", лат. "i" - через русск. "л", лат. "h" и ар. "ح", обозначаемого в записях М.С.Андреева знаками "х" и "х" - через тадж. "х", в замене интервокального "y" и "w" через русск. "в", в снятии спорадически встречающихся знаков долготы и краткости гласных и знака палатализации над "ш", в слитном написании слов с изафетом, который в записях М.С.Андреева пишется иногда слитно со словом, а иногда через дефис, в некоторой унификации написания топонимических названий (в указателе приведены все встречающиеся в записях формы каждого названия) и некоторых других. Ударения - там, где они указаны в записях Андреева, - сохранены, если они не приходятся на последний слог.

Долгота над ударным конечным "й" М.С.Андреевым не ставилась.

Архив М.С.Андреева хранится в Институте истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР.

Под каждой записью в круглых скобках указывается номер папки и страница оригинала записи.

Другие пометы редактора даются в прямых скобках.

¹ М.С. Андреев и Е.М. Пещерев а. Ягнобские тексты. С приложением Ягнобско-русского словаря, составленного М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик. М.-Л., 1957.

² В.С. Соколова. Ягнобский язык. В кн. Е е ж е. Очерки по фонетике иранских языков, II, М., -М., 1953, стр. 61-79.

СВЕДЕНИЯ О ЯГНОБЕ, ЯГНОБЦАХ
И ИХ ЯЗЫКЕ

Ягноб (черновая обработка)

Ягноб в административном отношении представляет собою одно небольшое аксакальство (старшинство), входящее в состав Искандеровской волости, Самаркандского уезда¹. Его население по своему составу резко делится на две половины: 1. ягнобцы, говорящие своим особым языком и, возможно, отличающиеся также и некоторыми антропологическими особенностями от окружающего их таджикского населения. Для краткости и удобства я дальше буду называть их просто ягнобцами; 2. таджики, не говорящие на ягнобском языке, говорящие на местном диалекте таджикского языка, весьма схожем по говору с населением соседних таджикских стран. Как упомянуто, селения Ягноба вытянулись линией вдоль по течению р.Ягноб, имея только одну отходящую ветвь от этой линии в виде кульского придатка — нескольких селений, расположенных в боковой долине р.Куль — левого притока р.Ягноб (4 селения) и самый низ (3 селения) — таджиками. Ягнобцы, таким образом, являются этническим оазисом, замкнутым сверху и снизу, даже в самой долине Ягноба, таджикскими селениями и окруженным со всех сторон соседними таджикскими странами. Где-либо в другом месте, помимо указанного маленького оазиса, ягнобцев или вполне родственного им народа в настоящее время не найдено и, таким образом, мы имеем здесь удивительный реликт — остатки какого-то народа, совершенно исчезнувшего, за исключением настоящего маленького образчика, случайно дожившего до нашего времени в глубине

¹ Здесь М.С.Андреев ошибочно относит Искандеровскую волость, в которую входил Ягноб, к Самаркандскому уезду. С 1924 г. Искандеровская волость входила в состав вновь созданного Пенджикентского вилайета (А.И.Кошелева, П.А.Васильев. Административно-территориальное деление Таджикистана. Исторический очерк. Сталинабад, 1948, стр. 9, 15, 18).

труднодоступных гор, сохраненного, опять как-то случайно, окружающими его массивами и угрюмой природой.¹

Таким образом, мы видим, что жители Ягноба проживают в таких крайне тяжелых экономических условиях, диктуемых окружающей их природой, которые вряд ли когда-либо могли соблазнить кого-нибудь из их более сильных соседей. При незначительной степени сопротивляемости, которую могли противопоставлять ягнобцы, их угрюмая, скупая в своих дарах родина как раз представляет собой те места, где их должны были оставить сравнительно в покое, так как никто другой из окрестных племен, находящихся в несравненно лучших условиях, не мог бы там жить, — в покое относительном, так как ягнобцам приходилось, видимо, работать, по крайней мере за последнее столетие, не только на себя, но и платить дань и откупаться от своих сильных и жадных соседей, производивших с целью грабежа частые набеги на страну и даже оставлявших там свои гарнизоны. Можно даже предположить, что ягнобцы могли быть в свое время оттеснены, загнаны в свои теперешние места обитания, на которые не было претендентов, и где они смогли сохраниться, постепенно тая и уменьшаясь в своем числе, именно благодаря двум обстоятельствам: 1) отсутствию соблазна у соседей занимать их места, 2) изолированности и недоступности для сообщения их родины в течение приблизительно около шести месяцев в году и сравнительной трудности проникновения в нее в другое время.

(Папка № 7-б, стр. 18-19)

Мощные горные хребты — Зеравшанский и Гиссарский, сдвигивающие с боков разделяющую их глубокую долину р. Ягноб, отличаются большой высотой и труднопроходимостью. Перевалы, ведущие через них в соседние страны — в Матчу, лежащую на север от Ягноба, и в Гиссар, расположенный от него на юг — открываются для сообщения только в течение пяти-шести месяцев в году, но и тогда путь через них неизбежно проходит через оставшиеся местами близ вершин скопления снега, а по некоторым из перева-

¹ Выселенцы из Ягноба живут в ряде мест в долине Варзоба [см. ниже, стр. 24 и 25].

лов - и через ледники, трескающиеся под осень и своими глубокими и опасными трещинами часто препятствующие, а иногда и совсем останавливающие сообщение через перевал.

Среди наиболее посещаемых перевалов, через которые под-держивается сообщение между Ягнобом и вышеназванными странами, можно отметить Сурхкят и Гузн, ведущие в Матчу и называемые так по имени первых в Матче селений, на которые выходят ведущие через них пути. Первый перевал закрыт шесть месяцев, а второй - семь месяцев в году. Удобнее для сообщения по мягкости почвы и сравнительной отлогости тропинок перевал Хок, или Хоки (Земляной), неправильно показанный на картах как "Хак", соединяющий верховья Ягноба с Гиссаром, но и он открыт для сообщения тоже только шесть месяцев в году. Все перевалы из Ягноба через Зеравшанский и Гиссарский хребты не ниже, по-видимому, 12000 ф. Подобная высота перевалов достаточно указывает на высоту и мощность самих хребтов и труднопроходимость этих горных барьеров, образующих и защищающих долину р.Ягноб. Если принять их среднюю высоту в 13000 ф, а уровень долины Ягноб - в среднем около 8000 ф (точными цифрами, к сожалению, не располагая), то, при близком расстоянии гребней обоих хребтов, приблизительно в 10-12 верст, становится ясной сдавленность долины Ягноба - сдавленной до того, что и долины, в собственном смысле слова, отнюдь из себя не представляет. Вся жизнь - посевы, селения, пастбища располагаются обычно на более или менее крутых горных склонах, спускающихся от высоких горных гребней к шумящей глубоко внизу реке, которая протекает большей частью в таких крутых откосах, спускающихся непосредственно к воде, что по берегу ее не остается даже места для дороги и таковая, при движении вдоль по Ягнобу, как по тому, так и по другому берегу, идет обычно высоко над рекой, то поднимаясь на подходящие к реке и сдавливающие ее горные отроги, то круто и низко спускаясь с них, чтобы пересечь дно ущелья или узкой долины, образованной пересекающим путь потоком, впадающим в р.Ягноб.

Некоторые сведения о Ягнобе
(отдельные отрывки)

В физико-географическом отношении Ягноб представляет собою сегмент глубокой, длинной и узкой долины, образованной рекою, текущей с востока на запад между Зеравшанским и Гиссарским хребтами, отделяя их друг от друга, и берущей начало в глухих труднодоступных массивах приблизительно в 35-40 верстах выше самого верхнего селения Ягноба - Навобод. В самом верховье при климате, слишком уже суровом для земледелия, долина реки местами расширяется и образует прекрасные альпийские пастбища, на которые летом пригоняли пасты свои многочисленные стада богатые скотоводы, главным образом, бай-узбеки из Гиссара. Как страна, Ягноб может считаться начинающейся с самого верхнего своего селения Навобод - пункта, с которого становится возможным уже земледелие, и продолжающейся до сел. Хшортоб - самого последнего селения вниз по реке, входящего в современный административный Ягноб. За Хшортобом ниже по долине начинается уже другое аксакальство, составляющее часть Искандеровской волости, в которую, как отдельное аксакальство, в административном отношении входит и Ягноб. Ягноб простирается от селения Навобод до сел. Хшортоб, всего около 25 верст. За Хшортобом река, образуя долину Ягноба, текущая еще около 25 верст в общем в том же направлении на запад, встречается с рекой, вытекающей из озера Искандар-Куль, круто поворачивает затем на север и под именем реки Ван (Фон) впадает в Зеравшан, являясь левым притоком последней реки.

Горные реки и речки в Средней Азии, за исключением только что упомянутого Зеравшана, если они не отличаются размерами или какими-нибудь резкими особенностями, часто не имеют своих собственных названий и называются именем тех крупных оседлых пунктов или стран, которые расположены по их течению. Река, протекающая через Ягноб, принадлежала к этой категории, не имеет своего особого имени и называется местными таджиками просто "река Ягноба". Большая часть селений Ягноба расположена вдоль этой реки. Значительно меньшая часть - Кульское аминство - по левому притоку этой реки, впадающему в

р.Ягноб приблизительно в центре Ягноба, причем самое верхнее из группы селений, расположенных по этому притоку, а именно сел.Куль, находится не больше, как в 6-7 верстах от его впадения в р.Ягноб. Таким образом, мы видим, насколько невелико пространство, на котором раскинулся Ягноб, и как близко сравнительно должны прилегать его малолюдные селения одно к другому.

Весь Ягноб расположен так высоко и климат его так суров, что пшеница, в особенности в его верхних селениях, вызревает с трудом, и ввиду большого риска ее сеют очень мало. "Хунук мезанад" - "Побьет мороз", - говорили нам жители Навобода, самого верхнего из селений Ягноба. Сеют поэтому больше всего ячмень, потом "мулк" - род бобов. Кроме этого в верхних селениях решительно ничего не сеют, даже репы, моркови и т.п. В силу больших холодов зимою почти не держат также коз, так как они часто замерзают, и разводят охотнее овец и рогатый скот. Зимою снегу выпадает довольно много и сообщение с соседними Матчой и Гиссаром через перевалы прекращается совершенно. Таким образом, в течение долгой зимы, длящейся около полгода, Ягноб отрезан от сообщения с внешним миром. Даже по самой долине, между отдельными селениями, сообщение поддерживается, как говорили нам ягнобцы, с большим трудом, при этом почти исключительно пешком, причем путь пролегает по замерзшей реке. Но даже и таким образом, ввиду крайней трудности пути и сопряженного с этим риска, в верхнем Ягнобе, по крайней мере, к этому прибегают только в случаях большой нужды.

Окруженный с трех сторон - с севера, востока и юга - высокими горами, Ягноб имеет единственный путь, который ведет к нему, не поднимаясь на большие высоты - это тропинка вверх по р.Ягноб: путь, отходящий от долины р.Зеравшан. К сожалению, этим путем мне не приходилось проходить, но, судя по отзывам, он достаточно труден, дорога взбирается местами высоко на кручи, чтобы перевалить через скалы, слишком близко подходящие к реке и преграждающие дорогу.

Трудно, конечно, судить точно по мимолетному впечатлению при проезде, но, видимо, в Ягнобе, по крайней мере в

части, занятой ягнобцами, в общем чрезвычайно мало земли, годной под посевы. Скалы, горные отроги, втсргающиеся и заполняющие собою долину Ягноба, как упомянуто выше, оставляют крайне мало подходящих мест у берега реки. Выше, на склонах по правому, "солнечному", т.е. наиболее подверженному действию солнечных лучей берегу, местность слишком крута, скалиста и имеет очень мало земли, годной для обработки. На левой же, "теновой", получающей меньше солнца, стороне долины нашлось бы больше места для посевов ввиду сравнительно меньшей крутизны склонов и, может быть, их меньшей каменистости, но предельная линия созревания посевов идет там очень низко.

То же самое можно сказать и относительно пастбищ. Они отнюдь не поражают богатством корма и своими размерами. Самые лучшие пастбища имеются при верхних селениях Ягноба, но они, если не считать Куляба¹, находятся как раз в руках не ягнобцев, так как эти селения принадлежат таджикам, возможно выходцам из соседних таджикских стран, оставшимся там на занятых ими местах после одного из набегов на Ягноб.

Ягнобцы сами себя называют "ягноби" и этим именем называют только себя. Жителей других селений, даже в том же Ягнобе, говорящих по-таджикски, как вообще и окрестное население, говорящее на этом языке, они называют "таджиками". Таким образом, матчинцы, фальгарцы, каратегинцы, гиссарцы, говорящие различными говорами одного и того же таджикского языка, с их точки зрения, — "таджики". В свою очередь таджики, соседи ягнобцев, как доводилось нам слышать в сел.Навобод (в Верхнем Ягнобе), естественно, резко отличают себя от ягнобцев и называют последних за глаза "галча".² В присутствии же кого-нибудь из ягнобцев это название не употребляется, как оскорбительное. Других кого-либо, помимо ягнобцев, этим словом они никогда не называют. Свой собственный диалект таджикского языка эти таджики обычно называют "порси". Вот маленький образчик, характеризующий как раз их взгляды на филологическое определение их речи, записанные у сел.Навобод со слов

¹ [М.б. Куляб?]

² [Ср. ниже, стр. 25]

70-летнего старика Ахмад-бая.

"Бобо-у аҷудоди мо аз амин Ягноб. Мо се ҷишлоки боло..."
и т.д.^I

"Наши предки - из этого Ягноба. Мы, три верхних селения, говорим по-персидски, другие говорят по-ягнобски. Их язык - "ягноби", наш язык - "порси"...

Мне кажется, не злоупотребляют ли ориенталисты, для этнического определения в Средней Азии слишком широко употребляя слово "галча"? В Туркестане и в Восточной Бухаре его употребление очень ограничено и встречалось только в долине р.Зеравшан. Отсюда, вероятно, взяли его европейские исследователи, проникавшие в таджикские горы со стороны Самарканда.

(Папка № 7-б, стр. 21-24)

Ягноб - небольшая, но очень замкнутая высокогорная страна, расположенная в верхней части самого большого из притоков Зеравшана, впадающего слева в него в Фальгаре, где Зеравшан, шумя и кипя в своем глубоко вырытом каменном русле, не может еще выбраться из обрамляющих его долину высоких горных громад, как это делает он ниже, у Пенджикента. Этот мощный приток Зеравшана носит название р.Фан, как он отмечается на картах, или, если следовать таджикскому произношению, "Фон", "Даръёи-Фон". Километрах в 25 выше своего впадения в Зеравшан Фон, текущий с юга на север, составляется из двух горных рек, пробивающихся, как и Фон, сквозь теснины и ущелья: с юго-запада течет р.Искандар, (тадж. "Даръёи - Искандар"), вытекающая из оз.Искандар-Куль (тадж.обычное название - "Кули-Искандар"), с востока - р.Ягноб ("Даръёи-Ягноб"), текущая в общем направлении с востока на запад. Вверх по последней реке и расположен Ягноб, нижний конец которого находится верстах в 40 выше слияния р.Ягноба с р.Искандер, носящей обычно в русской литературе название Искандер-Даръи.

Для того, чтобы были ясны географические условия, в которых находится Ягноб, следует сказать несколько слов о р.Яг-

^I [Запись не закончена.]

ноб, вырывшей глубокую долину между двух образующих ее массивных горных кражей — хребтов Зеравшанского (или Матчинского) и Гиссарского. Мощный Гиссарский хребет, отделившийся от горного узла Кок-Су в районе Зеравшанского ледника и отделяющий долину Зеравшан от вод, текущих к Аму-Дарье, на своем дальнейшем протяжении на запад, вскоре после перевала Пакшиф, разделяется на два параллельных хребта. Южный из них продолжает носить название Гиссарского, а северный известен под именем Зеравшанского. Река Ягноб, в средней части долины которой расположены чисто ягнобские селения, течет, сдавленная между этими двумя могучими хребтами. Окаймляющий долину с юга Гиссарский хребет нигде не понижается ниже 12000 ф, а северный барьер, представляемый Зеравшанским (Матчинским) хребтом, выступает еще выше и неприступнее: ведущие через него очень трудные перевалы, по-видимому не ниже 13000 футов. На западе долина Ягноб упирается в узкую долину или ущелье р.Фон.

Таким образом, долина Ягноба представляет собою узкий и длинный мешок, тупик, открытый для входа в него только по ущелью Фона — по единственному пути для попадания с большим трудом в Ягноб в течение долгой зимы, когда сообщение в течение 6-7 месяцев через оба хребта совершенно прекращается. Если прибавить к этому, что и единственный естественный, сравнительно низко лежащий путь в Ягноб по Фону представляет собою очень трудную горную тропу, проходящую по легко разрушаемым горным карнизам, сообщение через которые может быть прервано в любой момент, то становится понятным, почему Ягноб, окруженный со всех сторон высочайшими горными хребта-

¹ Следует оговориться, что в то время, как в районе Ягноба Гиссарский хребет зимою совершенно закрывается даже для пешего сообщения, как и Зеравшанский, через последний все же есть один необычайно трудный зимний перевал, называемый Такапар, через который возможно сообщение для очень опытных пешеходов и зимою (см. подробнее о нем ниже), но препятствия для перехода здесь, однако, таковы, что говорить об этом головоломном пути, как о нормальной дороге, не приходится.

ми, считается одним из самых труднодоступных мест в Туркестане. Эта сравнительная изолированность Ягноба и трудность попадания в него и позволила уцелеть здесь до нашего времени в виде реликта остаткам древнего согдийского или родственного ему языка, перелившегося в ягнобские говоры, — уцелеть в то время, когда остальное пространство Средней Азии, где когда-то широко был распространен согдийский язык, успело уже таджикизироваться, главным образом в смысле языка, вплоть до р. Язгулем (откуда вверх по Пянджу идет другой оазис древнеиранских языков). В равнинах волны нашествий тюркских завоевателей уже успели смыть значительно это таджикизирование в области языка, оставив таджикский язык только на таких островах, как Бухара, Ходжент, Ура-Тюбе и др., и тюркизовав по языку остальное население равнин. Тот же самый процесс заставил в свое время отдаленных предков этого коренного населения, оставив свой древний согдийский язык, заговорить по-таджикски. Для того, чтобы было достаточно понятно, как при общем процессе таджикизирования окружающих Ягноб районов (а в равнинах и при дальнейшем процессе тюркизации) мог уцелеть до наших дней среди горсточки населения пережиток древнего языка Средней Азии, позволю себе упомянуть более детально о физико-географическом устройстве Ягноба и условиях его сравнительной изолированности. предварительно же вкратце для удобства ориентирования отмечу место, занимаемое группой чисто ягнобских селений в долине Ягноба.

Река Ягноб, берущая начало из ледников в окружении могучих горных массивов, где отдельные вершины (Барзанги, Ростовцева и др.) достигают не менее 18000–19000 ф, имеет длину до соединения с р. Искандар около 100 верст. Селений в верхней ее части, приблизительно верст на 40, в настоящее время не имеется, и самым верхним селением является Навобод, населенный таджиками. В самой верхней части имеются прекрасные альпийские пастбища, привлекающие скотоводов, пригоняющих сюда через высокие перевалы во второй половине лета на недолгий период многочисленные отары овец не только из предгорий и равнин к югу от Гиссарского хребта, но и с севера — из Ферганы и даже из Голодной степи. Эти переходы стад со-

вершаются по открытии перевалов, большей частью минуя обитаемую часть Ягноба, и существенным образом ее не затрагивают. Начиная с Навобода, вниз по обоим берегам сильно сдавленной горами реки, больше всего по ее левому берегу, идут, следуя довольно близко одно за другим, селения. В самой нижней части долины р. Ягноб, на протяжении последних верст 40 после нижнего ягнобского селения Хшортоб (где в настоящее время уже говорят по-таджикски), таджикские селения попадают реже.

В административном отношении, воспроизводящем границы, вероятно, сравнительно недавно еще этнически целого района, Ягноб, как отдельное аксакальство Искандер-Кульской волости, начинается снизу от селения Хшортоб и захватывает все селения, лежащие выше. Фактически, однако, жители последних двух самых нижних селений сейчас уже говорят по-таджикски. Точно так же по-таджикски теперь говорят и в четырех верхних селениях Ягноба. Таким образом, процесс таджикизирования проник уже и в административный Ягноб и идет с двух сторон — сверху и снизу. Чисто ягнобский этнический оазис, состоящий приблизительно из 32 небольших селений, где население до сих пор еще удержало свой древний язык, занимает в настоящее время среднюю часть долины р. Ягноб, включая Куль — несколько селений, расположенных в боковой долине, образуемой левым притоком Ягноба — речкой Куль. Как характерную физическую черту Ягноба следует отметить, что река течет настолько сдавленно в крутых скалистых берегах, совершенно не оставляя места ни для селений, ни для посевов, что почти все селения расположены на десятки и даже сотни сажен выше уровня реки.

(Папка № 7-б, стр. 26-30)

[Запись без указания места.]

Все селения Ягноба (за исключением Кульской ветви) расположены довольно высоко над рекой по обоим ее берегам и

нет ни одного, расположенного у берега. Объясняется это, вероятно, главным образом, сдавленностью берегов и недостатком около них сколько-нибудь подходящего места для селения.

(Папка № 7-а, стр.66)

Сел.Пулла-Роут. 17 августа 1927 г.

Ягнобцы сами себя называют "ягноби", но, кажется, делают это больше вслед за соседями, которые называют их этим именем. Таджики, однако, себя не считают, так как этим именем себя называют их соседи, говорящие по-таджикски - "тоҷики".

Само название "Ягноб" ягнобцы также объяснить обыкновенно не могут, хотя среди некоторых мне приходилось наталкиваться на попытку объяснить от слова "яхни" - холодный, и "об" - вода, т.е. якобы название произошло вследствие ледяной, холодной воды, текущей с ягнобских гор.

(Папка № 7-а, стр.134)

Перевалы

Сел. Сархзиди-Куль. 9 августа 1927 г.

Перевалы через Гиссарский хребет. Гиссарский хребет, составляющий барьер, отделяющий долину Ягноба с юга, благодаря своей высоте является серьезным препятствием для сообщения Ягноба с внешним миром, как и Зеравшанский хребет. В характере обоих хребтов при их соприкосновении с Ягнобом, однако, есть ощутительная разница. В то время, как Зеравшанский хребет значительно более каменист и обрывист, Гиссарский более отлог, и его склоны в значительной части глинисты. Количество атмосферных осадков здесь тоже, видимо, больше, по крайней мере, судя по количеству выпадающего снега. В соответствии с этим в Гиссарском хребте по его склонам имеются хорошие пастбища, привлекающие сюда летом скотоводов издалека. Приходят, главным образом, скотоводы узбекских рай-

онов (лакайцы, оча-майли, марка и др.) с юга, но также пригоняют стада и со стороны Ура-Тюбе, Джизака, Заамина и даже Голодной степи.

[На полях рукописи перечень перевалов]: Гуйбобе-гар, Руфигар,¹ Хоки-гар, Пйездоре-гар, Куле-гар, Каратобоне-гар, Анзобе-гар, Уштургардане-гар.

Перевалы через Гиссарский хребет отличаются обычно меньшей крутостью подъемов и отсутствием ледников (за исключением небольшого ледника на пер.Каратобон).

Перевалы: Хоки, Арху, Куль, Каратобон, Анзоб (все конные) закрываются одновременно с перевалами через Зеравшанский хребет. Лишь один, Анзобский, закрывается недели на 2-3 позднее и открывается раньше, почему осенью и весной через него идет очень оживленное движение. Зимой все эти перевалы закрыты, и даже пешего перевала для сообщения с Гиссаром не имеется. Только в случае большой необходимости рискуют проходить пешком по разветвлению пути через пер.Анзоб, идущему через скалы, где снег, накопление которого обычно препятствует движению через перевалы, в этом месте, называемом Тири-Галия, сдувается ветром.

Перевалы через Зеравшанский хребет: Барзанги, Работ-Санг, Худжай-Рудун (к Навободу), Рузн, Сурхият, Дарг, Фаркоу, Рангон, Фатмоут, Ремонт.

Все эти перевалы конные, зимой все закрываются приблизительно в среднем на 5 месяцев. Кроме того, существуют пешие перевалы: Корвин (Корвин), закрывающийся тоже зимой почти на 5 месяцев, ведущий из сел.Бидив на сел.Идмеф в Матче и Такапар.² Последний является единственным перевалом, открытым круглый год и доступным для пешеходов в любое время зимы. Ввиду его трудности им пользуются только тогда, когда другие перевалы уже закрыты. Дорога через него такова, что в одном месте, называемом Ёли-Хар (Ослиная грива), путники должны са-

¹ 5 1/2 месяцев закрыт для пешеходов, 7 месяцев - для конных и ослов.

² "Така" - дикий горный козел (самец). По преданию, здесь когда-то будто бы свалился и разбился увлеченный лавиной горный козел.

даться верхом на облепленный льдом очень острый гребень и продвигаться осторожно по нему в сидячем положении, чтобы не свалиться в отвесные обрывы по той и другой стороне. Несмотря на трудность, пешеходное движение зимой по этому перевалу довольно оживленно.

Среди перевалов, открытых летом, самое большое движение через Гузн, затем через Сурхкят и, наконец, через Дарг. Остальными перевалами пользуются реже. Все эти перевалы, за исключением пер.Дарг, имеют на северной стороне ледники, образующие трещины осенью. В особенности в этом отношении неприятен пер.Сурхкят, движение через который иногда совершенно прекращается из-за заграждающих путь расщелин (пропастей), в которые, бываюи случаи, проваливались и погибали лошади и ослы, и даже люди.

Главным из перевалов, соединяющих Ягноб с Фальгером, является Дарг (Дарг) - довольно крутой высокий перевал с утомительным подъемом по фирновым полям со стороны севера. Главный перевал для сообщения с Матчой - Сурхкят, который с середины осени становится опасным из-за раскрывающихся трещин в леднике, через которые приходится перескакивать и людям и животным. Характерно, что, несмотря на большое движение людей и животных через эти перевалы - главное сообщение Ягноба с внешним миром на север, - совершенно незаметно никаких мер со стороны местной администрации для разработки и улучшения пути во время крайне тяжелого движения через них. Ни вырубки ступеней на обледенелых крутых откосах Дарга, чтобы прекратить или облегчить страдания скользящих, падающих тут и калечащихся животных или мучения людей, изнемогающих часто пред непосильной задачей оказания им помощи, ни устройства временных мостиков, хотя бы в виде досок, набрасываемых на трещины пер.Сурхкят, - всего этого совершенно нет и в помине, и даже возможность этого никому не приходит и в голову. Между тем это необходимо. К концу осени Сурхкят, например, в других отношениях довольно легкий перевал, становится настолько опасным, что сообщение через него совершенно прекращается. Весь Ягноб знает рассказ про какого-то мелкого торговца, везшего сто сурковых шкурок и

провалившегося в трещину на Сурхяте. Несчастный, заваленный потом снегом, изглодал все свои сурковые шкуры, съел кожу со своих сапог и потом умер. Его нашли осенью следующего года, когда открылась трещина и случайно его заметили на дне. Зимой эти трещины закрываются только сверху выпавшим снегом, надуваемым метелями.

(Папка № 7-а, стр. I-4)

[Черновая запись без обозначения места]

Фар-инч (из ягн. "фар" - гора, перевал "инч" - женщина) - "Перевал-женщина" - говорят ягнобцы, имея в виду непостоянство погоды, меняющейся на перевале.

Скопление камней называется "курум" или "фалант"

(Папка № 7-а стр. 24)

Административное деление

Сел. Бидив. Июль 1927г

Беседа с ягнобским аксакалом.

Официально в административном делении Ягноб представляет собою одно из четырех аксакальств Искандеровской волости. Внутри себя Ягнобское аксакальство делится на 8 сельских "комитетов", начиная сверху Ягноба, располагающихся в следующем порядке:

ягн. "Чи Дахана сиичи" тадж. "Ал Дахана бою"	I. ДЕХКАЛЯНСКИЙ	
	сел.Навобод ^{x)}	- 8 домов ^I
	Дехколон ^{x)}	20 домов
	II: КИРИЙОНТСКИЙ	
	сел.Кирийонте ^{x)}	40 домов
	III. КАНСИЙСКИЙ	
	сел. Канси ^{x)}	40 домов
	Тагоб	15 домов

^IОтмеченные пометой x) сселения на правом берегу реки.
Остальные - на левом.

IV. ПИСКОНСКИЙ

сел. Дех-Баланд	- 15 домов ^I
Фармейн	- 15 домов
Сокан	
Пискон	- 15 домов

V. КУЛЬСКИЙ

Семич	- 5 домов
Кули-Миёна	- 25 домов
Кули-Боло	

VI. АФТОБРУИНСКИЙ

сел. Петип ^х	- 12 домов
" Таги-Чанор (по ягн. Роут)	- 7 домов
Гарзой ^х	- 3 дома
Пулла-Роут ^х	- 8 домов
Каши ^х	- 8 домов
Чукат ^х	- 5 домов

УП. СОЯРУИНСКИЙ

сел. Ноумиткон	- 10 домов
Хисеки-Дарв	- 6 домов
Думезой	
Шовета	- 12 домов
Шахсара	- 2 дома
Муштиф	- 4 дома
Вағинзой	- 4 дома
Маргтумейн	- 5 домов
Бидив	- 7 домов
Ворсоут ²⁾	- 7 домов

В е к о у

¹ Жители селения говорят смешанным ягнобско-таджикским говором. — "Ҳар ду лафза харам [ҳаром ?] мекунад", говорили про говор жителей Дех-Баланда бидивцы.

² Жители сел. Фаркоу, состоящего из двух домов, могут считаться живущими скорее в Ворсоуте, где живут 8 месяцев и только 3 последних зимних месяца проживают у себя в Фаркоу.

УШ. ХШОРТОВСКИЙ

сел.Хшортоб

- 40 домов

Всего в аксакальстве Ягноба 30 селений. В подчеркнутым 21 селении говорят целиком по-ягнобски, в Деҳ-Баланде - смешанным таджикско-ягнобским языком. Остальные 7 селений - 5 вверху и 2 самых нижних - говорят по-таджикски.

Сел.Пулла-Роут.18 августа 1927 г.

Вышеприведенные цифровые сведения о количестве домов, сообщенные ягнобским аксакалом, следует считать заведомо ложными и намеренно уменьшенными. Так, например, с.Пулла-Роут, обозначенное как имеющее 8 домов, на самом деле имеет 12 домов (очередь летней пастбы, переходящая ежедневно с дома на дом, повторяется через 12 дней). В Гармейне, показанном аксакалом как состоящем из 15 домов вместе с сел.Сокан, на самом деле имеется 42 дома. Гармейн - 20 домов (10 домов в Верхнем Гармейне и 10 домов в Нижнем)^I и 22 дома в Сокане. Таким образом, получается по сведениям от жителей:

Название селения	Цифра, сообщенная аксакалом	Сообщение местных жителей	Примечание
Пискон	15 домов	35 домов	В том числе в Писконе из 35 домов 4-5 вдов с детьми.
Деҳ-Баланд	15 -"	25-30 -"	
Семич	5 -"	10 -"	
Даҳана	Не указано	6 -"	
Кули-Боло	25 домов	20 -"	
Кули-Миёна		13 -"	
Петип	12 -"	-	
Роут	-	-	
Чукат	5 -"	6 -"	
Ноумиткон	-	-	
Пулла-Роут	8 -"	12 -"	

^I [На полях рукописи обозначено] : Гармейн 10 + 16 = 26
(Папка № 7-а, стр.139-141).

Сообщ. Мулло Нияза (урожд. сел. Марг-
тумайн). Ташкент. 10 мая 1928 г.

На памяти стариков еще до прихода русских Ягноб делился в административном отношении на "сада"¹. Во главе каждой "сада", состоявшей из нескольких селений, находился один "арбоб". Должность арбоба соответствовала должности аксакала в равнинных районах. Можно предположить, что существовавшее деление на сада имеет за собой очень старое происхождение. В сущности оно сохранилось и до сих пор, так как прежние арбобы с установлением Советской власти стали называться "комитет" (несмотря на коллективный смысл этого названия), в селениях Средней Азии им повсюду называют одного человека), подобно русскому "домкому". Районы ведения "комитетов" сохранились совершенно те же, как и у прежних арбобов.

Население одной сада в административном отношении составляет "куп". Это слово само по себе, по объяснению ягнобцев, означает "сборище людей", "множество людей". Так, например, даже все население Ягноба могло бы быть обозначено как один "куп" в племенном отношении.

(Папка № 7-а, стр. 174)

Сообщ. Мулло Нияза (из сел. Марг-
тумайн). Ташкент. 5 января 1928 г.

Деление на сада

1. Векоб: 5 сел. - Муштиф, Вагынзой, Маргтумайн, Бидив, Шахсара.
2. с. Шовета, с. Думезой.
3. с. Хисоки-Дарв, с. Ноумиткон.
4. с. Каши, с. Чукат.
5. с. Пулла-Роут, с. Таги-Чанор.

¹ Об этом упоминает и Кун (1870). Деление это практически теперь так мало употребительно, что Н. Г. Маллицкий, посетивший Ягноб в 1906 г., уже его не слышал. (Развить мысль о "сада" вообще).

6. с.Петип.

Эти шесть сада составляют отдельное объединение в Ягнобе, которое представляет из себя "куп".

Можно предположить, что в старину в основе "куп", выразившегося и в делении на "сада", лежали родственные связи. Это проглядывает местами и до сих пор. Например, сел.Каши, расположенное на правом берегу Ягноба, тяготеет к сел.Чукат, лежащему на левом берегу. Оба селения составляют одно "сада" и выступают на защиту своих интересов совместно, хотя географически они отделены друг от друга рекой, сообщение через которую возможно только по мосту. У каждого имеются рядом другие селения (у Каши - Пулла-Роут и Таги-Чанор, у Чукат - Ноумиткон), но они предпочитают тянуться одно к другому. Объясняется это тем, что чукатцы считаются одного прихода с жителями Каши, выходцами из Каши.

(Папка № 7-а, стр. II8-а)

О ягнобцах-выселенцах к югу от Ягноба

Сел.Бидив. 8 июля 1927 г.

Первая группа:

1) Зуманд - 40 домов:	4 дома из Ворсоут, ^I
7-8 домов из Фармайн,	2) Гароб - 8 домов:
5-6 " из Сокан,	4 дома - из Фармайн
6-8 " из Ноумиткон,	4 " из Вагынзой.
6 " из Вагынзой	

^I Все выселенцы из Ягноба поселились на новом месте около 50-60 лет тому назад, заняв там необитаемые до того земли. Причина выселения - недостаток земли в Ягнобе. По словам ягнобцев, жители с. Ворсоут сравнительно недавно еще говорили по-ягнобски, но потом, по поредении их числа при эпидемии и под влиянием браков с женщинами из соседнего Хшортоба, где население говорило по-таджикски, теперь забыли свой родной язык. Выселенцы в Зуманд, однако, все говорят по-ягнобски.

Вторая группа:

С.Кок-Тепа - 20 домов: 3-4 дома из Вагынзой,
3-4 дома из сел.Шовета, 2 " из Куля.
5-10 " из Ноумиткон,

Третья группа:

с.Дарай-Харангон - 12-13 домов, из них 10 домов ягноб-
цев и 2-3 дома каратегинцев из сел.Шовета.

Во всех трех группах ягнобцы говорят на своем языке.

Первая группа выселилась из Ягноба приблизительно 50-60 лет
тому назад.

Вторая группа "- "- "- "- 70 лет.

Третья группа выселилась, отделившись из кок-тепинских пере-
селенцев около 40-45 лет тому назад.

(Папка № 7-а, стр.7)

• Отношение к соседям и их прозвища - "лакам"

Хшортобцев называют "табаккал", т.е. "авось". Они, по
мнению ягнобцев, едят так много, что должны и тут прибавлять
"авось": "Авось желудок вытерпит и не лопну на этот раз". Фан-
цы пользуются репутацией очень больших скряг и негостеприим-
ных. Считается, что они пользуются всяким случаем, чтобы из-
влечь выгоду из затруднительного положения проезжающего или
проходящего через их места. Их кличка - "зокфуруш" - "продав-
цы квасцов". В их местах квасцов, по-таджикски называемых
"замч", очень много, и фанцы занимаются торговлей ими.

(Папка № 7-а, стр. II-б).

Про бидивцев говорят, что они потомки рабов, и их
дразнят и попрекают при случае выражением: "Гатча-бидивча" -
рабы-бидивцы.^I "Раб" на старом ягнобском языке - "гатча"

^I Может быть в соответствии с этим жители селения Би-
див принуждены были занять самые плохо орошаемые земли в
Ягнобе.

или "галча"; теперь это слово в языке заменено словом "гулом".

Другое название бидивцев - "ёғи бедод" - "несправедливые бунтовщики". Вариант: "ёғи беяроғ" - "враги без оружия".

(Папка № 7-а, стр.18).

Исторические предания

Легенда об Александре Македонском. Среди чудесных рассказов о прошлом древним индо-иранским мифом веет от имеющегося предания об Александре Македонском, проходившем якобы по Зеравшану, посетившем соседний с Ягнобом Фальгар и повернувшем в соседнее селение Тагфон. Исторический образ греческого героя становится совершенно неузнаваемым при сравнении с Александром из таджикской легенды, облеченным ореолом древнего благодетельного божества, пробуждающего природу. При приближении благородных копыт его коня - "Ба шарофати сулои асп" - по мере того, как продвигался Александр, расцветала природа, вырастали плодовые деревья - виноград, персики, тут, абрикосы, орехи, слива, которыми изобилует Фальгар. В своем торжественном шествии он дошел до Тагфона (приблизительно верстах в 40 ниже Ягноба) и там остановился для принятия пищи. Покончив с едой, он не пошел дальше на пути в Ягноб, а, обратившись в сторону последнего, вытряхнул свою скатерть для еды - "дастурхон" со следующим пожеланием: "Барака Ягнобиса тирот" - "Пусть благодать идет в Ягноб". Ветер подхватил крошки хлеба, оставшиеся после еды в скатерти, и донес их до Ягноба. Отсюда пошли ягнобские урожаи хлебов, но зато здесь не растут ни обычный таджикский тут, ни абрикосы, так как здесь не ступал конь Александра.

(Папка № 7-а, стр.25)

[Запись без указания места]

[Легенды о предках-язычниках и др.] Как можно предположить, в числе обстоятельств, благодаря которым ягнобцы до сего времени сохранили свой старый язык, уцелевший до наших дней, при сплошном подчинении таджикскому

языку их соседей, было то, что, по-видимому, ислам проник к ягнобцам сравнительно позднее. Среди них мне пришлось натолкнуться на уцелевшие воспоминания, передававшиеся из поколения в поколение, что когда-то Ягноб был населен язычниками, принявшими потом ислам. Некоторыми данными для предположения, что это произошло не так давно и прошло для ягнобцев не особенно гладко, является то, что существует довольно распространенное среди их соседей выражение, что ягнобцы обращены в мусульманство топорами — "ба табар мусулмон шуданд". Относительно жителей селений Каши, Пулла-Роут и Таги-Чанор (ягнобское название Роут), до сих пор сохранилось интересное предание о том, что их родоначальники, бывшие язычниками, спасаясь от преследования мусульман, покинули Матчу и через пер.Сурхкят перевалили в Ягноб, где и основали упомянутые три селения.¹ И до сих пор, помимо насмешливого прозвища "хунду", т.е. "индусы", даваемого им их соседями за несомненно установленное происхождение их от предков язычников, им ставится жителями окрестных селений в вину, как языческая привычка, то, что они встают поздно, после восхода солнца, и только тогда читают свой утренний намаз. Следы языческих верований в обычаях жителей названных трех селений окрестное население видит также в том, что они два раза в год пекут чалпаки.²

Вообще упоминания о сравнительно недавнем, видимо, язычестве встречаются в Ягнобе довольно часто. В с.Бидив, например, где мы остановились первое время по прибытии в Ягноб, один небольшой участок земли среди полей до сих

¹ Согласно преданию, их было пять человек. Трое осталось в Ягнобе, основав названные три селения, а двое прошли дальше на юг, в сторону Гиссара, и о дальнейшей судьбе из местного предание умалчивает..

² "Чалпак" — блины из кислого теста, имевшие, как и русские блины, раньше ритуальное значение в жизни оседлого (в основе таджикского) населения Средней Азии. "Чалпаки гармата хурам" — "Чтобы поесть мне горячих блинов (на поминках) по тебе", — кричит рассерженный таджик тому, с кем он поссорился.

пор сохранился и носит определенно старое название "Кофири лакка", т.е. "участок язычника".

(Папка № 7-а, стр.21,22)

Беседа с Мулло Ниёзом (из сел. Маргтумайн).Ташкент.14 февраля 1928 г.

Существует предание, что в древнее время на вершине горы Шоугар — могучей вершины, доминирующей над нижними селениями Ягноба, жил язычник — "тофир" От, сын Унука (От ибни Унук). Он обладал страшной силой и в своей пращи — "фалахбон" бросал сверху вниз громадные камни. Один из них, лежащий около с.Шовета и известный под именем Санги-Калон, и сейчас жители приписывают ему.

(Папка № 7-а, стр.28)

[Запись без указания места]

В местности Кофар-Калъа в окрестностях с.Кок-Тепа (Зидди) около мазара Ходжа Исан-хон и теперь извлекают [из земли зерна] пшеницы.

В местности Нахширак выше Ворсоута, где мельницы... [неразборчиво] имеются, по словам таджиков, очень хорошо исполненные изображения нахчиров, за которыми гонятся гончие — "този". Имеется также изображение кругов, характеризующих жителей, как кольцо от подпруги — "аили ҳалқа".

(Папка № 7-а, стр.23).

Сел.Пулла-Роут.11 августа 1927 г.

Селение Пулла-Роут или Пулла-Роут, 12 домов. Может быть, это название произошло от названия соседнего селения, известного теперь, как Таги-Чанор среди таджиков и Роут среди ягнобцев.

По существующему среди жителей преданию, жители в ста-

рое время (не так давно еще) были язычниками. Потом страна подверглась нашествию каратегинцев, и выстроили здесь (на скале над селением) крепостцу, в которой содержался гарнизон. Затем откуда-то "со стороны Ташкента" прибыл один знатный человек, известный, как "Ша". Он подверг Ягноб большому разорению, сжег и разрушил дома ягнобцев. Население с. Пулла-Роут обратилось тогда с жалобой на угнетение и с просьбой о защите к жителям всей Матчи. Матчинцы в большом количестве пришли и произвели нападение на Ягноб.

(Папка № 7-а, стр. 136)

[Запись без обозначения места]

В памяти жителей сохранились воспоминания о том, что в старые годы Ягноб одно короткое время, около 65 лет тому назад, подчинился Дарвазу, потом тоже на очень короткое время власть перешла к Кулябу. Иногда власть над Ягнобом захватывали матчинцы (приблизительно около 60 лет тому назад)¹ под начальством хакима Шайх Назара.

(Папка № 7-а, стр. 135)

Сел. Бидив. 27 июня 1927 г.

По существующим среди ягнобцев преданиям, настоящая населенная полоса Ягноба от Новобода до Хшортоба является будто бы только половиной прежнего, когда-то далеко вверх простиравшегося Ягноба. Ягнобцы уверяют, что выше Новобода и сейчас имеются следы когда-то бывших там селений, начиная с самого верха, от Гуйбоза.² Из последних называют следую-

¹ Рассказывавший старик, 80 лет, говорил, что ему было тогда лет 15.

² Самое название этого широкого открытого горного пространства, покрытого прекрасной травой и славящегося кругом своими пастбищами, привлекающими на лето скотоводов, как из Гиссара, так и из Ура-Тюбе, Заамина и других мест, происходит (продолж. сноски см. на след. стр.)

щие, начиная сверху: Селение, якобы состоявшее когда-то из 300 домов и расположенное в местности, известной теперь под именем Калоур-Тепа, Санги-Малик, Пода-Бедо,¹ Работ-Санг, Сафидпуш. Бывавшие там ягнобцы уверяли меня, что отчетливо до сих пор еще сохранились следы арыков и полей. Эта возможность посевов столь высоко учитывается жителями верховьев Ягноба, сеющими горох и ячмень (в этих местах пшеница не растет). По преданию, все эти селения будто бы были однажды разрушены необычайно сильным выпадением снега в одну ночь, от которого провалились крыши домов и погибло много населения.

Имеется рассказ, что один старик, живший с семьей сыновьями, поняв опасность, намазал салом спины своих сыновей и заставил их всю ночь очищать снег с крыши, благодаря чему они были единственными людьми, уцелевшими из своего селения. Только с большим трудом они могли потом, идя по замерзшей реке, добраться до сел. Новобод.

Из оставшихся в живых многие ушли в Бухару и, как говорят старики, их потомки, выросшие там, долго помнили по рассказам предков, из каких селений (теперь уже разрушенных) первоначально вышли их прадеды. Это событие произошло якобы около 200 лет тому назад.

Следы языческого периода сохранились и в иногда встречающихся в Ягнобе могилах немусульманского характера.

дит от слова "гуйбоз" — игрок в поло. По преданию, жители сел. Пальдорак из Верхней Матчи, относительно которых рассказывают, что они когда-то были шиитами и одно время владели Ягнобом, останавливались здесь и играли на этой великолепной равнине в поло.

[Запись на полях рукописи]: 1) Мири-Зард в Ромите, в сел. Петип Каноат-шо, 2) Матча, 3) Фон — Давлят-бек, 4) Ниёз Ходжа; 5-6 крепостей.

1) Словом "пода-бед" обозначается низкорослая, очень мелкая ива, растущая в виде кустарника. Ее ветви идут на изготовление корзин.

Верстах в 3 ниже сел.Бидив, в местности Кансау [Кан-сай?], где прежде было небольшое селение, а сейчас имеются только посеы, находится очень вытянутый поперек долины бугор, имеющий вид небольшого моренного образования, называемый Муғи-Кур, где, как говорили ягнобцы, они находили следы языческого погребения.

(Папка № 7-а, стр.26-27)

О диалектах ягнобского языка и о таджикском языке в Ягнобе

Деление диалектов

Сел.Бидив.23 июня 1927 г.

По словам аксакала, ягнобский язык делится на два диалекта: селения афтобру и сояру говорят одним говором, а сел. Пискон и Куль - другим. Однако, по словам жителей с.Бидив, говор "афтобру" разнится от говора "сояру". Можно поэтому предположить, что, по-видимому, в Ягнобе имеется два диалекта (или говора): 1. селений афтобру и сояру, 2. сел.Пискон, Деҳ-Баланд (смешанный с таджикским) и Куль. Первый диалект (или говор) делится на два говора или подговора: сояру и афтобру.

По объяснению других бидивцев, следующие группы селений говорят одним говором:

Первая группа: Бидив, Маргтумайн, Вагынзой, Муштиф, Шахсара, Шовета, Думезой, Хисоки-Дарв, Ноумиткон.

Все другие селения говорят несколько отлично от перечисленной группы.

Вторая группа: Чукат, Каши, Пулла-Роут, Гарзой, Таги-Чанор, (Роут), Петип. Эти шесть селений имеют свой говор.

Третья группа: Семич, Даҳана, Кули-Миёна, Кули-Боло, Сокан, Гармейн. Эти шесть селений говорят, по словам бидивцев, в свою очередь, отдельным говором или диалектом.

Четвертую группу составляет сел. Пискон, которое будто бы обладает своим особым говором.

Следует отметить заметную разницу в говоре даже между разными селениями (иногда и между отдельными лицами) одной и той же группы. В Бидиве, например, слово "теперь" произносят "атуни", в Маргтумайне (в одной версте, на другом берегу реки) произносят "атони", в Бидиве "сын, юноша" - "жута", в Маргтумайне - "жота", в Бидиве "он сказал" - "авов", в Маргтумайне - "авов".

Образцы изменений: нос - "найс", Бидив - "нис", чашка - "ворза", Бидив - "ворса".

Летовка Кули-Ворсоут. II июля
1927 г.

По сообщению маргтумайнцев, в родственных отношениях и связях имеется следующее деление:

Первая группа: селения Маргтумайн - 10 домов, Вагынзой - Муштиф - 12 домов, Шахсара - 5 домов, Бидив - 12 домов. Эти все селения роднятся между собою, вносят подати сообща одной группой.

Вторая группа: селения Думизой - 12 домов, Шовета - 15 домов, Это, в свою очередь, отдельная группа.

Обе группы говорят одинаково.

Дальше тот же говор:

Хисоки-Дарв - 15 домов, Ноумиткон - 30 домов, Чукат - 8 домов.

[На полях рукописи]: тадж. "фалтид": "атираш" - Векоб, "адиWin" - Каши.

Все это одно аробобство

Каши	- 12 домов	} Особая группа по говору и отдельный комитет
Пулла-Роут	- 15 домов	
Таге-Чанор	- II "	
Петип	- 24	

Пискон	}	Особая группа и отдельный "комитет"
Деҳ-Баланд		
Гармайн		
Сокан		

Семич	}	Тот же говор. Отдельный "комитет"
Даҳана		
Кули-Миёна		
Кули-Боло		

Заключение. По проверке и по опрашиванию разных ягнобцев следует установить существование трех говоров или диалектов в Ягнобе, причем это родственное и диалектологическое деление сохранилось до сих пор до некоторой степени и в административном подразделении.

Первая группа состоит из 9 нижних селений Ягноба, расположенных на левом берегу и I (Бидив) нижнего на правом - всего 10 селений. Из них одно (Чукат) в административном отношении входит в правобережный комитет.

Вторая группа: Каши,	}	составляют "солнечную" группу
Пулла-Роут		
Таге-Чанор		
Петип		

Третья группа: начиная с самого верхнего ягнобского сел. Деҳ-Баланд до Куля (два комитета) говорят особым, третьим, говором.

Таким образом, можно назвать первую группу "теновой" - "сося-нема", вторую - "солнечной" - "хур-нема" и третью - кульской, так как главным центром этого говора является Куль.

(Папка № 7-а, стр. 8-II)

[Без указания места записи]

По-видимому, предположенное мною раньше деление ягнобского языка в общем на три говора подтверждается из впечатления в Куле. Кульцы мне говорили, что их собственный говор простирается, начиная от Кули-Боло - самого верхнего селения

до селений Гармен и Симич включительно и, кроме того, к этой же группе относятся и верхние три селения: Пискон, Дех-Баланд и Навомейн (Новимайн).¹

Третью, "солнечную", группу составляют селения: 1) Чукат, 2) Ноумиткон, 3) Каши, 4) Пулла-Роут, 5) Таге-Чанор, 6) Петип- всего шесть селений.

Слово "три" в произношении теневой группы "тирай", кульской - "сарай" и солнечной - "сирай".

В данном случае "солнечная" группа занимает промежуточное место, сохранив теневое "и" и кульское "с" (вместо "т").

(Папка № 7-а, стр.20)

Летовка Кули-Ворсоут. 10 июля 1927 г.

Куль - по-ягнобски означает долину, расположенную между высокими горами.

"Кул ашави - кур ашави" - "Идешь в Куль - идешь в могоилу", говорит ягнобская поговорка, имея в виду высокие окружающие горы.

Разговор с Мулло Ниёзом (из сел. Маргтумайн). Ташкент, 24 декабря 1927 г.

Старые ягнобские слова. Можно предположить, что в ягнобском языке, употребляемом в настоящее время, все время идет процесс утери старых слов, заменяемых другими, вероятно, большей частью заимствованными из окружающих таджикских говоров.² Может быть также, что в разных старых диалектах, которые имелись в старину в Ягнобе, при наблюдающемся теперь

¹ [По-видимому, это квартал, а не селение. См. ниже.]

² Параллель с Касаном, где также существуют замены [слов] в таджикском языке.

унифицировании языка, из параллельно употреблявшихся разных слов одного и того же значения, но разнящихся словообразова- тельно, многие принуждены были уступить свое место воспреоб- ладавшим соперникам и выйти из употребления. Воспоминания о таких "старых" словах, знакомых еще старикам, но неизвестных уже молодежи, до сих пор еще имеются среди ягнобцев, называ- ющих их "қадима лавз" - "старые слова" или "қадима зывок" - "старый язык". Следует также отметить, как мне говорил один заслуживающий доверия ягнобец (Мулло Ниёз), что далеко не все старики помнят и знают такие слова. Этим, вероятно, объ- яняется, почему я во время пребывания в Ягнобе, начав рас- спрашивать о возможности сохранения подобных исчезающих слов в языке, не мог добиться чего-нибудь определенного. И толь- ко потом, в Ташкенте, со слов привезенного из Ягноба горца, я узнал, что его теща, например, в настоящее время около 80 лет, но старуха еще бодрая, неоднократно говаривала ему, что то или иное слово в старину называлось иначе. Так как ста- рые обороты, естественно, должны были сохраняться дольше среди женщин, элемента более приверженного традициям и сидящего (по крайней мере, более сидевшего в старое время не- подвижно в своих горах), то они-то и должны были лучше сох- ранить эти слова. Я же в Ягнобе расспрашивал только мужчин и, как упомянул, большого толка не добился.

Вот образец старого и "нового" (?) слова в фразе, ко- торую вспомнил Мулло-Ниёз со слов своей тещи:

совр. ягнобск.: "ту непид - курпа ругаҳет бидаппом".

стар. ягнобск.: "ту нейид - курпа ругаҳет питахшом".

таджикск.: "ту хоб рау - ман курпая болот-ба партом".

руссск.: ты ложись - я наброшу сверху на тебя одеяло.

В данном образчике мы видим замену в ягнобском язы- ке только одного слова "питахшом" якобы современным "бидаппом".

(Папка № 7-а, стр. I8-а и I8-б)

Сел. Пулла-Роут. 17 августа 1927 г.

Таджикский язык в Ягнобе. Как признаки продолжающе- гося процесса отмирания ягнобского языка с окраин ягнобско-

то оазиса можно указать на с.Канси, где старики еще и до сих пор говорят по-ягнобски, в то время, как молодежь этого языка уже не знает и говорит по-таджикски.

Отдельные части Канси и сейчас еще носят ягнобские названия: Ноу-Мейн, Бидон-Мейн, Пор-Мейн, Боге-Сар, Гаре-Сар.

Более удаленные ягнобско-согдийские имена можно видеть, например, в названиях Фальгар (Фалгар) и Гарм (Фарм) - главный пункт Каратегина. Наконец, даже г.Чимкент (Чим-кат) может быть ягнобско-согдийским (ягн. "чим" - дерн). Ягнобские названия встречаются и в выше расположенном селении - Кирийонте: напр., "Малик-Хон" - "Летовка Малика". Если специально заняться прослеживанием, то, я полагаю, можно собрать очень интересные старые согдийско-ягнобские названия, разбросанные очень широко.

(Папка № 7-а, стр.133)

Сел.Бидив. 8 июля 1927 г.

Наиболее всего таджикское влияние сказывается в сел. Бидив, где население очень хорошо говорит по-таджикски (между собою все же по-ягнобски), благодаря тому, что оно лежит под подножьем перевала Дарг, через который ведет наиболее бойкое движение в Ягноб. Другие селения говорят хуже. Хуже всего говорят в Сокане и Куле.

"Забоншон мағзор не, коуок забоншон", - говорили про ягнобский говор кульцев жители Бидива. Этот говор, тем не менее, они, по их словам, понимают свободно.

(Папка № 7-а, стр.18)

Разговор с Мулло Ниёзом (из сел. Маргтумайн). Ташкент. 24 декабря 1927 г.

Раньше таджикский язык знали значительно хуже. Распространение этого знания происходит теперь у всех на глазах. В старое время знали те немногие, которые уходили на

заработки. Таких было мало. Теперь же таджикский язык начинает распространяться и между женщинами, хотя все же следует отметить, что и среди мужчин в Ягнобе можно встретить до сих пор еще людей (например, в сел. Шовета, Думезой, Таги-Чанор, Кули-Миёна), очень плохо знающих таджикский язык. Среди женщин попадаются такие, которые ни разу не покидали Ягноба. Обычно те совершенно не говорят по-таджикски и есть даже такие, которые совсем не понимают, когда на нем говорят. Объясняется это тем, что между собой ягнобцы говорят только по-ягнобски. При малом же посещении Ягноба таджиками, женщины совершенно остаются в стороне и, естественно, не имеют возможности упражняться по-таджикски.

Вопреки жителям долины Вандж, которые в разговоре со мною не раз дурно отзывались об утраченном ими за последние 100-200 лет своем древнем языке ("забони бобигии мо ганда будаст" - наш дедовский язык был плохой) и очень довольны приобретенным теперь ими таджикским, ягнобцы, видимо, очень любят свой язык, как любят и свои угрюмые, сдавленные горы, с их суровым климатом и природой. При посещении равнин им немало приходится выслушивать попреков и насмешек над их непонятным для таджиков языком. Процесс разрушения ягнобского языка таджикским и замены последним, конечно, движется вполне осознанно, но все же без любви к своему языку, без какой-то скрытой некоторой маленькой гордости им, это разрушение шло бы еще сильнее. "Нехорошо отказываться от своего языка". "Это противоречит и священному писанию", - доводилось слышать мне от ягнобцев. "Язык семи поколений" (афт пуштай зывок) - почему-то скромно определяют они древность своего языка.

[Запись без обозначения места]

"Чил - пинчо соле рйти мох тоуики нигиригимишт. И тоуик авбавишт, рахисаш агоримишт: хайрон авиимишт, - чоӣ вобашт?" - "Сорок-пятьдесят лет назад мы не знали по-таджикски. Приходил (когда) таджик, мы смотрели ему в рот: удивлялись - что он (такое) говорит?"

Все ягнобцы единогласно уверяют, что в старое время

они совершенно не знали таджикского языка. Отходные заработки раньше не имели места.^I Начались только после прихода в край русских. За последнее время отходу на заработки стало содействовать и проведение железной дороги, сокращающей расстояние, например, до Бухары, куда ходят на работу. Теперь среди ягнобцев наблюдается большое разнообразие в этом отношении. При общем отходе мужчин на промыслы есть селения, где это практиковалось более усиленно, в других — менее. Сравнительно больше идут из "теневого" стороны. Меньше — с "солнечной" и из Куля. В свою очередь, среди ходящих есть такие, которые ходят ежегодно, а некоторые даже до 2-3 раз в году. Другие ходят через год, и, наконец, имеются такие, которые даже совсем не покидали Ягноба. Последние, конечно, говорят по-таджикски хуже, но все же и они, благодаря развившемуся за последние годы посещению страны заезжими таджиками, приезжающими сюда по разным своим делам, понимают и несколько говорят по-таджикски. Между собою, оставаясь наедине, все ягнобцы говорят до сих пор только по-ягнобски.

Женщины говорят по-таджикски значительно меньше. Лучшее всего, конечно, знают те, которым приходилось ходить со своими мужьями в равнины на заработки. Те, которые совсем не ходили, т.е. громадное большинство, немного говорят по-таджикски только в пограничных с таджикской полосой селениях, где больше проявляется таджикское влияние (например, Бидив). Во внутренних же некоторых селениях Ягноба женщины обычно до сих пор не говорят и не понимают по-таджикски.

(Папка № 7-а, стр. II-а - 13)

[Запись без указания места]

Письмо на ягнобском языке. Как мне говорил Мулло Ниез, несмотря на отсутствие книг на ягнобском языке, тем не менее среди тех немногих мулл Ягноба, которые имеются там

^I К этим заявлениям, по-видимому, следует отнестись осторожно. Есть старики, которые говорят, что они помнят, как их отцы говорили, что они ходили на заработки.

в настоящее время, бывают случаи, когда они пишут обыкновенными арабскими буквами, но на своем собственном языке. Кажется, это делается главным образом тогда, когда они желают скрыть от таджиков написанное. Таких мулл в Ягнобе в настоящее время имеется двое — Калаур и Мулло Ходжа (из сел. Хисоки-Дарв).

(Папка № 7-а, стр. II-б)

Разговор с Мулло Ниёзом (из сел. Маргтумайн). Ташкент, 28 декабря 1927 г.

Физическое строение ягнобцев

Ягнобцы по своему физическому строению, как и следовало ожидать, производят впечатление принадлежности к тому же антропологическому типу, как и окружающие со всех сторон Ягноб горные таджики, проживающие как в соседних долинах, так и в самой узкой долине Ягноба, образуемой р. Ягноб, где помимо пространства, занимаемого оазисом из чисто ягнобских селений, расположены сверху и вниз от них селения, население которых говорит теперь уже только по-таджикски. Для большей ясности представления все же следует отметить, что, принадлежа в общем, в основных чертах к одной и той же расе, таджики, окружающие Ягноб, довольно заметно разнятся во многих местах между собой, между различными долинами или даже иногда между отдельными селениями по своим антропологическим признакам, может быть, малозаметным для непривычного поверхностного взора проезжающего мимо европейца, но совершенно осязательным для самих таджиков. В этом сходятся все таджики, с которыми приходилось разговаривать на эту тему. Все они уверенно и ясно говорили часто про антропологическую разницу между собой и теми или другими окрестными племенными группами таджиков и подчеркивали те характерные физические признаки, которые отличают от других таджиков, или разделяют различные таджикские группы между собой. Это как раз та область внутренней этнической разницы, которая, если не ошибаюсь, пока почти совсем не затронута антропологическими исследованиями

и которая, вероятно, должна в будущем пролить немало света на выяснение происхождения этнических элементов, из которых сложилось современное таджикское население как бесчисленных горных долин, населенных в Средней Азии таджиками, так и равнинных таджиков.

Ягнобцы в этой видовой разнице различных мелких таджикских групп друг от друга — групп, принадлежащих одной общей семье, вряд ли особо выделяются в сторону от них своими характерными особенностями физического строения и, по-видимому, разнясь несколько от окружающих таджикских этнических групп, не превышают в этом отношении границы обычной степени разницы, которая в разных вариантах часто существует, как можно предположить, между теми или иными группами таджиков, в особенности по отдельным долинам.

Касаясь ягнобцев и сравнения их с соседними таджиками, можно отметить следующее, оговорясь, что экспедицией антропологических наблюдений или измерений не производилось и что то, что приводится ниже, является изложением или мнения самих местных жителей или простого впечатления на глаз за время недолгого пребывания в Ягнобе, при занятии при этом другим делом.

Все ягнобцы, с которыми приходилось говорить о разнице в физическом строении между ягнобцами и окрестными таджиками, единогласно утверждали, что имеется вполне заметная разница — настолько заметная, что они всегда могут отличить таджика из других мест от ягнобца, на основании таких признаков, как цвет кожи, размер глаз, их положения в глазных впадинах, высота роста и пр. И не только отличить, отделив от себя, но обычно могут даже определить, к какой из окрестных долин относится тот или другой попавшийся таджик. Вот, например, как определяли других таджиков в разговоре со мною жители селения Сархади-Куль: "Фальгарцы, например, те как-то телом потоньше и кожа у них побелее — вероятно от того, что они едят много абрикосов, — делали свое заключение ягнобцы. — Хотя не все: вот в сел. Вешап, в том же Фальгаре, например, там народ низкорослый — "пажралт" и кожа у них темная". "Может быть это от того, что они едят много тут", — присоединил

свое собственное мнение один житель сел.Куль к приведенному определению кучки своих односельчан. К этой характеристике жителей Фальгара присоединились и ягнобцы из других селений, с которыми приходилось говорить по этому поводу.

Как меня уверяли ягнобцы, они легко также отличают по физическим признакам и матчинцев: "Тонкие и очень высокого роста; кожа у них посветлей нашей; глаза более крупные, чем у нас, лоб нахмуренный". И, действительно, в тех случаях, в которых приходилось наблюдать, ягнобцы, не задумываясь, узнавали матчинцев и даже удивлялись мысли, что их можно не отличить по одним антропологическим признакам, не касаясь костюма.

Как своих соседей с севера, так определяют и знают ягнобцы и соседей с юга, живущих по южную сторону Гиссарского хребта. Жители, например, селения Зидди (долина Варзоб) отличаются, по их определению, широкоплечностью, плотностью сложения. Глаза имеют "мужественные" - "гурдош мардина", т.е. большие, чего ягнобцы, определяя свой тип, видимо, к своему огорчению, про себя сказать не могут: глаза у них меньше. Кожа у жителей Зидди, по определению ягнобцев, такая же смуглая, как и у ягнобцев, растительностью на бороде тоже не отличаются - бороды средние. Жители селения Руфигар, т.е. представители верхней части долины, спускающейся к сел.Ромит, характеризуются ягнобцами, как тонкие, высокие, сухощавые. Глаза такие же небольшие, как и у ягнобцев, сидящие довольно глубоко в глазных впадинах. Бороды, однако, скорее более длинные.

Окрестные таджики, когда с ними приходилось говорить про ягнобцев, тоже говорили, что они могут отличать ягнобцев по их физическому строению. По словам жителей таджикского селения Новобод, самого верхнего селения, расположенного по р.Ягноб, у ягнобцев, по сравнению с ними, якобы более длинное туловище. Указывали также и некоторые другие признаки.

Что же касается возможной разницы в типе между различными частями Ягноба, то большинство ягнобцев, утверждавших, что они всегда могут отличить ягнобца от посторонних, все же

говорили, что не видят разницы в физическом строении между жителями различных частей Ягноба. И только один ягнобец (Мулла Нияз из сел. Маргтумайн), неоднократно дававший в других случаях возможность убедиться в большой точности и надежности сообщавшихся им сведений, сообщил следующие свои впечатления.

По наиболее выдающимся физическим признакам население Ягноба может быть разделено на две части. Одна состоит из селений Шове́та, Думезой, Бидо́ни-Куль, Сокан, Симич и Пискон. Жители этих селений, разбросанных в разных местах Ягноба, отличаются от прочих более низким ростом, приземистым, широким сложением и более темной кожей. Другая группа состоит из селений Бидив, Маргтумайн, Вагынзо, Шахсара, Муштиф, Петип, Таги-Чанор (по ягнобски Роут), Каши, Пулла-Роут, Саржаде-Куль, Дахана, Фармайн и Дех-Баланд. Жители этой второй группы несколько выше ростом, более стройные, кожа у них несколько светлее. В особенности отличаются высоким ростом среди ягнобцев жители самого верхнего ягнобского селения Дех-Баланд. Они также широкоплечи — "сиркифт". Лежащее выше над ним в настоящее время уже в значительной степени отаждиченное, но сравнительно недавно еще ягнобское селение Канси отличается также высоким ростом своих жителей, еще более высоким, чем в Дех-Баланд. Кожа их, однако, несколько темнее дех-баландцев. В прилегающем к Ягнобу с другого его конца снизу, первом в этом направлении таджикском селении Ворсоут, жители по типу примыкают к первой группе, т.е. низкорослы, широкого сложения, с смуглой кожей. Следующее за этим вниз большое таджикское селение Хшортоб, в административном отношении, как и Ворсоут, входящее в Ягноб и, несомненно, когда-то, вероятно, не так еще давно, бывшее ягнобским и по языку, отличается сложением своих жителей от Ворсоута. Хшортобцы также же высокие, как жители селений Дех-Баланд и Канси, но кожа у них темнее, чем у дех-баландцев и, может быть, даже еще более смуглая, чем у жителей Канси.

В общем, про ягнобцев можно отметить, касаясь глаз, большое преобладание карего цвета. Карие глаза, называемые ягнобцами "овечьими" — "мешак-гурда", т.е. такого же цвета, как и глаза овцы, имеются, по их определению, приблизительно

у трех четвертей населения Ягноба, что соответствует и впечатлению, полученному экспедицией. Карий цвет глаз встречается, естественно, в разных оттенках, но, можно думать, что светло-карих меньше, чем просто карих или темно-карих. Светлые глаза - серые и голубые, хотя и встречаются, но сравнительно очень редко. У обладателей светлых глаз, как правило, встречаются также и светлые волосы - большей частью светло-русые. Черные глаза тоже довольно редки.

Волосы ягнобцев большей частью являются русыми - "малла", часто темно-русыми. Довольно часто также встречаются и черные волосы. Бороды окладистые, но не особенно длинные, со слегка вьющимися волосами - приблизительно такие же, как у их соседей гиссарцев и фальгарцев, но короче, например, чем у матчинцев, среди которых попадаются более длинные бороды.

Может быть можно отметить также, как характерную черту, очень большую сравнительно волосатость ягнобцев, захватывающую почти все тело, у некоторых шерсть, виденная мною на груди, положительно поражала обилием. Но, по словам ягнобцев, этим свойством отличаются также и их соседи к югу от Гиссарского хребта, по его склонам, и даже, по их словам, может быть, еще в большей степени.

(Папка № 7-а, стр. 158-161)

ХОЗЯЙСТВО ЯГНОБЦА

Земледелие [Незавершенная глава]

Как все таджики, ягнобцы являются по существу коренными земледельцами. Скотоводство у них обычно является только побочным, подсобным занятием. Считается, что если бы не занятие земледелием, то в Ягнобе не было бы возможности жить. Главное свое пропитание ягнобец получает непосредственно от земли, от продуктов земледелия.

Влияние климата на земледелие. Вследствие очень сурового климата Ягноба то, что сеет ягнобец, до невероятности ограничено. Ячмень, пшеница и горох — "яу-т фантум-т мушк" — вот и все, что обычно сеется и рождается на полях ягнобцев.¹ Ни овощей каких бы то ни было, ни других злаков ягнобец не сеет, так как, по его мнению, больше ничего в Ягнобе расти не может, так же как там нет и плодовых деревьев.² Даже для неприхотли-

¹ Сорт гороха, который сеется в Ягнобе (зерна темного цвета), называемый ягнобцами "мушк", среди таджиков Гиссара известен, как "мушунг". Другой сорт гороха, называемый "нахут", в Ягнобе не сеется, как не сеются и бобы, растущие в изобилии в окрестных таджикских странах. По словам ягнобцев, посевы бобов не удаются в Ягнобе, так как цветы их пожираются какими-то жуками.

² В одном из самых нижних селений Ягноба, в с. Бидив, пробовали разводить картофель, который, по словам ягнобцев, удавался довольно хорошо, но требовал обильной поливки, чего это маловодное селение не могло дать, и в результате попытки дальнейшего разведения были оставлены. Так же печальны бывают редкие попытки разводить иногда в очень небольшом количестве морковь в некоторых из нижних селений Ягноба. Небольшое утолщение у корешка, — невыгодное экономически, — было все, что успевало получаться, по словам ягнобцев за короткий вегетационный период. Даже репчатый лук и тот не вызревает в Яг-

вого и выносливого тута (шелковица) и то Ягноб расположен слишком высоко, и тута нет ни в самом Ягнобе, ни даже в ближайших, расположенных ниже его таджикских селениях. Только одна черная смородина - "хушнук" - единственная ягода, которая скрашивает в некоторых местах Ягноба суровое отношение природы к ягнобцу.

Климат в Ягнобе таков, что пшеница далеко не везде свободно вызревает, хотя, гонясь за разнообразием и лучшим качеством хлеба, ее стараются сеять везде, во всех ягнобских селениях. Разница только в том, что там, где вероятность ее вызревания сильнее, ее стараются сеять больше, где же климат более суров - сокращают размеры и вместе с тем риск неурожая до минимума. В общем в Ягнобе больше всего сеется ячмень, достигающий, по словам ягнобцев, приблизительно до 90% общей посевной площади ячменя и пшеницы. Второе место за ячменем в ягнобском обиходе занимает горох - "муш", сеющийся только на поливных землях по всем селениям Ягноба, но по размерам посевов он уступает место ячменю. И только третье место занимает пшеница.

Взаимоотношение посевных растений в различных частях Ягноба. Степень возможности возделывания пшеницы, как упомянуто, в различных местах Ягноба неодинакова. В то время, как во многих местах в годы с наступлением ранней зимы она вырастает с трудом, побиваемая морозом еще до созревания, в других, правда, очень немногих местах Ягноба, она успевает вызреть и в общем родится хорошо. К таким исключительным ме-

(продолж.сноски с предыдущей стр.)

нобе и привозится из соседних мест. Единственный овощ, который сеется в Ягнобе, но и то далеко не всеми домами и даже не во всех селениях, это пахучая трава с белыми цветочками, называемая ягнобцами "кашниз". Она сеется иногда женщинами, употребляющими эту траву как приправу в кушанья. Небольшой огородаик неподалёку от дома в таком случае не превышает двух-трёх квадратных аршин. Сколько-нибудь существенного значения эти посевы, конечно, не имеют.

стам принадлежит селение Гармейн, где посевы пшеницы (сеется там только под дождь) составляют приблизительно около 75-85% общего посева. Следующим местом, где тоже много сеют пшеницы, является селение Канси, расположенное в самой верхней части чисто ягнобского района, а за ним идет расположенное в самой нижней части Ягноба малоземельное и маловодное селение Бидив, где посевы пшеницы доходят, по словам ягнобцев, приблизительно до 50% общего посева. Там она также сеется под дождь, как и в Гармейне. В остальных местах Ягноба пшеница сеется только в небольших размерах - в среднем каждый дом засеивает приблизительно около четырех пудов зерна (хотя есть дома, где посев пшеницы сокращался даже до двух пудов засеваемого зерна). В этой части Ягноба преобладает ячмень, который засеивается каждым домом приблизительно в среднем около 12-20 пудов.

Горох - "мушк" сеется только одного сорта в размерах от 2 до 8 пудов в хозяйстве и только на поливных землях.

Условия, влияющие на урожай. Урожайность посевов в различных местах Ягноба тоже неодинакова, как равно имеется в этом отношении большая разница между посевами под дождь, называемыми "сахрой" или "ялми" (далми), и полями с искусственным орошением - "оби". По-видимому, на разницу влияет также качество почвы, неодинаковой в разных местах Ягноба, а также сила и продолжительность солнечных лучей в соответствии с расположением того или другого места, или обращенного своим склоном к солнцу и получающего больше тепла, или, наоборот, если наклон местности обращен в противоположную от солнца сторону, солнечные лучи освещают только скользя и тепла дают меньше. Может иметь иногда значение также открытое или закрытое положение местности, так как, если поле приходится на пространство, значительно закрываемое тенью какой-нибудь соседней горы, сокращающей число солнечных часов, то посевы часто не успевают созреть до наступления морозов.

По урожайности пшеницы в Ягнобе славится селение Гармейн, где при наивысших урожаях, по словам ягнобцев, она давала сам-шестнадцать. В других селениях урожайность ее значительно падает. В сел. Бидив в урожайные годы пшеницы роди-

лась, как говорили ягнобцы, сам-шесть, а в селениях теневой стороны — сам-четыре, сам-пять.

Ячмень лучше всего родится в самой верхней части Ягноба — сел. Навобод. Урожаи там, как мне говорили, достигают до сам-двенадцать. В Куле ячмень также хорошо родится и доходит до сам-десять. В прочих местах Ягноба средний урожай колеблется от сам-четыре до сам-восемь. На поливных полях на количество урожая большое влияние оказывает также затраченное удобрение (на посевы под дождь удобрения не кладут). В общем можно отметить, что поливные поля при наличии удобрения дают, естественно, значительно большие урожаи, чем посевы под дождь. Но, по словам ягнобцев, если эти поля лишить удобрения и только поливать, то урожаи, получаемые с них, будут ниже богарных посевов, так как земля сама по себе в них сильно истощена.

Громадное значение для урожайности и для всей жизни Ягноба имеет количество и время выпадения атмосферных осадков. Если лето дождливое, Ягноб ликует и благоденствует — прекрасный урожай обеспечен, голод не угрожает, везде чувствуется зажиточность, и в конце осени только небольшая часть населения покидает горы, отправляясь на обычные зимние заработки на равнины. Если же лето стоит сухое, хлеб сохнет на корню, то при общем унынии, осенью происходит массовый выход из Ягноба спасающихся от голода жителей, бегущих на равнины, чтобы там дожидаться весны. За последнее время типичными в этом отношении годами в Ягнобе были 1926 г., когда прекрасные урожаи не только обеспечили на весь год Ягноб, но и побудили устремиться туда на закупку хлеба соседние таджикские районы. Лето же 1927 года, крайне сухое, было очень губительно для урожая. Во многих местах не смогли даже вернуть с посевов затраченного зерна, а в сел. Бидив даже и не пытались собирать урожай, так как посевы большей частью там совсем засохли и на них пришлось пустить скот.

Посевы только яровых хлебов. Характерным свойством ягнобского земледелия является полное отсутствие в Ягнобе посевов озимых хлебов. Все посевы исключительно яровые. По словам ягнобцев, все их попытки сеять озимые бывали безуспешны и посевы погибали. Возможно предположить, что это объясняется силь-

ными ветрами, дующими зимой в Ягнобе и сдувающими снежный покров с полей, обнажая растения под действие ужасных ягнобских морозов.^I

Сорта хлебов. Сорта зерновых хлебов, сеющихся в Ягнобе, поэтому далеко не отличаются разнообразием. Яровая пшеница принадлежит к одному сорту, называемому и ягнобцами и окрестными таджиками "сурха" - "красненькая". Семена ее часто привозятся при недостатке из Гиссара (иногда даже с базара в Душанбе). Из Ура-Тюбе не привозят, так как там обычно цена на пшеницу и ячмень стоит выше. Ячмень сеется двух сортов: обыкновенный, в шелухе, называемый "пустак" (имеющий оболочку) и голый (гималайское жито), называемый "луччак" (голенький). В то время, как обыкновенный ячмень в Ягнобе сеется только под дождь, голый ячмень сеют только на поливных полях. Период созревания последнего короче приблизительно дней на пятнадцать по сравнению с первым. Он, вероятно, в силу этого, мог бы, по словам ягнобцев, сеяться также выше, чем его покрытый шелухой собрат, но при условии искусственной поливки или при обильных дождях.

Помимо означенных хлебов, можно еще отметить одно растение, называемое ягнобцами и таджиками "чиллак" или "чил", которое хотя и не сеется специально, но, вырастая как сорная трава почти исключительно среди поливных посевов голого ячменя, собирается вместе с ним. Джиллак вырастает, вероятно, из осыпавшихся осенью семян. При прополке - "хшова" посевов ячменя, производящимся приблизительно месяца через полтора после посева, когда ячмень вырастает уже вершка на три, попадающиеся побеги джиллака не выпалываются, подобно другим сорным травам, а оставляют расти. В результате все поле бывает покрыто потом мелкими белыми цветочками этого

^I Это подтверждается также тем, что в первом, лежащем ниже Ягноба таджикском селении Ворсоут, начиная с которого уже встречаются при дальнейшем продвижении вниз посевы озимой пшеницы, в те годы, когда всходы ее бывают плохи, таджики объясняют, что это именно происходит от сдувания снега с полей сильными ветрами.

растения, заслоняющего собой ячмень, но, видимо, не очень сильно препятствующего его росту. Семена джиллака собираются при жатве заодно с ячменем, как совместно с ним производятся и дальнейшее обмолачивание и просеивание. Но провеянное зерно отделяют от ячменя, просеивая его через решето, где мелкие зерна джиллака свободно проходят через отверстия, задерживающие ячмень.

Отделенный джиллак поступает потом на мельницу и из полученной муки пекутся, как очень невзыскательная пища, пресные лепешки "фатир". Кислое тесто - "хамир" из этой муки не выходит. Мука из джиллака идет только на пищу людей и на корм скоту не употребляется, так как вообще хлеба не хватает. По ценности джиллачная мука, дающая малопитательные лепешки очень темного цвета, почти черного, ценится вдвое ниже ячменной муки (за одну чашку ячменной дают две чашки джиллачной).

Как видно из вышеизложенного, в Ягнобе на поливных землях сеется только голый ячмень (гималайское жито) и горох. Пшеница сеется только под дождь. Последнее обстоятельство вызывает тем, что если бы пшеница росла на поливных полях, то, по объяснению ягнобцев, она не успевала бы вызреть. Только большое тепло на обращенных к солнцу горных склонах (вероятно, вместе с излучением нагревающихся под лучами солнца камней) и дает возможность вызреть ей в холодном климате Ягноба.

При разделении посевов в отношении орошения на две категории - "оби", орошаемые искусственно, и "лалми", засеваемые под дождь в разных селениях, в зависимости от местных условий, соотношение этих двух категорий значительно разнится. В некоторых местах, как, например, в с. Бидив, преобладает площадь богарных (под дождь) посевов, в других местах, как в с. Каши, поливная площадь значительно превышает богарную. Но в общем, по отзывам ягнобцев, урожаи с поливных земель, при наличии для них удобрений, превышают урожаи с земель, засеваемых под дождь, и имеют существеннейшее значение в жизни ягнобца.

Обязательная близость домов к поливным посевам. Как общее правило можно отметить, что ягнобское селение всегда лепится к своим поливным полям, будучи тесно связано с ними своим бытом, своим хозяйственным укладом. В особенности, как

будет упомянуто дальше, ягнобский дом принужден быть тесно привязанным к своим поливным полям необходимостью доставки на эти поля удобрения, без которого их урожаи ничтожны. Сельскохозяйственный уклад таков, что ягнобец, вместо того, чтобы выносить на свои поля удобрение, накопленное где-нибудь на стороне, перемещает места накопления удобрения на поля, располагая среди них, для сокращения расстояния переноски, свои хлева, хотя он, естественно, и становится привязанным к ним необходимостью ежедневного ухода за скотом. Последнее обстоятельство (выход на поля с производителями удобрения) настолько сильно и характерно для ягнобского хозяйства, что в тех редких случаях, когда часть поливных полей находится далеко от селения, встречается своего рода двухдомность хозяйства. Есть (в двух селениях) также семьи, которые часть года проживают в своем селении, накапливая удобрение для имеющихся при этом селении своих полей, другую же часть года живут на своих отдельно лежащих полях, имея там такие же дома, как и в селении, куда они перебираются со всем своим скотом и хозяйством на определенный ежегодный срок для использования сооразных там кормовых запасов с прилегающих полей и для переработки таковых в драгоценное для этих полей удобрение.

Влияние размещения домов около поля на размер селений. Размещение домов возможно ближе к поливным полям является характерной чертой ягнобского хозяйства и это, вероятно, препятствовало образованию крупных селений в Ягнобе, с одной стороны, а с другой, вызвало растянутость часто одного селения на две или три отдельных группы домов.

Для правильного представления о характере расположения ягнобских полей и ягнобского земледелия вообще следует твердо помнить, что нигде в Ягнобе совершенно не встречается сколько-нибудь осязаемого плоского, горизонтального пространства, даже такого незначительного, чтобы мог лечь человек и лежать спокойно, не чувствуя наклона почвы. Везде вся поверхность состоит из горных склонов, крайне круто ниспадающих с обеих сторон к оси долины — реке Ягноб, бурно текущей в отвесных сдавленных берегах. Только в средней

части этих склонов, считая весь склон от гребня хребтов до берега реки, обычно на несколько десятков саженей вверх от берега, наклон становится менее крутым, и в такой местности, если имеется при этом ниспадающий сверху ручей, находятся поливные поля и расположено при них селение. Но даже и на этом, сравнительно более отлогом пространстве, наклон таков, что ~~о~~ ровных горизонтальных площадках полей, даже при искусственном подсыпании и поднятии нижних краев, чтобы получить ряд террасовидных площадок, как это бывает у таджиков в менее крутых гористых местностях, здесь не может быть и речи. Каждое поле, даже поливное (о посевах под дождь и говорить нечего), резко спускается вниз, иногда под углом в 45° или еще круче. "Мы только очень осторожно поливаем, пуская понемногу воду на такие посевы, чтобы не размывать их", - говорили мне ягнобцы.

Находясь обычно, как сказано, высоко над уровнем реки, площадь поливных полей естественно связана с той или другой речушкой или ручьем, ниспадающим сверху и впадающим дальше в р. Ягноб, получая от данного источника свою воду. Но располагается обычно эта площадь вне долины питающей ее речки или ручья, сдавленной часто по свойству структуры ягнобских гор боковыми склонами. Для этого выбирается чаще всего соседний плоскоспинный покато спускающийся вниз водораздел между двумя боковыми ущельями или узкими долинами, впадающими в р. Ягноб. Ирригационные каналы - "хан" выводят воду из ущелья или долины на поля, распластанные по склону неровными кусками, только с очень отдаленными претензиями на форму квадрата. Каждое поле, принадлежащее одному хозяину, отделено от других только межей - "марза". В нижней своей части такое поле, если наклон очень крут, ограничивается очень низким забором из камней, назначение которого является задерживать стекающую при поливе воду и удерживать край поля от размывания - (обычно нижний край поля все же немного возвышается над лежащим далее вниз началом другого поля, отделяющегося от первого небольшим уступом в почве).

Размеры полей. Размеры ягнобских полей бывают очень неодинаковы. Нормальным обычным размером поливного поля -

"зой", по словам ягнобцев, следует считать такое, на которое высевается от 1,5 до 3 пудов зерна. Доходящие до 5 пудов посевного зерна поля встречаются уже очень редко. И только в одном селении Ноумиткон у Абдуразака, известного своим благосостоянием, есть поле, по-видимому, самое большое во всем Ягнобе, на которое высевается 20 пудов зерна. Наряду с обычными размерами полей случайно попадаются посевы, доходящие до очень малых размеров. Какой-нибудь небольшой клочок земли под скалой, куда может только быть проведена вода, не остается пренебреженным, а засеивается. Если он настолько мал, что на пашню там нельзя пустить омач, то земля взрыхляется вручную мотыгой "хоркан". Участки такие бывают иногда настолько малы, что на них высевается зерна всего даже несколько фунтов. Как мне говорили ягнобцы, есть кусочки, на которых высевали только по 2,5 фунта.

Поля малых размеров, на которые высевается меньше 1,5 пудов зерна, именем "зой" (земля), как обычно принято называть нормальное поле, не называются, а для них существует особое название — "лакка" (тадж. лакка). При разделе нормального поля между наследниками площадь такого маленького участка, доставшегося одному из них, соответственно вычитается из причитающейся доли из большого участка.

Зажиточность и богатство земель в Ягнобе измеряется как размерами полей, так и их количеством, т.е., иначе говоря, общей площадью поливной земли.^I У большинства ягнобцев, по-видимому, поливная земля заключается в одном поле, хотя есть многие, имеющие по два-три поля, находящихся в разных местах. Владельцы большого количества полей встречаются редко. Вот пример количества поливных и богарных полей, приходящихся на одного хозяина в сел. Мартумаин вместе с другими

^I Количество земли все же не может служить окончательным точным определением зажиточности в Ягнобе, так как есть люди, хотя и не выделяющиеся землевладением, но тем не менее являющиеся по сравнению с бедняками — соседями очень зажиточными, имея стада овец (один — самый богатый на весь Ягноб, проживающий в сел. Деҳ-Баланд, имеет до 500-600 овец).

данными по хозяйству этого селения (сведения относятся к 1927 г.)

Селение Маргтумайн (1927 г.)

№№ п.п.	Имя главы семьи	Число душ в семье	Кол-во полей		Кол-во высеваемого зерна в пудах ¹					Количество скота							
			поливных	богарных	пшеница	гол. ячм.	объем. ячм.	горох	коров	быков	волос	телят	овец	коз	ослов		
1.	Исмаил	8	4	5	4	12	6	4	2	1	1		40	-	1		
2.	Зоҳид	6	5	6	8	10	8	6	3	1	2	1	40	8	1		
3.	Сидиц ²	4	1	3	1,5	4	1	2	-	-	-	-	-	-	-		
4.	Қурбон	4	1	3	2	4	-	6	-	-	-	-	3	1	1		
5.	Муҳаммад Карим ²	4	1	2	1	2	2	2	1	2	1	1	-	-	-		
6.	Сангин ²	4	2	3	2	4	-	2	-	-	-	-	-	-	1		
7.	Муҳаммад Назар	6	3	3	4	6	3	6	1			1	3	-	1		
8.	Мулло Ниез	4	1	2	6	4	-	2	1	-	1	-	-	-	-		
9.	Қосим	5	3	2	6	8	4	4	1	-	1	-	-	-	-		
10.	Мирзо ³	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-	-		
		46			34,5	54	24	34	12	4	5	3	94	9	6		

¹ Цифры высеваемого зерна относительно некоторых домов показаны человеком, сообщившим сведения несколько приблизительно. Относительно других знал точно.

² Эти четыре семьи по случаю неурожая минувшего 1927 г. осенью покинули Ягноб и отправились на заработки в Гиссар, где пробудут до весны. Семьи отправились в полном составе. Уход за скотиной поручен соседям, ослов взяли с собою для перевозки багажа.

³ Мирзо, двадцати лет, оставшийся одиноким по смерти своих родителей, перебрался на житье к своему дяде по матери (в с. Муштиф), который и обрабатывает его землю в Маргтумайне.

(Папка № 7-б, стр. I-I4)

Земледелие. Полевые записи.

[Место и время записи не обозначено]

Посевы поливные и под дождь. Посевы бывают двух видов: одни — это посевы под дождь — "сахрой" (тадж. "лалми", "ялми"), расположенные более или менее далеко от селения, другие, расположенные около селения, называемые "кати девари зой" — "земля перед дверью"^I или "доманаш зой" — "нижняя земля", являются поливными — "оби зой". Все посевы как поливные, так и под дождь, производятся весной. Осимые совершенно не сеются, так как, по объяснению ягнобцев, благодаря длинной зиме ростки сгнивают от долгого лежания под снегом.

Состав высеваемых культур. Сеют ячмень — под дождь по горам преимущественно обыкновенный — "пустакта" — "с шелухой", на поливных землях — гималайское жито, голый ячмень, называемый "лучак". Последний требует больше воды, чем обыкновенный, почему под дождь его совсем не сеют, так как воды дождевой часто бывает для него мало. Ячмень сеется в преобладающих размерах над пшеницей в верховьях Ягноба, где пшеница часто не вызревает. В нижней части Ягноба на полях сеют приблизительно половину ячменя и половину пшеницы.

Климат Ягноба настолько суров, что на "теневого стороне", т.е. на землях, расположенных по левому берегу Ягноба, пшеницу, за редким исключением, обычно не сеют. Но даже и на "солнечной стороне", т.е. по правому берегу р. Ягноба, где склоны гор непосредственно обращены к солнцу, созревание пшеницы, в особенности в верхней части Ягноба, всегда несколько ненадежно, и земледельцы страшатся ранних морозов, которые могут их лишить урожая.

Кроме ячменя — главного посевного злака в Ягнобе, сеют еще теперь в большом количестве горох — "мушк".

Помимо названных трех растений — ячменя, гороха и пшеницы, в Ягнобе решительно больше ничего не сеют.

(Папка № 7-а, стр. 50-51).

^I "Перед дверью" считается хорошим полем, так как живущие в доме ходят туда отправлять свои естественные надобности, и это считается удобрением, при котором можно обойтись без навоза.

Сел. Гармейн. 28 июня 1927 г.

Ускорение таяния снега на полях. Землю на снег на полях разбрасывают 2 раза на "лалми", на поливные поля не разбрасывают.

В с. Домани-Гармейн (Нижний Гармейн) дальних хлебов не имеется, если не считать одну удивительную систему. У данного селения, состоящего из 5 домов, на противоположном берегу реки, точно также на очень большой высоте над ней, как и само селение, расположена часть посевов. Для того, чтобы доставить туда навоз на поливную (сравнительно небольшую) часть посевов, принадлежащую одному дому, данная семья, владеющая этим участком, имеет два дома: один на данном участке и другой над правым берегом реки среди прочих домов селения. В первое место, называемое Гуроса (Гуроса), семья переселяется на один месяц в середине зимы, остальное время проживает в селении. Остальные четыре дома, имеющие в Гуроса только богарные земли, туда не переселяются, так как богарные земли не удобряют. Но следует отметить, что, по-видимому, это единственный случай в Ягнобе. Здесь в особенности наглядно сказывается положение, что в Ягнобе передвигают не навоз и сено (на поля и с полей), а только зерно.

Характерно на поливных землях, что там, где сеют ячмень, не сеют пшеницы, и наоборот. Посев ячменя или пшеницы совершается на поливных землях из года в год, ежегодно на одних и тех же участках. Объясняется это тем, что если сеять ячмень на земле из под пшеницы, то родится очень мало; немного лучше, но тоже плохо (не вызревает) бывает и с пшеницей, посеянной на месте ячменя. Точно также и на богарных землях, с той только разницей, что их через год оставляют для отдыха (год посева и год отдыха).

(Папка № 7-а, стр. 52 и 54)

Рабочий год ягнобца

Запись со слов Мулло Нибза (из сел. Марттумайн). Ташкент, 13 мая 1928 г.

Разбрасывание земли по полям - "фирике чошак". Новый

год, называемый в Ягнобе, как и среди таджиков, "Соли нау", приходящийся на день весеннего равноденствия и знаменующий собою в равнинах полное наступление весны, тепла, в земледельческую жизнь ягнобца не вносит никакого изменения. Тот же снег, покрывающий все кругом, почти те же холода, скот, по-прежнему запертый в хлевах, который нужно кормить ежедневно — прежняя картина зимы, продолжающаяся еще и долгое время после официального прихода весны.

Только спустя месяц после "Соли нау" (Науруз), в Ягнобе начинают разбрасывать по богарным полям землю,¹ чтобы покрыть все еще не сходящий с них снег и, привлекая темным комочком земли солнечные лучи и нагревая разбросанную землю, вызвать скорейшее таяние лежащего под ней снега. На находящиеся в непосредственной близости к селению поливные поля земля — "фн-рик" не разбрасывается — снег сойдет с них сам собою в свое время, так как с посевами на них не спешат: они расположены внизу, получают больше тепла и поэтому меньше опасности, чтобы посеянные немного позднее хлеба не успели бы созреть.² Главный вопрос в том, чтобы засеять вовремя более высоко лежащие богарные поля, чтобы обеспечить им достаточный для вызревания вегетационный период. Более всего озабочены, конечно, в этом вопросе жители теневой стороны Ягноба, на поля которых попадают солнечные лучи более наклонно. Но и население

¹ В селениях Векоу (см. стр. 21), по записи в с. Бидив 26 июня 1927 г., разбрасывание земли по снегу производится начиная с месяца "хут" (соответствует концу февраля и первой половине марта), в продолжение приблизительно одного месяца, предшествующего пашне. Число раз — от 1 до 3-4, смотря по толщине снега.

(Папка № 7а, стр. 64)

² По записи в сел. Бидив 26 июня 1927 г. на поливных полях, расположенных внизу, снег не разбрасывают и потому, что там сеять рано избегают, чтобы трава не заглушила посевы. При позднейшей распашке рост тронувшихся в рост сорных трав нарушается и они меньше вредят посевам.

(Папка № 7, стр. 64).

нию солнечной стороны, хотя и меньшее число раз, все же приходится посыпать свои будущие посевы землей. Делается это следующим образом.

Еще на заре хозяин отправляется на свое поле и начинает мотыгой копать в одном месте поля ямку, разбрасывая руками по замерзшей поверхности снега промерзшую землю. Покрыв снег на несколько сажен тонким слоем неровно разбросанной комочками земли, работающий переходит дальше и роет новую ямку, производя дальнейшую рассыпку и т.д. Ввиду обычного более или менее крутого наклона ягнобских полей, землю из ямок бросают только вниз, и она сравнительно легко рассыпается, скользя по замерзшей поверхности снега. Как только солнце поднялось довольно высоко и снег стал рыхлеть под действием его лучей, работу прекращают: земля не рассыпается больше легко по рыхлой уже теперь поверхности и, будучи брошена, уходит несколько в снег.

Землю приходится рассыпать несколько раз в зависимости от расположения местности и атмосферных условий. На теневой стороне Ягноба это делают обычно 4-5 раз, на солнечной стороне - 2-3 раза. У соседей ягнобцев, живущих по южной стороне Гиссарского хребта, где наблюдается очень большое количество атмосферных осадков, это дело, по-видимому, еще сложнее. Как мне сообщали жители селения Зидди, расположенного под перевалом Анзоб, у них бывают случаи, когда приходится разбрасывать землю до 14 раз. Следует, однако, отметить, что это не отнимает обычно много времени. Нормально хозяин поля успевает закончить разброску земли в один день, а если участок велик, то в два.

Необходимость повторения посыпания землей вызывается часто вновь выпадающим снегом, который, спрятав засыпанную землю, прекращает притяжение ее солнечными лучами. С другой стороны, если даже новый снег и не выпал, все равно землю приходится еще подсыпать, так как приблизительно через неделю комочки земли с подтаявшим под ними снегом уходят постепенно вглубь и изолируются от солнца, становясь бесполезными.

Вывос удобрения - "пойгае кашонак". Вывос накопившего-

ся за зиму навоза на поливные поля (на богарных удобрения не применяют) представляет собой предмет хозяйственных забот и означает довольно значительную затрату труда. Многие, чтобы не прибегать к помощи соседей и не тратиться на угощение, которое нужно устроить, если созывать людей — помочь — "хашар", еще с зимы от времени до времени выносят на поля скопляющийся в кучах около хлезов навоз.

Следует отметить, что, ввиду большой нужды в Ягнобе в топливе, на удобрение полей выносятся только навоз, скопившийся до Нового года (весеннего равноденствия) и успевший промерзнуть. Начиная же с этого дня получающийся навоз наружу не выносят, чтобы он не промерз (промерзший навоз потом на выделку кизяка не годится — плохо горит) и оставляют до наступления лета в хлевах, пригребая в угол. Выносятся на поля, следовательно, навоз, скопившийся в кучах около хлезов.

Удобрения ягнобцы делят на несколько разрядов по его качеству. Самым лучшим считается овечий навоз. Ягнобцы уверяли, что на поле, унавоженное овечьим пометом, можно сеять до трех лет подряд, не прибегая к новому удобрению. Следующим по качеству считается козий, хотя практически в чистом виде в Ягнобе он не встречается, так как обычно там козы стоят вместе с овцами, и помет получается смешанный. Помет рогатого скота считается значительно хуже. Поле, удобренное им, действует только один год. Кажется самым низким считается ослиный помет, хотя мне встречались ягнобцы, которые сравнивали его по качеству с пометом рогатого скота. Одни считают хуже овечьего, но лучше воловьего, другие — равным овечьему конский навоз. Но при наличии в настоящее время на весь Ягноб только четырех лошадей практического значения этот род навоза не имеет.

Помимо помета животных, на удобрение идет также зола. Ее применяют под посев ячменя и бобов. Под пшеницу не кладут. Зола накапливается, выбрасываемая где-нибудь около дома в отдельную кучу, иногда же, у некоторых хозяев, бросается на коровий навоз, накапливающийся при хлеве, расположенном у самого дома. С овечьим навозом золу не смешивают.

К числу удобрений можно отнести также и пыль, сметенную для этой цели с узких ягнобских "улиц", если только можно назвать этим словом разнообразные неправильной формы проходы и пространства, разделяющие ягнобские жилища. От прихода и пребывания здесь животных и некоторых других причин здесь в пыли, как считается, имеется много ценных частиц удобрения, и два раза в году — осенью и весной, "улицы" — "куча" с этой целью подметают.¹ В некоторых селениях, как мне говорили, каждый хозяин имеет свои границы по улице, внутри которых подметание является его неотъемлемым правом, но в других селениях, где удобрение, по-видимому, менее ценится, подметать может всякий желающий. Обычно собранная пыль примешивается к прочему удобрению.

Удобрение выносится в поле людьми, накладывающими его в корзины, сплетенные из ветвей дикой ивы, которые носят на спине. Корзина, имеющая общую форму довольно большого, более широкого, чем высокого мешка с овалообразным отверстием, носится следующим образом. К правому боку, приблизительно на четверть аршина выше нижнего конца, привязывается конец шерстяной веревки. Отсюда веревка, проходя диагонально вверх по груди носящего, по направлению к его левому плечу, заходит за веревочную петлю, привязанную к левому краю корзины, приблизительно, вершка на три, отступая вниз от верхнего края (вся высота корзины около тринадцати вершков). Пропущенная через петлю веревка натягивается сколько нужно для придания прочного положения корзине на спине, и конец, притянутый вниз, держится в приподнятой правой руке (сжатая кисть приходится приблизительно против левого соска). Для высыпания отпускают этот конец веревки, не давая в то же время опускаться правому концу. Корзина наклоняется влево. Человек дополняет наклон, делая со своей стороны еще наклон туловища в ту же сторону, и навоз высыпается. Опростанная корзина новым натягиванием веревки ставится на свое место, и человек идет за новым грузом. Для того, чтобы наполнить свою корзину, ему приходится ее

1) По другим сообщениям, подметают 4-5 раз в году, обычно после небольшого дождя, так как иначе много удобрения пропадает, распыляясь в воздухе.

всякий раз снимать, и, наполнив посредством деревянной или железной лопаты, присаживаться, повернувшись спиной к корзине, и поднимать ее, зацепив, как сказано, веревкой. На помощи, где одновременно работает много народу, обычно один человек специально занимается тем, что накладывает навоз лопатой в корзины подходящим, из которых каждый поднимает затем свою корзину и уходит. То обстоятельство, что вынос удобрения производится на спинах людей и что при этом не применяют имеющихся у ягнобцев ослов, ягнобцы объясняли мне тем, что вынос навоза происходит или тогда, когда еще лежит снег — уже тающий, рыхлый, или когда земля уже растаяла, и поля представляют собою сплошную грязь. И в том, и в другом случае тонкие ножки ослов проваливаются, и продвигаться им очень трудно.

Количество запасенного удобрения в ягнобских домах бывает очень различно и измеряется зажиточностью дома и, в связи с этим, количеством скота, главного производителя удобрения. У самых бедных, как мне говорили, количество удобрения не превышает 20-30 корзин, т.е. приблизительно 40-50 пудов. У богатых же удобрение доходит до 100 и даже более корзин. Есть, как говорили, такие зажиточные, у которых количество накопленного навоза доходит до 200-300 корзин. Такая разница сказывается и в применении труда. Менее зажиточные ввиду близости полей к домам предпочитают не тратить на угощение, с которым связан призыв соседей на помощь, и выносят свое удобрение сами, делая это или еще в свободное время в конце зимы, или в более обычное для выноса время — незадолго до начала пахоты. Богатые же, естественно, принуждены прибегать к помощи для того, чтобы справиться с выносом своего запаса. Помощь устраивается обычно за 1-2 недели до начала пахоты.

Вынесенный на поля навоз остается там лежать обычно в кучках и разбрасывается чаще всего незадолго до пахоты. Считается, что важно только разбросать его после того, когда снег уже стаял, так как, если сделать это раньше, то тающий снег вымыл бы удобрение и лишил бы его силы.

Пахота — "кишта". В распахивании земли под будущий урожай, в этом начале полевых работ, у иранских народностей как-то особенно сохранились и проявляются древние традиции

в земледелии и как-то особенно ясно чувствуется первичное благоговейное почитание этого акта земледелия, сугубо освященного ореолом божественного происхождения. Характерные древние черты ритуальных сторон земледелия, наблюдавшиеся еще недавно довольно отчетливо и в равнинах Средней Азии и быстро сглаживающиеся теперь при начавшемся общем крушении древних верований и обычаев в равнинах, имеются и в Ягнобе, но, против ожидания, они здесь сохранились недостаточно хорошо.

Как и повсюду в Средней Азии, в старых традициях при занятии земледелием в обрядовой стороне первое место занимает культ божества, покровителя земледелия, научившего людей обрабатывать землю, давшего им образцы земледельческих орудий, вручившего вола, посылающего своей божественной силой урожай. С течением времени, конечно, многие атрибуты древнего божества должны были принять мусульманскую окраску, но все же и то, что сохранилось, достаточно ясно и характерно. Бобои-Дехкон - Дед-земледелец - основатель земледелия все же сквозит во всем обрядовом отношении к земледелию как ягнобца, так и земледельца Средней Азии вообще, и об этом культе можно сказать не-сколько слов.

Пахота в Ягнобе начинается в разных селениях несколько раз но, но в каждом селении в отдельности она начинается по причинам ритуального свойства, указанным ниже, в один и тот же день. На солнечной стороне Ягноба начинают пахать через сорок дней после весеннего равноденствия или около того, выбирая для этого соответствующий день недели - среду.¹ На теневой стороне, где снег сходит медленнее, к пахоте приступают две недели спустя. Начало пахоты обставляется очень торжественно.

Перед закатом солнца поселяне собираются со своими волами на одно какое-нибудь заранее определенное поле, куда прино-

¹ По записи в сел. Бидив от 26 июня 1927 г., накануне дня общего начала пахоты один наиболее уважаемый почтенный и самый старший по годам человек, называемый Бобои-Дехкон (Дед-земледелец), во-вторник производит первую запашку поля, проводя всего несколько борозд. Только после этого в среду начинают пахоту все остальные.

сят также отдельно соху и ярмо. Каждый приводит своих волов, привязав их за рога. Или у себя еще дома, выведя волов из хлева, или приведя на место собрания, каждый хозяин мазет коровьим маслом рога своим волам. Особой пищи или особых хлебов, как иногда делается в других местах, им при этом не дается. Один из почитаемых людей в селении, выбранный старик,¹ берет по очереди приведенных волов и, запрягая их в соху, пашет на них, делая три или четыре борозды, предварительно посыпав пред этим зерна ячменя или пшеницы, как это вообще делают при пахоте. После того, как пропашет первая пара, ее сменяет вторая, впрягаемая в то же ярмо, затем третья и т.д., до тех пор, пока будут пропущены все приведенные пары быков. Перед началом пахоты старик читает молитву, обращенную к Деду-земледельцу:

"Арвои Бобои-Дехкон, кушоиши кор, ба нияти хайр, даффи бало. Оллох акбар!" - "Дух Деда-земледельца, преуспевание дела в добром намерении, отвращение несчастий. Бог велик!"²

Чтения при этом соответствующей "рисола" (цехового сказания, предания о происхождении ремесла), как это бывает в равнинах, среди ягнобцев не делается, как равно нет и общего угощения, имеющего умиловительный характер по отношению к

¹ По записи в с. Гармейн 28 июня 1927 г., Бобои-Дехкон существует в селении в виде одного человека, получающего эту свою должность наследственно. При начале пахоты все собираются по своим запряжкам волов на одно ближайшее поле, устраивают "рухонияти пир", мулла читает рисола, хозяева мажут быкам рога маслом.

(Папка № 7-а, стр. 53)

² Е.М. Пещеревой со слов одного относительно грамотного ягнобца записан более полный мусульманский текст этой молитвы следующего содержания: "Бисмиллоху рахман-ур рахим, аввал Одами сафи-улло, дуюм Нухи наби-улло, сеюм Иброхими халил-улло, чорум хазрати Мухаммад Мустафо, салла-ллоху алейхи ва саллам". Некоторые ягнобцы, однако, говорили мне, что такую молитву большинство народа за безграмотностью прочесть не может и что обычно читается более простая молитва, приведенная выше.

Деду-земледельцу. После молитвы и последующей за ней пропашки поселяне расходятся домой и больше ничем этот обычай не знаменуется.¹

На другой день после этого обычая, освящающего начало пахоты и сезона земледелия, каждый приступает к пахоте на своем богарном участке. Пахота производится обычного типа деревянной сохой, омачом, несколько меньшего только размера по сравнению с типом, употребляемым на равнинах. Даже и в самом Ягнобе наблюдается некоторая разница в размерах — при общем уменьшении размеров сохи (что, конечно, необходимо для уменьшения тяжести, принимая во внимание пахоту по горам), все же и там есть и большие и меньшие. Соха, называемая ягнобцами "умоч", имеет железный наконечник — "оҳан", привозимый ягнобцами из Ура-Тюбе, причем обычно стараются приобретать старые, уже бывшие в употреблении, так как такие, со стершимися уже тонкими краями, по мнению ягнобцев, меньше риска разбить при встречающихся часто при пахоте камнях, чем новые. К тому же старые наконечники продаются и дешевле. Служит такой наконечник приблизительно один сезон.

¹ К сожалению, нам, посетившим Ягноб уже по наступлении лета, лично не приходилось наблюдать этот интересный обычай, и, говоря о нем, приходится воспроизводить только то, о чем рассказывали ягнобцы. Если картина верна, то приходится констатировать, по-видимому, несколько меньшую наличность обрядности, чем даже в старых обычаях равнин. Может быть это объясняется экономической бедностью ягнобцев, не могущих достойно отпраздновать это событие. Или, может быть, этот древний обычай, распространенный во многих странах (например, проявлявшийся в запашке поля и китайским императором и сиамским королем), в Ягнобе был воспринят только с сохранением самой основы. Но и здесь некоторые ягнобцы склонны были видеть в пахущем старике представителя Бобои-Дехқона (Деда-земледельца) и называли его этим именем, но, с другой стороны, были и такие, которые категорически отрицали, чтобы этот пахарь представлял собою Деда-земледельца.

Пашут постоянно на волах - "кишок" или на быках - "бу-ца". Последних держат только до четырех лет, после чего холо-стят. Часто можно встретить такого молодого быка в одной паре с волом. Других животных для пахоты не используют. При пашне борозда - "куш" всегда ведется горизонтально. Начинают пахать с нижнего конца поля, идя вверх. При окончании борозды пахарь кричит своим волам: "Хо, бош бе!", по какому сигналу нижний вол (или бык) заворачивает и идет сверху, а шедший раньше сверху идет вниз.

Посев производится перед самой пахотой разбрасыванием семян (пшеницы, ячменя обыкновенного, бобов) по незапаханному еще полю, поверх чего производится распахивание. Это касается только богарных земель, так как при распахивании поливных по-лей пашут два раза и посев производят после первой распахки.¹ Но даже и относительно богарных полей имеются исключения. В Гармейне, например, по словам местных жителей, почва (красно-ватого цвета) требует двойной распахки и на богарных полях, и посев там производится, как и на поливных, пред вторым запахи-ванием.

Характерной особенностью для посевов в Ягнобе является то, что участок, засевавшийся ячменем, при его новом засе-ве стараются обязательно засеять снова ячменем же. Поле, бывшее под пшеницей, снова засеивается опять-таки пшеницей. Ягнобцы объясняли, что если рискнуть посеять пшеницу на поле из-под ячменя, или наоборот, то это значит вызвать полный неурожай. В имеющихся у меня записях есть, однако, некоторая разница. На теневой стороне (сел. Марттумайн) меня уверяли, что это касает-ся только богарных посевов² и что, если нарушить это правило там, то посев поднимается очень плохо и скоро засыхает, не развев колосьев. В Гармейне же мне говорили, что это касается

¹ Исключение представляют посевы гороха, сеющегося хо-тя и на поливных землях, но с запашкой только один раз, при-чем семена разбрасываются пред пахотой.

² Вероятно, это объясняется тем, что пшеницу на теневой стороне на поливных полях не сеют, так как она не успевает там вызреть.

не только богарных, но и поливных полей, где постоянно из года в год на одних и тех же полях сеют одно и то же. По объяснению жителей с.Гармейн, ячмень, посеянный на участке из-под пшеницы, не родится совершенно; участь пшеницы, посеянной на месте, где был ячмень, намного лучше, но все же и она родится плохо (не вызревает).

Вслед за пахотой поле разравнивается через применение бороны — "мола". Ягнобская борона состоит из охапки дикорастущего кустарника, связанного веревкой, которую вслед за работой сохи таскает сам ягнобец.

После того, как поле разровнено бороной мола, через него проводят тем же омачом несколько горизонтальных канавок (с легким наклоном вниз), параллельно пересекающих поле на некотором расстоянии друг от друга. Эти канавки для орошения поля носят название "тоба", как называются и расположенные между ними пространства орошаемой из них земли.

При пахоте, будь это на поливном поле или на богарном, вслед за плугом по пропаханным бороздам (на свежей линии из нескольких борозд) идут трое или четверо мужчин, вооруженных каждый родом мотыги — "хоркан", которой он разбивает крупные комья земли. Они разравнивают поле, они же заодно собирают попадающиеся корни растений, если работа идет по богарному полю, которые идут на топливо. На поливных полях таких корней не встречается, почему там сбора топлива из них и не производится. Такое разрабатывание поля — "хоркан-деҳ" производится хождением разрабатывающих в ряд. Только после этого производится упомянутое выше разглаживание поля бороной из хвороста, применяемой на поливных полях. На богарных мола не применяется ("воду же, ведь, пускать не приходится", — поясняли мне ягнобцы) и дело заканчивается одним "хоркан-деҳ".

Общая продолжительность пахоты в Ягнобе, по словам ягнобцев, около I-I/2 месяцев. Медленность и затяжка в окончании работ вызывается главным образом малым количеством волов и быков. Редко можно найти такое хозяйство в Ягнобе, которое имело бы полную пару волов. Обычно каждый подыскивает себе компаньона и старается тем или другим способом заручиться возможностью получить волов для пахоты (есть бедняки, которые совер-

шенно не имеют волов, но которые, запаса с осени корм, в течение зимы кормят чужих волов, чтобы иметь право пользоваться ими весной для пашни). По определению ягнобцев, пахота совершенно заканчивается к 20-му дню месяца джавзо.

По окончании пахоты у ягнобцев наступает период затишья в работе, свободного времени, продолжающийся приблизительно около месяца. Посевы в это время еще не настолько подросли, чтобы их полоть; поливать тоже не нужно, так как поля влажны, и у ягнобцев в это время нет никакого большого дела, если не считать случайных занятий. Только пастба скота, не угнанного еще на летовки, отнимает от времени до времени целый день, когда приходит черед пасти скотину (очередь на пастбу в это время ведется по домам). Приблизительно через месяц по окончании пахоты скотину, наконец, можно уже угнать в горы на летние пастбища и освободить ягнобцев от необходимости окарауливать свои поля от погравы. Пребывание на летовках дело, главным образом, женское, но и мужчины от времени до времени принимают в нем некоторое участие, собирая и принося жемчугам на летовку топливо и помогая пригонять скот.

Выпалывание - "хшова" сорной травы в посевах производится главным образом на богарных полях, на поливных очень редко. К полке приступают приблизительно через месяц после посева, после того, как молодые ростки поднялись вершка на полтора - два. Если они станут еще выше, то полоть уже невозможно, так как тогда стебли будут ломаться при придавливании их ногами во время полки. Полют поля с пшеницей и с ячменем. Особого дня для выхода на прополку не имеется, и каждый выходит в зависимости от своего усмотрения. Полют мужчины, женщины же и дети не участвуют. На вопрос, почему женщины не участвуют в полке, подобно, например, таджикам в Гиссаре, ягнобцы могли только ответить, что это у них не в обычае и что так заведено исстари. Может быть, такое положение объясняется тем, что, это собственно говоря, не полка, а подрезание, вырезание посредством серна сорных растений. Ягнобцы объясняли, что если выдергивать сорные растения с корнем, то это разрушало бы почву и под растущими хлебными растениями и вредило бы им. На мое замечание, что от корней сорных растений, оставшихся на земле,

свободно будут расти новые побеги, ягнобцы говорили, что для данного урожая после этого они уже не страшны, так как полным ростом смогут идти только на следующий год. Полка продолжается, в зависимости от размеров посевов и наличности рабочих рук, в среднем от 3-4 дней до 2 недель. Последнее у наиболее богатых. Прибегать к созыву помочи для полки не принято. Как и при жатве сена, срезанные растения подкладываются жнецом под левую руку, пока не накопится под ней достаточная охапка, после чего она выносится и кладется на краю поля. Практического значения эта выбрасываемая трава даже при всей экономии ягнобца не имеет, так как, с одной стороны, ее очень немного и она мелкая, а с другой, будучи сжатой в полный сок и сложенной кучкой в период, когда идут часто дожди, она не высыхает, а сгнивает.

Это выпалывание травы имеет самое существенное значение для богарных посевов и, по словам ягнобцев, если оставить траву расти, то она совершенно заглушала бы посеянные растения. Однократным выпалыванием травы заканчиваются все дальнейшие заботы ягнобца о своих богарных посевах вплоть до самой жатвы. Внимание его обращается после этого на поливные посевы — главный источник его существования. Только в самые урожайные для богарных посевов годы, когда выпадают особенно благоприятные по времени и по количеству дожди, урожаем богарных посевов ягнобца могут сравняться с поливными, на которые он затрачивает все свое удобрение.

Орошение — "оптефар". Несмотря на то, что самые нижние селения Ягноба расположены выше 8 тысяч футов над уровнем моря и что дожди в общем летом там довольно часты, все же поливные посевы, даже в самые дождливые годы, не могут обходиться без искусственного орошения. Разница в том, что в более дождливый год поливают меньше, а в сухой — чаще. "Когда в году выпадает много дождей, — говорили мне жители "теневого" стороны, менее нуждающиеся, казалось бы, в поливе, — мы поливаем наши поля 3-4 раза, в сухой год приходится поливать 5-6 раз".

Характерной особенностью для ирригации Ягноба является то, что при наличии могучей сильной горной реки, глубоко прорезающей большую часть Ягноба в своем течении с востока на запад,

нет ни одного канала во всем Ягнобе, который был бы выведен из этой реки. В описании характера ягнобских селений я привел причины этого, на первый взгляд, казалось бы, странного явления. Русло реки, сдавленное между скалами, образующими его берега, течет глубоко внизу на несколько десятков сажен ниже обычной линии селений и расположенных около них полей, находящихся там, где крутые, почти отвесные бока ущелья, по которому течет река, делаются более отлогими и расходятся в стороны, давая возможность приютиться по менее крутым склонам селениям и раскинуться, ниспадая вниз, полям. Нигде поэтому поля не спускаются к реке, и вся вода, идущая на орошение в Ягнобе, получается исключительно из боковых ручейков, падающих с уступа на уступ и стремящихся вниз к главной реке, мрачно гудящей и катящей свои волны на большом расстоянии внизу под ногами ягнобского селения. Этот характер главной реки Ягноба распространяется отчасти и на самый большой приток в пределах Ягноба — речку Куль, по крайней мере в ее нижнем течении. И она также для орошения там мало пригодна и расположенные по ней селения питаются водой из боковых ручьев.

Несмотря на то, что ручьи, питающие ягнобские поля, маловодны, воды в общем в них вполне хватает для орошения. Достаточно наглядным показателем этого является, по моему мнению, то, что во всем Ягнобе, за исключением очень немногих селений (Бидив, Чукат, действительно нуждающихся в воде), в остальных селениях очередь на воду не устанавливается и каждый может брать воду, когда захочет. Это еще не означает, что воды всегда вдоволь и что от времени до времени не чувствуется нужды, но значит только то, что при некотором напряжении ее все же хватает. В большинстве селений Ягноба существует обычай, по которому утром имеет право забирать себе воду из ручья всякий, кто пожелает пустить ее на свое поле, и кто подойдет для этого к ручью на заре раньше других. Я помню, что при остановке в сел. Гармейн хозяин дома утром в разговоре упоминал и жаловался, что он опять проспал, и что его брат, спавший неподалеку и более чуткий, вскочил рано и пустил воду себе и что это третья уже ночь, что он просыпает и лишается воды. На мои слова, что не лучше ли в таком случае установить очередь, ягнобец отвечал, что это у них не в обычае и что если он не полил

в этот день, то успеет полить в другой. В некоторых селениях, где тоже очередь отсутствует, я знаю людей, которые из-за трудности получить на свои поля воду утром вставали и орошали землю ночью, при лунном свете, пользуясь тем, что любителей лишать себя сна было мало и вода в ручье текла незанятой. Может быть мирным характером ягнобцев или недостаточно острой нуждой в воде объясняется то, что драк из-за воды в Ягнобе, по уверению ягнобцев, совершенно не бывает, хотя бывают случаи, что на одном и том же ручье находятся по 2-3 селения, где верхние селения могли бы давать (и иногда дают) повод к неудовольствию нижних. Помогает, однако, обычай, по которому человек, берущий из ручья воду, не может забрать ее всю, а берет только часть, в размере одного "варг", необходимого ему для орошения. Словом "варг" обозначается измеряемое на глаз количество воды, необходимое для орошения одного "тоба" — деления в поле, орошаемого отдельной канавкой.

Орошение поля производится одним человеком, вооруженным железной лопатой с деревянной рукояткой. Одновременно орошается только по одному сектору — "тоба", причем порядок орошения отдельных тоба идет снизу. Пуская воду по канавке (только в необходимом количестве, так как если пустить больше, чем нужно, то лишняя вода размывает поле и уносит частицы земли вниз), человек, следуя по нижней части верхней тоба, остающейся еще сухой, регулирует лопатой проток воды через мелкие отверстия — "пучуха" и наблюдает за правильностью общего налитывания водой сектора. После достаточного налитывания доступ воды в канавку данной тоба прекращается, и вода пускается в соседнюю тоба, расположенную выше.

Несмотря на сложную, казалось бы, операцию, орошение не занимает много времени ввиду небольших размеров полей. Обычно одним варгом воды в один день успевают оросить свои поля 2-3 хозяина, обладающие небольшими или среднего размера полями. Поливка же каким-нибудь "богачом", обладателем значительного количества земли, может потребовать и целого дня.

То обстоятельство, что боковые ручьи, питающие ягнобские поля, все целиком являются продуктом лежащего вверху на горах снега, а не вытекают из ледников (подобно главной реке

Ягноба или ее кульскому притоку), сильно отражается на количестве воды, текущей в них в разное время года. В первую половину лета, когда происходит таяние снегов, скопляющихся в верхней части ущелий от падения лавин, воды в ручьях бывает в избытке. Но чем дальше продвигается лето, тем воды становится все меньше и, в зависимости от атмосферных осадков данного года, нужда в ней чувствуется более или менее обостренно. Это в значительной степени отражается и на мельницах, расположенных на этих ручьях (нет ни одной мельницы, стоящей на главной реке, и только на притоке, вытекающем из кульского разветвления, расположены мельницы находящихся там селений — у них недостатка воды не чувствуется). Мельницы, находящиеся на этих ручьях, часто останавливаются из-за недостатка воды и по этой же причине на них держат только очень легкие жернова, которые могло бы вертеть и малое количество воды.

(Липка № 7-а, стр.181-197)

Сел.Пулла-Роут. 27 августа 1927 г.

Как и в Ура-Тюбинском районе, в Ягнобе встречается разделение текущей воды на два пола: мужской и женский. Вода с ледников, — холодная, быстро стремящаяся вниз — "шухоб" (играющая вода, тадж. "оби шух" — пенящаяся, "белая вода") считается мужской. Она очень вкусна при питье и очень полезна для земледелия. "Женская вода" течет тихо, она теплее, большей частью образуется из ключей, она более темного цвета, не так хороша на вкус и менее хороша для полей. Следует, однако, отметить, что это представление о "мужской" и "женской" воде в Ягнобе встречается, по-видимому, довольно редко.

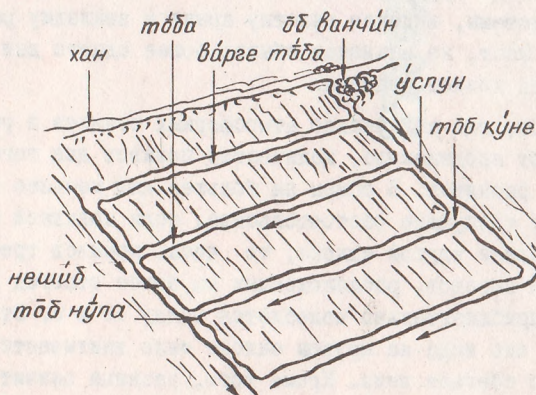
Ущелье, долина называется по-ягнобски "ноу".

Речка, ручей, спускающийся по такой долине, особого определенного названия не имеет и называется просто "оп" или "ноуе оп". Только очень большая речка или река называется обычным словом "дарё" (например, Ягнобе-дарё — р.Ягноб).^I

^I Главная река Ягноб нигде в пределах Ягноба непроходима вброд.

Арык, ирригационный канал называется "хан", вода, текущая по нему, — "хан-оба", крупные или мелкие арыки — "катта хан" (большой арык) или "пұлчак хан" (малый арык), место, где из главного арыка отводится вода в меньший — "обванчин". Арык, который, начинаясь в обванчин, идет по орошаемому полю, спускаясь с одного его бока прямо вниз по откосу, называется "ўспун". От него отходят через поле, перпендикулярно и горизонтально параллельными рядами, непосредственно питая поле, канавки "тоба".¹ Верхний край ягнобского всегда наклонного поля называется "варъ" или "зое варъш", низ — "воск" или "зое воскш", самая верхняя из этих параллельных канав — "варъе тоба", нижняя — "воске тоба". Мера воды, необходимая для поливки одной тоба, называется "варъ".

В каждой из тоба, на всем ее протяжении, через каждые 2-4 вершка, проделан ряд небольших воротец, через которые течет вниз вода, орошая корни растений. При более отлогом склоне воротца расположены реже и расстояния между ними доходят до 6 вершков. Они называются "пучуха" (в теновом говоре — "пучухна"). Другая перпендикулярно опускающаяся канавка, идущая по другому склону поля вниз и собирающая воду, выходящую из нижних концов тоба, называется "нешиб".

¹ Это слово сохранилось из древнего языка, и в равнинах, где, в Гиссаре например, такая идущая по посевам оросительная канавка тоже называется "тоба" (как в Хиве арык до сих пор называется древним согдийским словом "хан", оставшимся и у ягнобцев).

Место, где из главного канала пускают воду в меньший, называется "опванчин" (в теновом говоре - "опванчи").

Чем круче склон, тем расстояние между параллельно идущими тоба уже. Верхушка тоба, откуда входит вода из "успун", называется "тоб-куне"; конец ее, соприкасающийся со сточной канавкой "нешиб", называется "тоб-нула". Часть поля, вытянутая между двумя (параллельными) тоба, тоже называется "тоба".

Обычно там, где имеются у ягнобцев поливные поля, воды для орошения настолько много, что надобности в установлении очереди нет. Это называется "манйаргам" или "майаргам", т.е. "вволю", "с избытком". Когда же воды становится меньше, то в некоторых селениях на полив устанавливается очередь - "наубат", производящаяся в том же порядке, как и очередь на пастбу скота, т.е. переходя от одного дома к другому, начинаясь с одного края селения.

Для очистки и ремонта арыков, орошающих селение, как и повсюду, выходят все на работу и работают, пока очистка и ремонт не закончены. Иригационная система ягнобца не сложна, и весь ремонт системы, включая очистку арыка и закладку разрушившихся за зиму мест, не занимает обычно более одного дня при общей работе всех хозяев селения.

В Ягнобе, где количество атмосферных осадков в различные годы бывает неодинаково, количество поливов для того или другого хлеба разнится. В общем на большее или меньшее число поливов влияют следующие обстоятельства: если поливной посев находится на более крутом склоне, то число поливов требуется больше, чем для посевов, расположенных на более отлогих склонах. Разница приблизительно колеблется между 10 и 6. Это объясняется тем, что вода на крутом склоне мало впитывается и, пушенная, быстро сбегает вниз. Кроме того, разница значительная в том - расположены посевы на солнечной стороне или на теневой. Количество поливов на первой превышает вторую в два-три раза. Разные сорта тоже требуют не одинакового полива. Больше всего поливается горох - если ячмень, например, в данном году поливается 10 раз, то горох приблизительно - 15 раз, пшеница же при разных условиях - только 6 раз.

Характерно, что в Ягнобе нет никаких просительных обращений к небу о ниспослании дождя. Нет ни додольских процессий, как в соседней Матче, или обряда насильственного купания, виденного мною в Шахристане. Нет даже специальной молитвы о ниспослании дождя, хотя (как мне самому лично приходилось видеть раз) бывает при отсутствии в нужное время дождя и засуха, когда в результате погибают посевы и бывает голод. Но, в общем, воды для орошения в Ягнобе, как говорилось выше, достаточно.

(Папка № 7-а, стр. I0I-I04)

Сел. Пулла-Роут. 25 августа 1927г.

Жатва. Интересно, что нужда и погоня за каждой былинкой для корма скота или навоза и топлива проглядывает часто в таких действиях и соображениях ягнобца (и часто горного таджика вообще), которые совершенно бывают непонятны жителю равнин. Исключительно для того, чтобы не пропадали корни и основания стеблей, яровые ячмень и пшеницу даже не жнут, а специально тупым или затупленным серпом выдергивают с корнями из земли и вяжут в снопы. Даже богарные посевы и те вырываются при "жатве" с корнями.¹⁾

Исключение составляют редкие в Ягнобе озимые посевы пшеницы, корни которой настолько грубы и так трудно поддаются измельчению, что такую пшеницу действительно жнут, но и тогда стараются жать так близко к корням, чтобы сэкономить солому на корм, как никогда не делают на равнине.

Для того, чтобы облегчить это выдергивание, перед жатвой накануне посев поливается (если посевы поливные), и растения выдергивают из мокрой еще земли. В силу последнего обстоя-

¹ Совершенно понятен поэтому обычай в с. Гори́ф в Бадахшане, на афганской стороне, где, как гсворят, жители "жнут" таким образом ячмень при помощи серпов из рогов диких козлов (См. М. А н д р е е в и А. П о л о в ц о в. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. СПб, 1911, стр. 1911).

ительства, для удобства и скорости обсыхания мокрой еще земли на снопах (на комлях), если дергают из поливных полей или с богарных – все равно, снопы укладываются плашмя плотно сдвинутыми рядами так, что верхняя часть снопа с колосьями целиком исчезает под комлями вышележащего снопа. Получается пространство, покрытое сплошь снопами, где торчат только одни комли и не видно придавленных колосьев. Сжатый хлеб (ячмень и пшеница – даже озимая) держится в таком положении три дня. Это имеет смысл, по мнению ягнобцев, не только для просушки корней, но и для того, чтобы недошедшие колосья, еще зеленые, с мягкими зернами, налились бы получше и затвердели бы. Считается это очень полезным для скорейшего дозревания. Точно такой же способ применяется и в соседних таджикских горных странах, и не только для пшеницы и ячменя, но и в некоторых местах для льна (в Ягнобе, где лен сеется очень мало – только немного в одном селении Ноумиткон,^I с ним там так не поступают, а просушивают стоймя). Такое положение снопов, называемое в Матче "курғана:" – "слепая скирда" (от закрытых намеренно колосьев), в Ягнобе обычно называется просто "ғанак". После трехдневного лежания в таком виде снопы ставят для просыхания попарно комлями вниз, с соприкасающимися верхушками вытянутыми рядами. По-ягнобски это называется "поя" (у соседних таджиков "пай"). В таком виде жатва стоит вплоть до гумна. Необходимое для молотбы высыхание наступает приблизительно дней через десять, в случае же мокрой погоды высыхание затягивается иногда даже до месяца, что, конечно, очень неблагоприятно отражается на сборе урожая при наступающих морозах.

Следует отметить, что ввиду необходимости в Ягнобе तो-ропиться за уборкой хлебов, жнут еще и полужеленные колосья, самые снопы – "зіванта" – вяжутся для скорейшего высыхания очень небольшими – значительно меньшими, чем в равнинах.

^I Лен начинают сеять внизу в с. Ворсоут, в Хшортобе сеют его уже в довольно значительных размерах. В самом же Ягнобе даже нет ни одной маслбойки, и то немного, что сеют в с. Ноумиткон, выменивается семенами на урюк у приезжающих с сушеным урюком фальгарцев.

Горох точно также выдергивается с корнями (последние считаются хорошим кормом для скота), собирается охапками "воп" (wop) и точно также 3-4 дня держится стручками вниз для высыхания комлей и вызревания зерен.

После этого горох поворачивается вверх стручками для просыхания. Горох, считается, высыхает в таком положении не-много скорее ячменя. Его молотят так же, как и зерновой хлеб, гоняя скот по гумну, и провеивают. Гороховая мякина, собираемая и складываемая отдельно от ячменной и пшеничной (ссыпae-мых безразлично вместе), употребляется на корм для телят и овец и рогатого скота.

(Папка № 7-а, стр.98-101)

[Запись без указания места и времени]

Помочь-"хашар" для жатвы устраивается только у наиболее зажиточных.

Когда жатва подходит к концу и остается только небольшой клочок поля, все жнецы бросаются его доминать, торопясь друг перед другом, и, как только исчезли под серпом последние растения, все становятся в круг, держа друг друга за шею, и затем раздается протяжный, длинный крик - "алло!" - заменивший, очевидно какой-то древний языческий возглас. Очень характерно, что идея духа поля, духа посева, приканчивания с ним (встречаемая и у многих европейских народов) сохранилась и у ягнобцев в выражении, которое употребляется в отношении поля при исчезновении последних колосьев: "Амир, үүниш асан". - "Умер, его душа вышла". "Зóик үун асан" - "Вышла душа (жизнь) земли (поля)" или "Явик үун асан" - "Вышла душа (жизнь) ячменя". Последнее употребляется, конечно, когда жнется поле с ячменем.

Когда заканчивают жатву, то как на помочах, так и при собственной работе хозяев, стараются, когда жатка подходит к концу, закончить ее скорее: "Зой амир, дарау, дарау вонт - бедон дахше" - "Земля (посев) умирает: торопитесь - поясница болит". Считается, что если не торопиться и затягивать мучения, агонию умирающего поля, то от этого у жнецов болит поясница.

Когда наступает пора жатвы, то первый раз в среду жнет понемногу на каждом поле Бобом-Дехкон. Только он один в каждом селении и может начинать жатву. На другой день после этого к жатве приступают хозяева.

(Папка № 7-а, стр.147).

Сел.Бидив.24 июня 1927 г.

Помочь - "хашар" распространена в Ягнобе, как и в других таджикских странах, и применяется в различных случаях, когда не хватает собственных сил, чтобы справиться с наступившей работой, требующей большой единовременной затраты труда.

Обычно помощь устраивается в следующих случаях:

1) летом при жатве травы для корма скота (эта жатва соответствует нашему сенокосу, продолжается 40 дней);

2) осенью при жатве ячменя и пшеницы;

3) при перевозке с гор на гумно при селении снопов пшеницы или ячменя; для этой цели каждый из участников является со своим осликом;

4) при переноске снопов сена, нажатых по склонам гор; их переносят на спинах людей;

5) при переноске в корзинах на спинах людей навоза на поля;

6) в случае покупки кем-нибудь сена в окрестном селении (при недостатке у себя); приглашенные переносят сено на спинах);

7) в случае недостатка топлива зимою; в этом случае отправляются пешком и каждый приносит вязанку топлива.

Как и в прочих таджикских районах, на помощь приходят только на один день. "Не соглашаются больше" - жаловался мне один богатый хозяин, видимо, ничего не имевший против того, чтобы эта сторона обычая была бы изменена.

В случае, если работа большая и в собственном селении народу мало, то зажиточный хозяин, рассчитав свои средства на прокорм приглашенных, посылает гонцов и в окрестные селения,

откуда тоже является народ. В общем, однако, не собирается больше 30-40 человек зараз. Обычное же число - 10-15 человек, иногда же у бедных бывает и 5-8 человек.

Приглашенным на помощь дается следующая пища:

1) Приблизительно через час после начала работы дается кислое молоко - "чуфрот" вместе с хлебом.

2) Еще через 2-3 часа работы дается "умоч" (род мелких клецок, вареных на воде, к которым подбавляется кислое молоко).

3) По окончании работы, когда работавшие собираются, закончив дело, в дом хозяина (до этого первые два раза пища относится на место работы), дается пища из "чанголи" - больших хлебов, политых молоком и размятых несколько сверху ложкой. Эти хлебы потом поливаются горячим коровьим маслом. Данное блюдо считается большим лакомством и предлагается на больших угощениях.

(Папка № 7-а, стр.39-42)

Запись со слов Мулло Ниёза (из сел.Маргтумайн). Ташкент, 29 февраля 1928 г.

Мельница. Вознаграждение за помол. За помол дают хозяину мельницы 1/32 - "с 8 пудов муки 10 ф." (отчисление в пользу хозяина мельницы). Но мелет сам хозяин зерна. Хозяин мельницы только раз в день заходит и справляется о положении дел. Тип мельницы такой же, как и повсюду у окрестных таджиков, с той только разницей, что жернова в некоторых местах, где воды мало, ставятся меньше, что, конечно, отражается на количестве вырабатываемой муки.

(Папка № 7-а, стр.180)

Скотоводство

Количество скота. Для примера масштабов скотоводства в Ягнобе можно взять среднее по богатству скотом селение Муштиф, 8 домов:

Мавлон - 18 овец и коз, 1 вол, 1 корова.

Абдурахмон (отделившийся брат Мавлона) - 5 овец и коз, 1 корова, 1 осел.

Сангин - 8 овец и коз, 1 корова, 1 телок.

Нур - 10 овец и коз, 1 корова, 1 вол, 1 телок, 1 осел.

Раджаб (отделенный брат Нура) - 12 овец, 1 корова, 1 осел, 1 вол.

Давлат - 1 корова, 1 осел.

Юсуф - 15 овец и коз, 1 корова, 1 осел.

Нури-Чорбобо - 1 корова, 1 осел, 1 бык.

Таким образом, на все селение приходится всего 65 овец и коз, 8 коров (по одной на каждый дом - обязательное свойство хозяйства), 6 ослов, 4 быка (3 вола и 1 бык), 2 телка. Малое количество телков (с двухлетнего возраста) объясняется тем, что из-за трудности прокорма зимою их часто продают, выменивая на зерновой хлеб. Телята имеются при коровах и не указаны: все коровы подпускные; в случае смерти теленка корове подставляется при доении его чучело, набитое соломой.

Быки - "буқа" по достижении четырех лет холостятся для пахоты, так как считается, что вола - "кишок", будучи более спокойными, легче подкармливаются и набирают силу, необходимую для пахоты.

(Папка № 7-а, стр. 59-г)

[Запись без указания места]

Ягнобцы уверяли, что при наличии двух коров и 20 овец масла на зиму набирают за лето не более одного пуда и около 1-2 пудов сыра.

(Папка № 7-а, стр. 4 на обороте)

Сел. Куль. 1 августа 1927 г.

Пастыба скота. Наемных общественных пастухов в Ягнобе совершенно не имеется. Только лишь богатые, имеющие большое количество скота, нанимают таковых для себя лично. В остальных же домах скот пасется хозяевами скота по очереди, причем обычно очередь меняется ежедневно. Так как скот делится в пастыбе на две главные группы - рогатый скот и овцы, то, когда наступает очередь, каждый дом должен выделить двух взрослых чело-
век - одного для рогатого скота, другого для овец и коз. Кро-

ме того, имеется еще очередь для ребятишек, при наступлении которой из каждого дома назначаются двое – один для пастбы ягнят и козлят, другой – телят. Бывает, однако, что если мальчик из подростков постарше, то он посылается один и справляется, пася телят и ягнят совместно.

Обычно быки, используемые для пахоты, во время летних пастбищ отводятся подальше от летовки в места, обильные травой, и там оставляются для пастбы самостоятельно без всякого надзора до наступления молотбы, когда их сводят с гор для работ на гумне. Исключением является только два селения в Куле, где быки ходят вместе со стадом. Это вызывается тем, что пастбища кульские расположены довольно близко от посевов и, если пускать быков без призора, то они могут потравить посевы. Пастба продолжается, начиная с появления травы до уборки хлебов в течение четырех месяцев, после чего скот пускается пастись без всякого присмотра (последний, главным образом, имеет смысл для предохранения полей от потравы). Рогатый скот прекращает пастись по выпадении снега. Овцы, однако, продолжают еще пастись в течение 20 дней – I месяца, пока не наступят большие морозы, находя себе пищу по склонам гор, откуда снег сдувается ветром.

(Панка № 7-а, стр. 60-61)

Сел. Бидив. 24 июня 1927 г.

Заготовка сена. Приблизительно в начале или середине июня начинается заготовка сена на зиму. При наличии скотоводства и трудности заготовки это является очень серьезной задачей в жизни ягнобца.

Клевера (люцерны) за ограниченностью посевной площади, нужной под хлеб, в Ягнобе совершенно не сеют. Весь запас сена для скота добывается посредством сбора травы в окрестностях селения. Жнут травы в следующем порядке: "вигна" (уған), "гушша", "машшак", "ситқа", "марғ". Марғ считается лучшим кормом и дается только пахотным быкам; даже дойным коровам его не дают. Кроме того, жнут еще траву "рова", "ро́ва". Жатва производится исключительно серпом – "дирот". Жнец захватывает горстью срезаемые растения и кладет их под мышку левой

руки, где и держит, пока не наберется достаточная охапка - "чабба", которую он кладет на землю; три чабба кладут вместе в одну кучку или небольшую копну - "воп", "воп" и придавливают сверху наложенным камнем. Засохшая под лучами солнца и несколько спрессованная таким образом трава связывается в снопы. С мест жатвы во всем Ягнобе сено переносится на спинах в селение для его окончательной укладки в стога - "пачик". Ни сачней-волокуш - "чигина", подобно тому, как это имеется, например, в Каратегине и Гиссаре, ни вьючных животных не используют.

При заготовке корма на зиму считается достаточным десять таких нош - "хурки воп" (ноша на спине) на прокормление одной овцы - "солик" и по 7 - на прокормление ягненка - "тукли" или козы. При кормлении рогатого скота к селу подбавляют мякины от пшеничной или ячменной соломы.

Сведения о прокормке лошадей в Ягнобе большого практического значения не имеют, так как на все тридцать селений Ягноба (включая и таджикские селения) имеется всего навсего шесть лошадей.

Мера сухого сена - человеческая ноша на спине "вор".^I При нормальных условиях весной, считая по одной вор, определяемой в "се чорака", т.е. в $1\frac{1}{2}$ маховых сажени в окружности (измеряется веревкой), сено оценивается в 5-8 вор за 1 ягненка.

Большим подспорьем к селу является мякина - "хок" (таджикск. "ка").

Сено предварительно режется на крыше серпом и только потом дается скоту. Для подачи корма имеются два способа: или человек втаскивает его в корзину через дверь и кладет в ясли скоту или же сыпает заготовленный на крыше корм сквозь отверстие в крыше. Для первого достаточно одного человека, для второго нужно обязательно два, так как один должен тогда находиться внизу, принимать сыплющийся корм и распределять его скоту.

(Папка № 7-а, стр. 57-59)

^I Один "вор" состоит из 10 кучек или небольших копен "воп".

[Запись без обозначения места]

Возрастные названия для крупного рогатого скота:

Хаси	- 5 лет	Фарғумч	- молодая первотельная
Охта-роу	- вол		корова трех лет
Буџа-роу	- бык	Шукорчи	- двухлетняя родившая
Навбаст	- бычок 4 лет		корова (встречается
Дыбыза	- двухлетний телок		нечасто, так как нор-
Ма́кша	- однолетний телок		мальными являются
			первые роды у трех-
			летней

(Папка № 7-а, запись на полях рукописи,
стр.148)

Заготовка топлива. Топливо в разных селениях Ягноба несколько разнится, но большей частью состоит из кизяка, мелкого кустарника, называемого "дира́уна" (тадж. "шибок") и еще более мелкого кустарника-колючки, называемого "хуру́ра". В одном только селении Бидив, кроме перечисленного, еще добывается с окрестных гор арча, чего в других селениях нет.

Кизяк готовится двояко. Накапливающийся за зиму помет овец оставляется в их хлевах и утаптывается ногами самих животных. При наступлении весны получившийся пласт режут лопатами на квадратные куски, просушивают на солнце, приносят в корзинах к дому и складывают снаружи в правильные кучки, которые обмазывают сверху коровьим пометом для предохранения от размывания дождем. При наступлении зимы этот кизяк убирается в кладовую.

Помет рогатого скота убирается зимой от времени до времени (приблизительно раз в неделю) из под ног рогатого скота и сгребается в угол хлева, где стоит скот. При наступлении весны помет выгребают наружу, месят руками, прибавляя воды и мякины, и затем лепят по стенам хлева (конечно, снаружи) для просушки. По высыхании относят домой и поступают, как с бараньим кизяком.

Оба кустарника на топливо обычно собираются ранней весной, когда еще нет листьев. Их удобно собирать тогда потому, что земля влажна и можно сравнительно легко их выдер-

гивать из земли. По выдергивании этот кустарник (опять-таки на спинах людей) приносится к селению и складывается в кучи на его окраине, где эти запасы и находятся все время, в том числе и во время зимы. От времени до времени (приблизительно через 5-6 дней) хозяин отправляется за ними и берет очередную порцию на домашние надобности.

Арча, как упомянуто, близко имеется только около с. Бидив. Ее собирают на топливо только летом, так как зимою до зарослей добраться бывает трудно. Но даже и в самом сел. Бидив в употреблении преобладают названные кустарники и помёт скота.

В Векоб главным образом используют на топливо кизяк, но также употребляется "шибок" (для более парадных случаев) и "хор" (колючий кустарник). Очень редко — арча.

Арча пользуется среди прочих деревьев некоторым уважением, почтением. Зеленую арчу стараются не рубить, так как это грех, сухую рубят свободно, как и другие деревья: в их зеленом виде (Сравнить с общетаджикским отношением, а также с кафирским).

(Папка № 7-а, стр. 62-63)

Сбор топлива. При большом недостатке топлива в Ягнобе пахота одновременно является и сезоном, когда заготавливают довольно значительную часть топлива, пользуясь теми корнями растений, которые при пашне извлекаются из земли. Этим делом занимается опять-таки мужчина, ходящий по полю и выбирающий руками из раздробленной земли стебли и корни, связывая их в пучки веревкой и относя в кучки, называемые "пичик", располагаемые неподалеку от дома. Здесь это очень неважное, сравнительно, топливо, пригодное только для очень неприхотливых требований, просыхает, и здесь оно остается до зимы, когда его и используют. Оно является значительным подспорьем в хозяйстве ягнобца, хотя главным основным топливом, по-видимому, является кизяк. Как самое собиранье этого топлива, так и иногда само топливо, обозначается словом "хшова", что значит полотно, прополка посевов.

(Папка № 7-а, стр. 192)

Охота. Рыбы в Ягноб-Дарье, по словам ягнобцев, не имеют, так как будто бы вода настолько замерзает, что рыба не живет. Говорят, что рыба встречается только до с.Фан, а выше по реке ее нет. Причина будто бы — сильное падение воды в водопаде выше этого селения. Утки, однако, здесь зимуют, оставаясь в тех местах, где, благодаря пробивающимся у берегов ключам, вода не замерзает. Весной утки улетают куда-то вниз, и летом в Ягнобе уток нет. Никто на них не охотится. Дикие бараны (журм) водятся только в самой нижней части Ягноба, а также в соседнем Фальгаре. В самом Ягнобе их нет.

Единственная охота, которой занимаются ягнобцы, это зимняя охота на диких коз — "нахшир". Производится она в довольно больших размерах, так как в ней принимают участие от 2 до 10 селений. Устраивается она уже во время глубокой зимы, когда выпало много снега, в котором проваливаются и с трудом продвигаются козы, что позволяет их нагонять. Центральное место для сбора охотников — сел.Бидив, в окрестностях которого имеется солонцеватая глина, лизать которую от времени до времени спускаются козы, как уверяли бидивцы, по понедельникам и пятницам (бывает до 80-100 коз).^I

Когда в селении Бидив решают, что наступило время охоты, то посылают пред наступлением предполагаемой ночи сбора посмотреть, спустились ли с вечера козы для лизания соли. По получении ответа посылается гонец по окрестным селениям и приблизительно к полночи собираются любители из различных селений, приводящие с собой своих собак. Набирается приблизительно от 25 до 100 человек, и число приведенных собак также достигает иногда 50-ти. Им отводят конюшни, привязывают к столбам, поддерживающим навесы пред помещениями. Охотники набиваются в михмон-хона. Выбирают из опытных людей одного распорядителем охоты. Еще ночью все отправляются занимать назначенные места в облаве или засаде. Наиболее легкие и сильные должны обойти коз кругом и занять вместе со своими собаками места по склону горы над козами, отрезав им отступление в гору. Так как обычно стоят сильные морозы,

[^I На полях написано "до 1000 коз" .]

то по прибытии на место охотники закапываются в снег и засыпают вместе с собаками до наступления рассвета. Когда рассвело так, что можно видеть уже участников цепи, обошедшей кругом стадо диких коз, люди поднимаются и начинается охота. Козы, почуя присутствие людей и собак, пускаются в бегство и стараются прорвать цепь. Спущенные собаки, имея преимущество перед козами в том, что меньше проваливаются в глубоком снегу, бросаются на коз и их сваливают. Подбежавшие люди перерезывают козам горло, чтобы сделать мясо чистым для еды с религиозной точки зрения, так как мясо козы, умершей только от укусов собаки, было бы поганым. В охоте идет большое соревнование. Каждый владелец собаки поощряет ее криками. Иногда бывает, что и людям, имеющим палки, удается убить убегающую и тонущую в снегу козу. Эта облава представляет собою большое развлечение для всего сел. Бидив, и все население, не участвующее в охоте, — и стар и млад, высыпает, чтобы смотреть на картину охоты, ясно рисующуюся при наступлении утра по склону горы во всех деталях. Владелец собаки, поваливший зверя, получает его голову с рогами и ножки. Человек, успевший подбежать и перерезать горло, получает сердце, печень, легкие. Остальное мясо делится между участниками по кусочкам, как равно и шкура, режущаяся на ремни для раздачи.

Охота с большим количеством участников (около 50 примерно) называется "шикóри ҳазора". Зимние охоты устраиваются в с. Куль и на летовке Кули-Ворсоут.

(Папка № 7-а, стр. 66-69)

Собаки в Ягнобе разделяются ягнобцами на следующие три породы: 1. "кутта" (собака) — обозначает собственно овчарку: большого роста, очень сильные собаки, справляющиеся не только с козами, но иногда и с волками; четыре собаки в сел. Бидив, например, где приходилось проживать нам, по словам жителей, зимой не подпускают совершенно волков к селению, справляясь с ними. 2. "синчуб" — помесь овчарки с гончей; 3. "този" — гончие. Последние встречаются в настоящее время редко и имеются теперь только в двух селениях — Новобод — 2 и Маргиб (Марғиб) — 2. Порода совершенно, видимо, исче-

зающая, несмотря на то, что този до сих пор расцениваются часто очень дорого - одну собаку иногда выменивают на корову. Ценятся за то, что могут легко нагонять горных коз на облаве, когда выпадает снег.

(Папка № 7-а, стр.17 прим. и стр.69 прим.)

[Запись без указания места]

Оружие. Лук. Любопытно полное отсутствие в настоящее время следов употребления лука в Ягнобе. Ни в играх детей, ни в воспоминаниях взрослых мне не встретилось никаких намеков на то, чтобы они знали когда-либо лук и стрелы. Пожилой ягнобец, попавший в Ташкент, с большим удивлением увидел в музее лук и стрелы и не знал их назначения.

Даже обычный лук-праца - тадж. "камон-фулак" не применяется в Ягнобе, как и праца - тадж. "фалахбон". И то и другое попадает очень редко только в рассказах или сказках.

(Папка № 7-а, стр.28-а)

Промыслы

[Запись без указания места и времени]

Выделка кожи. Кожа быка или коровы квасится приблизительно около 5-10 дней (смотря по температуре воздуха) в растворе из сыворотки (из-под кислого молока), соли и некоторого количества муки, ежедневно переворачивается. После этого моют водой, отмывая в некотором количестве оставшуюся местами шерсть. Кожа шьется еще влажной. По засыхании разминается руками и смазывается маслом или салом. Такая кожа называется "хомак".

Некоторое количество шерсти остается с наружной стороны, это происходит от неумения удалить или от нежелательности расходовать на это свой труд, так как без шерсти кожа считается красивее, а кроме того, к ней менее пристает навоз.

(Папка № 7-а, стр.132)

[Запись без указания места и времени]

Ременная веревка - "тасмина вѣта" имеется в каждом зажиточном доме и представляет собою предмет некоторой гордости. Длина ее от 4 до 5 сажен. Делается она специально из кожи с шеи быка. Для этой цели, когда режут старого пахавшего быка (не корову), то кожа на его шее оставляется неразрезанной. Ее снимают сегментом в "одну четверть и четыре пальца" длиной (около 6 вершков длины) и затем спирально вырезают из нее ремень, целый, указанной длины. Такой ремень, сыромятный, считается очень крепким и ценится очень высоко, составляя семейное достояние. "Вот этот ремень делал мой покойный отец", - говорил на летовке Кули-Варсуот Мулло Махмат, - он и до сих пор служит". Такой ремень действительно служит, по отзывам ягнобцев, от 25 до 40 лет - отсюда и его ценность. Таджики предпочитают его всякой веревке.

Такой ремень имеется только в зажиточных домах, где бывает иногда по 1-2 ремня. В бедных домах не имеется. На мой вопрос: "Почему?" - таджики мне ответили: "Не в каждом же доме можно зарезать быка". В городах на бойнях, куда таджики, пребывая на заработках, пробовали обращаться за получением куска бычачьей кожи с шеи, мясники отказывались им продавать, так как это обесценивало бы всю кожу.

При продаже (продажа обычно производится в виде товарообмена, без участия денег) стоимость ремня приблизительно соответствует 5-8 рублям - в зависимости от качества.

(Папка № 7, стр. 145)

Торговля, товарообмен, отходничество на заработки

Сел. Сархади-Куль. 9 августа 1927 г.

Со стороны Гиссара привозят соль, рис, пшеницу, ячмень, льняное масло - "зафир".

Из Ура-Тюбе: материи - тик, ситец, калями, алоча, бязь и пр., вата, мыло (очень мало), керосин (один фунт керосина равен 8-10 фунтам ячменя)

На штаны и на халат идет 8 аршин, в то время как в Бухаре 8 аршин идет на халат.

(Папка № 7-а, стр.1)

Сел.Бидив. 27 июня 1927 г.

Вывоз зерна и ввоз его в Ягноб. Это движение все время ощущается при жизни в Ягнобе. С одной стороны, можно часто встретить матчинцев и в особенности фальгарцев, закупающих в Ягнобе ячмень, обычно в обмен на фрукты.

Характерно, что фальгарцы и, в меньшем количестве, матчинцы приходят для этого сами со своими фруктами в Ягноб, преодолевая со своими нагруженными фруктами осликами высокие перевалы Зеравшанского хребта, отделяющего Ягноб от Фальгара (дорога по Фану для этого не употребляется, как более дальняя — дней шесть для них пути по Фану от Фальгара до Ягноба, в то время как через перевал доходят в два дня). Привозят для продажи по ягнобским селениям и сухие фрукты: тут, абрикосы — "фулинг", и свежие, уложенные в корзины, свешивающиеся по обоим бокам ослика. Из свежих привозят, главным образом, яблоки, позднее, осенью, персики, меньше привозят абрикосы, грецкие орехи, и из овощей — дыни, морковь и репчатый лук. Это все в области фруктов и овощей, чем питается Ягноб, в дополнение к собственным травам, потому что, как упомянуто, никаких фруктов (кроме черной смородины — "хушнук") в Ягнобе не имеется, как равно там не вырастают и никакие овощи.^I Вероятно этот ввоз фруктов, вместе с чрезвычайно широким потреблением ягнобцами в сыром виде различных трав, произрастающих в их родных горах, и является спасительным в их пищевом режиме, предохраняя их от заболеваний, которые были бы неизбежны, если бы ягнобцы ограничивались только продуктами своего хозяйства. Как упомянуто, фальгарцы и матчинцы сами привозят свои фрукты, яв-

^I В виде опыта в сел.Бидив сажали в небольших размерах картофель, который удавался, но культура его не развивалась, так как бидивцы решили, что он требует много воды для полива. В их же селении как раз чувствуется большой недостаток в поливной воде.

ляясь в Ягноб в период созревания там хлебов, т.е. осенью. Такие торговцы тогда часто появляются в ягнобских селениях. Покупатели у них обычно женщины и дети. На одну чашку весов насыпаются яблоки, на другую — ячмень, идущие в уплату за равновесное количество яблок. Другие привозимые фрукты расцениваются несколько иначе. Например, за сушеные абрикосы торговец получает обычно от 2 1/2 до 3 раз больше, чем вес абрикосов.

Пшеница из Ягноба не вывозится, ее дорожат и сохраняют для себя. Наоборот, продавая свой ячмень (только в обмен на фрукты и, иногда, на керосин), ягнобец сам прикупает извне пшеницу, привозя ее через Гиссарский хребет с юга, из Гиссара, где она стоит дешевле, чем в странах на севере. Для покупки ее он обычно продает у себя дома какую-нибудь скотину скупщикам скота, барышнякам, приезжающим из Ура-Тюбе, Пенджикента или Фальгара специально для этой цели в Ягноб. На вырученные деньги он закупает пшеницу в Гиссаре и везет к себе домой. Приблизительно 3/4 ягнобцев принуждены ежегодно отправляться в Гиссар за покупкой пшеницы, выбирая для этого два периода: или тотчас по окончании пахоты и посева, когда покончено с весенними работами, или осенью, после уборки хлебов в период до закрытия перевалов. Многие ходят даже по нескольку раз, перевозя необходимое количество. Обычно в среднем ходят 2-3 раза, но есть люди, которые ходят и до семи раз. Так как у обыкновенного ягнобца в доме имеется только один осел, то существует обычай заимствовать 1-2 ослов у соседей, отплачивая им, в свою очередь, своим ослом, когда придет их время отправляться за пшеницей.

Кроме хождения за пшеницей, каждый дом раз в году обычно посылает человека за солью, которой в Ягнобе не имеется. Соль нужна как людям, так и животным. Нормальная потребность — один ослиный вьюк (около 3 пудов) соли на год для одного дома. Бывает, что если не отправляются из дома сами, то прикупают нужное количество у тех, кто привез себе лишнее. Соль привозят, или закупая ее с базаров Гиссара (гор. Душанбе), или отправляясь за ней далеко на копи в Нурек.

Товарообмен. Весь экономический расчет в Ягнобе производится обычно на продукты, скот и хозяйственные припасы, а отнюдь не на деньги, так как таковых, во-первых, очень мало, а во-вторых, их ценность недостаточно, видимо, установлена. Даже наем рабочего труда производится не на деньги. Во всех известных мне случаях годовые работники, помогающие в хозяйстве, нанимались из расчета на определенное количество скота. Взрослый работник на хозяйских харчах получает за один год от 3 до 6 голов баранов, причем часть выдается ягнятами. В с.Бидив, например, рабочий получает за год работы 5 голов: 2 ягнят полугодовалых, 1 годовалого и 2 взрослых овец, т.е. приблизительно стоимостью около 5 червонцев.

Один немой юноша в с.Бидив служит за 2 годовалых барана и 1 ягненка в год. Найма поденных рабочих не имеется. Только во время жатвы, когда крайне важно поскорее сжать из-за надвигающейся возможности выпадения снега, нанимают, если не справятся собственными силами, жнецов, уплачивая им по ману зерна за сжатие площади, на которой посеян один ман зерна. Так как урожай, по словам жителей, в среднем приблизительно бывает 7-10 манов, то получается уплата за жатву приблизительно от 10 до 12% добываемого зерна.

В тех случаях, когда, например, не хватает осла, чтобы привезти что-нибудь, то, согласно установленному экономическому расчету, берут осла с обязательством провоза половины груза для хозяина осла, т.е. человек, отправляющийся с чужим ослом, погоняя его и идя за ним, получает право на провоз половины груза для своих надобностей.

Подобные освященные обычаем и точно установленные цены за различные услуги и пр. существовали в очень разнообразных случаях. Например, если нужна пара волов для пахоты, то нанимающий уплачивает за каждый день по 2 гяза (арш)^I домотканной бумажной материи - "карбос". Существует параллельно также обыкновение, согласно которому, если у кого-нибудь нет быков, а на зиму запасено сено, то за прокорм пары быков в течение зимы хозяин сена получает право пользо-

^I[На полях рукописи запись :] "1 пара [волово] - 3 гяза карбоса за день".

ваться этими быками весной пополам с их хозяином.

Своеобразные старые приемы аренды или продажи распространяются в Ягнобе и на землю. Так, например, "земля на I чашку семян" — "и ворзай тухум зой", т.е. такое количество земли, на котором высевается одна чашка (приблизительно около 10 фунтов) зерна, равна по стоимости при продаже I барашку 5-7 месяцев. Земля под дождь (не поливная) стоит значительно дешевле, и за ту же цену можно получить участок, на котором высевается один пуд зерна, т.е. в четыре раза больше.

Следует отметить, что, несмотря на большое пространство склонов гор, где часто на больших кручах и под самым снегом гнездятся клочки обрабатываемой под дождь земли, все эти земли строго распределены и каждая имеет своего хозяина.

(Папка № 7-а, стр.37-40)

Отходничество. Как упомянуто выше, до прихода русских экономические условия были таковы, что ягнобцам не приходилось ходить куда бы то ни было на заработки, теперь же они, подобно своим соседям в Гиссаре, Каратегине и Матче, уходят в большом количестве. Только очень редко собирался ягнобец, по рассказам стариков, закупить недостающий иногда хлеб в соседнем Гиссаре, или отправлялся за хлопком для пряжи в более отдаленный Ходжент.

С появлением большого спроса на равнинах Туркестана и Бухары на рабочий труд (в особенности при последовавшем развитии хлопководства) таджикское население гор, живущее впроголодь, охотно откликнулось на соблазнительную для него наживу. И с тех пор через горные перевалы Дарваза, Гиссара, Каратегина, Матчи ежегодно в определенные периоды года идет вереница рослых, хорошо развитых физически, но бедно одетых людей в шерстяных домотканых халатах, с более чистыми европейскими чертами лица; идут налегке в сторону равнины и не несут с собою почти ничего, кроме нажитых в горном воздухе здоровья и силы и некоторого запаса пищи. Возвращаются они через различное время уже с закупками, часто с очень значительными по весу, на своих спинах неся свои заработки, превра-

ценные большей частью в одежду и некоторые припасы для себя и своих близких.

Ягноб в отношении отхода на заработки в значительной степени связан с урожайностью того или другого года и, по-видимому, самым побудительным фактором к отходу является необеспеченность хлебным запасом. Лето 1926 г. было необычайно урожайным для Ягноба (старожилы не помнят такого урожая за многие годы), и наступившей осенью отход на зимние заработки дошел до минимума. Из Ноумитконского комитета, например, насчитывающего около 60 домов, ушло на заработки только трое, в то время как в другие годы уходило до 40-50 человек.

Несмотря на свою глушь, в силу крайне тяжелых экономических условий существования, ягнобцы обычно уходят на заработки в большом количестве. Уход этот совершается осенью, а весной, после наступления Науруза (празднование весеннего равноденствия), все ягнобцы идут к себе обратно. Причины предпочтения отхода на заработки зимой: 1) Недостаток продуктов для прокормления семьи в течение долгой зимы; отходящие уменьшают число едоков и тем растягивают период питания остальным; 2) отсутствие какой бы то ни было серьезной работы в зимнее время дома. Причины возвращения домой весной: 1) необходимость присутствия на полевых работах для посева будущего урожая; 2) трудность и неприятность перенесения жары в равнинах. Эта непривычка к жаре привыкших к холоду в своих горах ягнобцев, самые нижние селения которых расположены выше 8 тыс. ф. высоты над уровнем моря, является, по их словам, серьезной причиной, почему они спешат вернуться весной в родные горы.

Обычным сроком пребывания ягнобцев на заработках является, таким образом, в среднем 5-7 месяцев - с середины осени до весны. Отправляются на заработки в Бухару и Гиссар. Под последним названием подразумевается г. Душанбе с примыкающим к нему районом, включая Гиссар и Каратаг.

В Бухару отправляются преимущественно холостые, причем, между прочим, их занятием там, как это ни странно, является довольно часто туземное кондитерство - "халвогари", подобно ходящим на заработки из некоторых мест Матчи, кото-

рые тоже избирают себе эту профессию.

Тут мы, кажется, наталкиваемся на какой-нибудь случайный повод, благодаря которому, при благоприятных обстоятельствах, первоначально в данном направлении выдвигается какой-нибудь один человек, обучающий или привлекающий к своему ремеслу приходящих к нему из гор земляков и, таким образом, популяризовавший это занятие среди них. Таким образом, совершенно случайно, иногда несколько неожиданно, возникает иной раз "специальность" для выходцев из той или другой местности. (Какое в действительности может быть отношение к кондитерству у горцев, и сахару-то никогда не видящих у себя дома?). Примеры можно видеть и в других местах. В Индии, например, бедные выходцы из Туркестана, попадающие туда и обыкновенно известные там под общим именем "бухори", избирают для себя тоже довольно неожиданно часто ремесло точильщиков, расхаживая с точильным станком русского типа по улицам. Причина была та, что один выходец из Туркестана, знавший это дело, научил этому занятию попадавших туда земляков, и таких туркестанцев с точильными станками можно иногда встречать вплоть до Бирмы включительно.

В Гиссар часто отправляются вместе с семьями, причем жена стряпает в том доме, где служит муж: подметает полы, месит и лепит кизяк и выполняет домашние работы, получая взамен этого 2-3 хлебные лепешки и другую пищу. Денег не получает. Мужчина нанимается за 5-6 пудов пшеницы в месяц (даже в Гиссаре и то, как видно из этого, товарообмен в большом ходу), исполняя сельскохозяйственные работы, ухаживая за скотом и пр., на хозяйских харчах. К этому придется еще иногда кое-что из старой одежды.

Так как время службы продолжается приблизительно 5 месяцев, то следует считать, что ягнобец, прокармливаясь сам с женой, зарабатывает за зимний сезон около 25 пудов пшеницы. Но дело в том, что обычно приходится подкармливать одновременно привезенных с собою из Ягноба детей, делая это на свой счет. Последнее, по словам ягнобцев, вместе с связанными с этим расходами, отнимает в среднем приблизительно около 15 пудов пшеницы. Остается тогда 10 пудов, которые частью

превращаются в муку, везутся в размерах ослиного вьюка к себе домой, частью же, обращенные в деньги, служат средством для закупки главным образом одежды (старой и более или менее потрепанной) или, очень часто, для уплаты долгов.

Заработки холостых, уходящих, как сказано, большей частью в Бухару, несколько разнятся. Пустившийся по кондитерству зарабатывает больше, получая 70-80 руб. за сезон в 5-6 месяцев. Работающие чернорабочими получают меньше, всего приблизительно 40-60 рублей за сезон. Заработанные деньги большей частью идут на покупку старой одежды, мужской и женской, покупаемой в больших городах, одеяла (тоже старого), обуви себе и семье. Остальные деньги идут на пропитание летом до осени.

В Бухару отправляются следующим образом: до Самарканда вниз по Зеравшану идут пешком, а дальше следуют по ж.д. до г.Бухары.

В Гиссар идут через один из многочисленных перевалов (до их закрытия) пешком. Если выходят позднее, то идут через перевал Анзоб, закрывающийся позднее всех - в начале зимней чилли.

О необходимости для ягнобцев и других горных таджиков приспособляться с грехом пополам к потребностям и характеру городской (базарной) жизни во время нахождения на заработках говорит следующая поговорка: "Кутта шикори - галча бозори", т.е. "Овчарка стала гончей, галча (горец) - базарным человеком".

(Папка № 7-а, стр.13-17)

К МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЯГНОБЦЕВ

Селение и жилище

Сел.Пулла-Роут. 13 августа 1927г.

Характер ягнобских селений. Для того, чтобы яснее понять расположение селений ягнобцев, нужно представить себе общий характер довольно крутых склонов гор, образующих долину Ягноба, обрывающихся очень резко, словно подпиленных там, где по самому низу долины (часто скорее ущелья, чем долины), у их подножия с шумом мчит грязно-серая в половодье р.Ягноб. Обрыв этих склонов при приближении к реке таков, что по р.Ягноб нет ни одного селения, которое было бы расположено на берегу реки. Там, где дорога принуждена бывает спуститься к реке, чтобы перевести через мост путника с одного края склонов на другой, она при этом даже в наиболее удобных местах неизменно спускается крутой тропинкой, идущей обычно зигзагами и трудной для подъема и спуска. Селения поэтому лепятся высоко над речкой, кипящей где-то внизу сдавленной долины, располагаясь на десятки, а иногда даже и многие сотни сажен над ней, и жизнь ягнобца практически очень мало имеет отношения к его реке, которая, разрезав Ягноб вдоль на две части, представляет собою только важность в смысле вопроса сообщения через немногие мосты, соединяющие оба склона, и разве еще только зимой, когда, замерзая, при заносе снегом горных тропинок, она дает некоторую возможность для прямого сообщения по ней. Даже ни одна мельница не стоит на реке, не движется ее водою. Даже в важном вопросе орошения полей сама река не имеет никакого значения, так как, несмотря на большой угол ее падения, подножия склонов, сжимающие ее, так круты и возможные для орошения более отлогие склоны отстоят от нее так высоко, что нигде в Ягнобе вода из реки не выводится и все селения расположены в долине значительно выше ее уровня.

И только если подняться вверх по ее левому притоку - Куль, впадающему в реку Ягноб, где и над ним, в его нижней части, высоко, как ласточкины гнезда, лепятся по высям гор-

ных массивов селения Гармейн, Сокан, Семич и др., только в самом верху этого притока и впадающего в него ручья можно найти единственные в Ягнобе селения - Дахана, Кули-Миёна и Кули-Боло,^I подходящие своими нижними концами близко к местной речке или ручью и, следовательно, к оси и низу долины.

Итак, обычное ягнобское селение лепится по крутому склону гор, спускающемуся к реке, кажушейся глубоко внизу долины. Главное условие для возникновения и существования селения - это наличие достаточного количества воды в подходящем, падающем уступами по горному склону ручье и затем соседство несколько менее крутых склонов, где среди камней имеется и земля, чтобы можно было устроить, хотя бы и террасами, поля. Так как нужный для воды ручей сам по себе течет иногда в очень сдавленных и крутых берегах, то селение располагается в таком случае там, где имеются поля, и вода через посредство арыка - "хан" приводится на посевы.

Как говорилось в записях о хозяйстве ягнобцев, в расположении ягнобских селений очень характерным является стремление поместить свои дома и, в особенности, помещения для скота, так, чтобы быть возможно ближе к своим поливным полям. Делается это для того, чтобы возможно больше сократить расстояние между поливным полем, обязательно удабриваемым ежегодно навозом, и местом, где вырабатывается и получается навоз, т.е. помещениями для скота. В основе это достигается тем, что если имеется хотя бы какая-нибудь возможность, то помещения для скота, называемые "кой", устраиваются непосредственно на самом поле, и скот стоит там всю долгую ягнобскую зиму, копя навоз для окружающих полей. Но помещение для скота не может быть устроено далеко от дома "кат", так как люди должны ежедневно два раза в день ходить давать корм скоту, разгребая, часто среди глубокого снега, лопатами дорогу к хлеву (суровая снежная зима иногда совсем не дает возможности ягнобцу далеко отходить от дома).

В результате и дом тоже тянется ближе к помещениям для скота и лепится обычно в непосредственной близости к полям.

^I Сохранил более известные таджикские названия.

Этому способствует также то обстоятельство, что и при доме имеется непосредственно прилегающее помещение, где держится дойная скотина, а также ягнята, козлята и телята, и где, следовательно, также скопляется навоз, который ягнобец отнюдь не желает носить на своей спине на далекое расстояние.

В погоне за удобрением ягнобец очень дорожит и тем мусором, нечистотами, которые накапливаются около его дома и выносятся на поля, и даже пылью, которая выметается из жилого помещения или скопляется кругом его. Эти соображения также заставляют держать и сам дом по возможности в непосредственной близости к полю.

Вследствие названной причины там, где ягнобские поливные поля (богарные, т.е. посевы под дождь удобрения не требуют) расположены не в ущелье, по которому стремится вниз ручей, ниспадающий в главную реку, текущую далеко внизу (ущелье часто так сдавлено, что для посевов нет места), и самое селение тоже располагается не на скалах ущелья, а опять-таки около полей, находящихся на более отлогих склонах, куда выведена арыками вода из ущелья. В таком случае зимою берут воду из какого-нибудь близ лежащего родника.

В Ягнобе нигде нет ровного места. Везде только более или менее крутая покатость. Где бы вы ни находились, иногда даже на полу дома, обратная фасаду сторона крыши которого часто выходит прямо из под земли, не подпираемая даже маленькой задней стенкой, — везде ощущается наклон поверхности земли.^I Это чувствуется даже в языке, где вместо простого глагола "идти" часто употребляется глагол "подниматься" или "спускаться".

Ягнобское селение неизбежно лепится по склону горы, часто довольно крутому, и крыши ниже лежащих домов часто

^I Это обстоятельство, конечно, не может не сказываться на различных отраслях земледельческой жизни. Так, например, в силу недостатка ровного места и трудности его устроить, гумно ягнобца очень невелико, около 6 метров в поперечнике, и хлеб при обмолоте поэтому закладывается от 4 до 20 раз.

скрываются наполовину под полом расположенных над ними. Во многих селениях из верхних ярусов домов можно выйти только на крышу непосредственно лежащего ниже яруса и через ступеньки (иногда выдающиеся для этого в стене камни) можно спуститься на поверхность почвы, круто уходящую вверх, и в другую сторону, спускающуюся вниз от того места, где ваша нога коснулась земли.

При выборе места под жилище при таких условиях руководствуются, по словам ягнобцев, следующими соображениями:

1. Чтобы почва по возможности не была сырая и не было бы близко подпочвенной воды.

Подпочвенная влага часто является большой неприятностью в жилище ягнобца, причиняя при неосторожности ревматические и другие болезни при спанье прямо на полу. В жилищах, где почва влажная, можно встретить поэтому сухую траву, набросанную на том месте, где сидят, на пол под кошку, чтобы предохранить себя от заболевания.

Борьба с сыростью часто осложняется необходимостью из-за ужасных зимних холодов тесно прижимать постройки друг к другу. Только жилище, имеющее кругом себя другие постройки, считается достаточно теплым, чтобы в нем можно было бы жить зимой, так как открытая стена, несмотря на толщину, мало защищает от холода. Ниже расположенные жилища, прижимаясь задними стенами к основанию верхних, страдают поэтому иногда сыростью. Бывают случаи, когда сырость очень изводит, тогда строится двойная стена (две стены с промежутком между ними около аршина, засыпаемая камнями). Это считается уже достаточной гарантией. Такие задние стенки даже имеют специальное название — "фардеза".

2. Чтобы место не было подвержено действию снежных лавин — "тарма", низвергающихся с висящих кругом горных громад, засыпающих весною и дороги, и поля и даже разрушая иной раз отдельные постройки.

Все ягнобцы, с которыми приходилось говорить по этому поводу, рассказывали с заметным волнением про ощущения при падении лавин. Однако, несмотря на большое количество низвер-

гающихся кругом жилища ягнбца снежных лавин (стоит посмотреть только на громадные горные массивы, на сотни сажен вы-
сющиеся почти над селением, чтобы почувствовать всю гранди-
озность этих обвалов), следует все же отметить, что места па-
дения лавин обычно очень определены и хорошо известны, поче-
му в районе действия лавин остерегаются возводить какие-бы
ни было постройки, хотя хозяйственный соблазн бывает иногда
и велик. В сел. Кули-Боло хозяин дома, где мы остановились,
Саадулла, рассказывал нам, что у него был один хлев — "кой",
которого теперь уже больше нет, так как, как раз когда он
давал корм скотине, весь хлев со всем в нем находящимся был
сметен обрушившейся лавиной. Скотина была убита. Сам же Саа-
дулла был без чувств откопан прибежавшими жителями селения,
услышавшими шум падения лавины и поспешившими его спасать.

Не обходится и без человеческих жертв. Года четыре
тому назад около селения Бидив погибло от снежной лавины 5
человек, отправившихся на охоту.

3. Чтобы место не было подвержено действию каменных
обвалов — "қоқ-тарма" или падению скатывающихся с окрестных
высот камней.

Во время нашей остановки в сел. Пулла-Роут местный
"комитет" (т.е. председатель сельского комитета) Ашур был
серьезно озабочен грозящей ему опасностью от нависшего гро-
мادного камня на скале против его дома. Камень в несколько
сот пудов весом, по наблюдениям местных жителей, все более
и более наклоняющийся, должен, по мнению Ашура, при паде-
нии ударить в его дома. Бедный Ашур даже мечтал, что хорошо
было бы обратиться с петицией к правительству, и власти
взорвали бы камень. По словам ягнбцев, иногда, услышав
шум падения большого камня, все в панике выбегают из домов
и бегут куда попало, так как подобный камень, попадая в по-
стройку, может совершенно ее сокрушить.

4. Чтобы место не было расположено в районе силового
потока.

При группировании жилищ в селении имеют значение два
фактора: с одной стороны, упомянутое выше стремление ягнбца

расположить свой дом возможно ближе к поливным посевам; с другой – необходимость тесниться и сбиваться в кучу, имея стену своего жилища примыкающей к стене соседа для того, чтобы сохранить возможный максимум тепла при ужасных ягнобских морозах.

Эти два трудные для совмещения условия обычно заставляют ягнобское селение разбиваться, в связи с конфигурацией местности, на две, три или даже несколько групп, называемых "гудар" или иногда "майн", "мейн", т.е. селение. Так как все селение располагается неизбежно по склону горы, то верхняя часть иногда носит название "ши-майн", "ши-мейн" – верхнее селение, средняя – "бидоне-майн (мейн)" – среднее селение и нижняя – "доманай-гудар" – нижний квартал, или "пор-майн" – нижнее селение. Эти чисто ягнобские названия отдельных частей селения выдают, между прочим, и ягнобское прошлое их отаджиченных уже в настоящее время соседей, говорящих теперь таджикским языком. Так, например, в с.Канси (выше линии чисто ягнобских селений) тоже имеется нижняя часть, называемая "пор-мейн". В большом таджикском селении Хшортоб, расположенном ниже линии чисто ягнобских селений, имеется верхняя часть, называемая "ши-мейн". Ши-мейн есть в Куле, Пулла-Роуте, Ноумитконе, Хисоки-Дарве.

Есть все же в Ягнобе селение Чукат, в котором по малочисленности домов (5 дом) последние держатся в одной группе.

Ягнобское селение расположено среди зеленых поливных полей и имеет обычно рядом с ним некоторое пространство с сочной свежей мелкой травой, очаровательным зеленым ковром, ниспадающим вниз и называемым "марг".^I

(Папка № 7-а, стр.108-116)

[Запись без указания места и времени]

Жилище. Ягнобские постройки по своему характеру и

^I "Марг" не имеется только при сел.Бидив и Чукат. В с.Пулла-Роут часть марга принадлежит жителю с.Таги-Чанор (получена им по наследству – "мироси").

назначению могут быть разделены на следующие три типа:

1. "Кат" — жилое помещение, где проживает семья ягнобца; это жилище более или менее однообразно для всего Ягноба.

2. "Михмон-хона", где останавливаются приезжающие (мужчины) и где собираются мужчины данного селения, строящаяся обычно отдельно от первого. Михмон-хона бывает в свою очередь двух типов: а) старого ягнобского курного типа, с очагом посередине, где дым не имеет другого выхода, кроме отверстий — "ру́ча" (тадж.равзан) в крыше или в верхней части стен. Точно так же при михмон-хоне этого типа у менее зажиточных людей не имеется часто и прилегающих к ним навесов — "айвон"; б) михмон-хона нового типа, подражание городским михмон-хонам (или, точнее, соседним большим таджикским селениям, заимствовавшим тип этих своих жилищ, по-видимому, из городов).

В этих, в Ягнобе еще очень немногочисленных, михмон-хонах имеется, прилегая к одной из стен, камин с большим дымоходом, ведущим сквозь крышу и не дающим дыму распространяться в помещении. Помещений с такими каминами, однако, в Ягнобе, очень мало, они имеются далеко не в каждом доме. В с.Пулла-Роут, например, на 12 домов имеется только 5 михмон-хона. 3. "Кой"-помещения для скота. Разделяются на помещения, находящиеся при доме, — "кáте девáре кой" — и отдельные помещения, расположенные среди окружающих полей в некотором расстоянии от дома — "дур кой". Последние располагаются не при доме, а на полях, чтобы не переносить навоз на дальнее расстояние на поля. Гумно поэтому устраивается также по близости последних, чтобы не переносить далеко саман, идущий на корм скоту, помещающемуся большей частью в этих дальних хлевах. В "кáте девáре кой" находится дойный скот — "чáгна-мол" (соотв.тадж. "чушо" — коровы и овцы, которых еще доят. Там же, в глубине этого хлева (для того, чтобы лучше сохранить от холода) находятся два небольших отделения: одно для ягнят — "рункайк" и другое для телят — "макша-кояк". Другие отделения в этом же хлеве — для коров — "зоча-роу" и овец. В дальнем помещении для скота — "дур кой" находятся быки, телки, недоящиеся коровы, недоящиеся овцы и ослы. Словом, скот, который не доится и который называется общим именем "фáрда-мол" (тадж. "субай"). Иногда бывает, что при недостатке помещения в дальнем хлеве такой скот

частично держится и в одном помещении, близко расположенном к дому.

По-видимому, тип жилища, как и во многих других местах, диктуется в значительной степени наличием леса. Арча растет в Ягнобе только около с.Бидив и нигде в других местах близко не встречается (есть в окрестностях Новобада, но далеко). Поэтому в Куле, например, как уверяют таджики, на постройке жилища отражается трудность доставания леса. Я сам видел семидесятилетнего старика-кульца, проходившего к себе домой в Куль с тремя срубленными арчами на спине, имея в виду употребить их на постройку.

Сел.Кули-Боло. 25 июня 1927 г.

Лес здесь совершенно отсутствует, и лес на постройку (тополь) привозят даже из сел.Хшортоб - целый день пути (туда и обратно - 2 дня).

Дома местные, как приходилось наблюдать в разных селениях, по-видимому, почти все в основе очень стары и только от времени до времени ремонтируются. И в Бидиве и в Куле никто не запомнит постройки нового дома на новом месте. Как говорили в Куле, даже помещения для скота - "кой", разбросанные среди полей в ближайших окрестностях селения, и те стоят на своих местах с незапамятных времен. Редко очень бывает, чтобы кто-нибудь при накоплении у себя скота и недостатка места начал бы строить на имеющемся у него участке новое помещение для скота. Постоянное нахождение своих домов на одних и тех же местах ягнобцы объясняли мне недостатком места. Действительно, если видеть их "владения", где стена соотственной комнаты - "ху́чра" или "канна" соприкасается с той и другой стороны с подобными же кладовыми, жилыми "комнатами", коридорами и пр., принадлежащими их соседям, то становится понятным, что им обычно, действительно, некуда податься - и размеры и место при подобном положении определены раз навсегда. Некоторое представление можно иметь, если предположить, что какой-нибудь наш, европейского типа дом, из 10-20 комнат, поделить в собственность нескольких людей. Каждый мог бы владеть только имеющимися у него комнатами и решительно не мог бы раздви-

гать свое жилище, будучи стеснен своими соседями. Вот почему обычно дома в селениях сохраняются так, как, в сущности, они были построены дедами, может быть сотни лет тому назад, подвергаясь только от времени до времени обычному ремонту. Сохранению домов способствует также, по-видимому, в значительной степени прочность стен, которые кладутся из камней на глиняном растворе. По отзывам ягнобцев, такие стены значительно прочнее глинобитных стен обычного равнинного типа. Уже поэтому только, по-видимому, следует считать, что ягнобские жилища (как, вероятно, и вообще горнотаджикские) более долговечны, чем обычные равнинные постройки из лёсса или сыпча (каркасные постройки). В среднем при очень разрушающем климате стена, возведенная из камней на глине и неприкрытая крышей, стоит, не разваливаясь, до 3-4 лет. (Разрушающим элементом является, главным образом, тающий снег, то замерзающий, то тающий снова). Если это наружная стена в доме, то она сохраняется приблизительно до 10-15 лет; что же касается внутренней стены, закрытой от дождя, то такая может держаться, по-видимому, чрезвычайно долго. Есть стены внутри помещений, относительно которых даже дряхлые старики не помнят, когда они возведены. По отзывам ягнобцев, в некоторых местах главной причиной разрушения стен в жилых помещениях являются мыши, роющие свои норы в такой степени, что стена, лишившись в основании связи из глины, скрепляющей камни, теряет свою прочность. Если в соединенном ягнобском жилище, состоящем из собственности нескольких людей, требуется ремонт или перестройка, то наружные стены возводятся теми, к кому они относятся. Внутренние же стены-сообща теми хозяевами, помещения которых такая стена разделяет.

Самыми прочными считаются стены, возводимые из плоских камней - "тоба". Но по свойству каменных пород в окружающих горах они не во всех селениях имеются в достаточном количестве. В то время, как на солнечной стороне их много, на теневой стороне достаточно, в Куле их очень мало.

"Тоба" называются большие плоские камни, используемые как на сооружение стен (вместо кирпичей), так и на различные прочие надобности: покрытие крыш в помещениях для скота

в тех местах, где мало леса, покрытие ям для стока воды, могил и пр. В Куле, где снег лежит зимой толстым покровом, их заготавливают с осени в некотором количестве на кладбище, на случай чьей-нибудь смерти.

Что же касается крыши, то последняя большой прочностью не отличается, но при достаточном присмотре может существовать приблизительно до 30 лет.

Не следует упускать из виду, что крыша в ягнобских домах является скорее двором, местом, где сидят, работают, разгуливают и пр. и где находятся также и собаки.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что, несмотря на довольно частый ремонт и возобновление от времени до времени изнашивающихся частей, ягнобское жилище в общем очень старо, как в смысле своего местонахождения, так и типа.

Заметка об отдельных помещениях и их частях

"Мур". В муре имеются два отверстия - "руча" для прохода дыма и света, открытые все время за исключением зимы. Закрывались они в то время, когда идет снег, так как при поднимающейся метели снег заносит и в эти, открывающиеся вбок, наклонно к крыше окна. Боковое оконце с деревянной дверкой называется "диворак".

Исключение представляют собой редкие каминны на городской лад, называемые "касаба-инкир", имеющие вертикальные трубы. Последние каминны являются нововведением. В с. Бидив их имеется, например, всего только три: два в михмон-хонах и один в худжре, сооруженные от 5 до 10 лет тому назад; в сел. Марту-майн только 1 камин - лет 15, в остальных селениях известны: 1 - в Шовета, 1 - в Петип, 1 - в Пулла-Роут и 1 - в Муштифе. Все они тоже, сравнительно, недавнего происхождения и появились не раньше 20 лет тому назад, заменяя прежние курные помещения.

Михмон-хоны старого типа, сохраняющиеся местами и теперь, были все курные (то же и в равнинах - ср. Касан) и не имели ни навесов перед входом, ни каминов.

В таком помещении (как и в муре) невозможно сидеть, когда топят. Все выходят от едкого дыма, пока не прогорят дрова и не накопится достаточная жара от прогоревшего кизяка. Когда готовят тут же пищу, употребляют очень сухое топливо (кустарник или арчу), дающее мало дыма; зимой, после того, как топливо прогорело, небольшое боковое отверстие поддувало (топливо кладется сверху, за исключением небольшой кучки хорошо горящих палочек для зажигания снизу, вводимых через "инкир - рита") закрывается камнем и присыпается снаружи золою, чтобы не было притока воздуха. Находящиеся в помещении садятся вокруг верхнего отверстия инкира - "инкири-рах", подсовывая ноги под покрывающее его меховое покрывало - "пустак". На ночь верхнее отверстие закрывают плоским камнем и ложатся спать - если народу немного (до 4 человек) - на "инкир-сара", если же народу больше, остальные спят на "сархад".^I

Другой особенностью старых построек следует отметить, что они намеренно делались низкими для того, чтобы их было легче согреть зимой. Высота такова (еще и сейчас местами), что высокий человек должен нагибать голову.

Сел.Бидив. 7 июня 1927 г.

Все упомянутые выше, большей частью наклонно пронизывающие крышу, отверстия - "руча" для прохода дыма и света в каждом селении бывают обращены в одну сторону - в ту же, куда открываются и двери домов. Определенного одного направления

^I Очищая пространство для сна в муре зимой, котлы поднимают и ставят в ниши "пича".

"Мур-катак" - помещается в доме сбоку инкира.

В одном доме из мур имеет отверстие в кладовую - "пистик".

В с.Пулла-Роут, в отличие от обычного, в инкир-рита в двух домах из II перед входом имеется дверь. Объясняется это тем, что они переделаны из другого помещения.

для всех селений не имеется, но в каждом селении в отдельности все имеющиеся там двери и руча обращены в одну для всех сторону. Вызывается это следующими условиями. 1. Все селения Ягноба расположены по склонам горных откосов, и дома, естественно, обращены спиной к горе и открыты в противоположную сторону (задняя стена у многих из них обычно не существует, и потолок отходит прямо от откоса горы, образующего собор заднюю стену дома). 2. По существующему воззрению, руча должны быть обращены в ту же сторону, что и двери. 3. При расположении дверей и руча очень важно, чтобы господствующие в данной местности ветры не дули бы в дверь и окна, так как при больших морозах это очень студило бы внутренность помещения. Обычно двери и окна обращают в каждом селении в сторону протекающей под его ногами реки, т.е. к центральной оси долины, представляемой рекой (в середине долины, на самом берегу реки, текущей в высоких обрывистых берегах, как сказано, в Ягнобе селений не имеется). При таком положении ветер ударяет в бока домов, если он поднимается с конца долины или сверху.

Стены для домов или помещений для скота кладутся на глине для того, чтобы помещения были теплее.

(Папка № 7-а, стр. 43-49/IV)

"Са́кин-катак", "са́кин-му́на" - помещение для запаса топлива - "сакин".^I

"Фарвор" - проходная комната пред канной. Там зимою в некоторых местах складывается топливо, спят иногда летом. Во многих местах соединяется с канна проходом без двери, в других имеет дверь.

Фарвор иногда помещается непосредственно пред выходной дверью, открывающейся наружу.

"Канна". Здесь спят зимою обитатели дома, не помеща-

^I На лето и для кур устраивается аккуратное небольшое помещение из камней, обмазанное глиной, сбоку пред входом в помещение.

ющиеся в мур. Здесь держится зимой вода. Здесь готовят хлеб, в то время, как топится мур, наполнив дымом дом до степени, непереносимой даже для ягнобцев. Здесь в морозы, если нет другого места, совершается омовение — "тахорат" и имеется соответствующее маленькое отделение. Тепло доходит сюда только из соседнего мура и других приспособлений обычно не имеется.

"Пистик" — кладовая. Пространство под пистыком для предохранения от мышей встречается не везде. Если низ тверд, (камень), то стенки "чора" возводятся прямо от пола. Имеются отделения: для ячменя, для гороха или гороховой или ячменной муки, для пшеницы.

Мясо, запасаемое на зиму, режется на куски и хранится в стоящем на полу пистыка деревянном сосуде — "согу", прикрытом сверху камнем.

"Михмон-хона" устраивается отдельно, но в недалеком расстоянии от дома.

Некоторые делают иногда две михмон-хоны; летнюю, более просторную, но и очень холодную, и зимнюю, меньшую, но более приспособленную к защите от холода (есть в Варсоуте и в Пулла-Рауте).

"Хуура" — иногда делается совершенно отдельно, с дверью наружу. Сюда помещают приезжающего родственника женщин, с которым те таким образом имеют возможность видаться. Сюда же уходит спать мужчина в случае приезда гостей-женщин, помещающихся у его жены. За недостатком места сюда помещают лишних гостей (из тех, кто поближе), не поместившихся в михмон-хоне.

"Кой" — помещение для скота, даже ближнее стараются не помещать рядом или в близкой тесной связи с жилым помещением из-за мышей, которые будто бы тогда разводятся в большом числе. Обычно помещают внизу, под домом, отчего он называется "подай таке кой" — помещение для скота под ногами.

В тех селениях Ягноба, которые удалены от леса, крыша в "кой" иногда делается из каменных плит — "тоба", кладущихся непосредственно на "дастак" — поперечные балки (без

ветвей на них).

Имеется также отдельный "тукли-кояк" - помещение для годовалых овец, еще не рожавших.

Над яслями, приблизительно на четверть над ними, идет на середину длинных ясель, отделенных каменной стеной (около 1/2 аршина высоты над полом с насыпанной на 1/4 арш.землею), длинная жердь - "охур-сара". Корм закладывается за нее, а между нею и верхним краем ясель остается столько пространства, что овца может просовывать голову. Пол состоит из грубых неотесанных плит, неровен.

У средняка Кору в с.Пулла-Роут скот стоит так: в ближнем кое: 2 дойных коровы и 15 дойных овец; в соседнем рун-кояке, соприкасающемся с данным отделением, стоят их ягнята, в третьем - 1 осел.

В дальнем-кое у него же: 2 вола, 1 бычок, 1 телка.

В другом ближнем кое у него же: 12 тузулли, 4 козы.

В общем всего скота (взрослого и подрастающего) - до 60 голов.

Если в дальних коях помещают овец, телят и пр., то в первом помещении, проходя через которое попадают к ним, обязательно помещают быков, которые защищают первых от проникновения волков.

(Папка № 7-а)

Сел.Пулла-Роут.24 августа 1927г.

Алау-хона в полном смысле этого слова, таковые, как встречаются в Каратегине, Гиссаре и Дарвазе, в Ягнобе имеются не везде. Здесь их заменяют михмон-хоны, которые имеются в ограниченном количестве в каждом селении. Михмон-хона имеется далеко не при всяком доме, а только у более зажиточных. В сел.Пулла-Роут, например, на 12 домов селения приходится только три михмон-хоны. Такие михмон-хоны заменяют клубы. В долгую ягнобскую зиму в них собирается и подолгу сидит, иногда до полночи, мужское население селения, проводя время в разговорах, иногда пении, причем обычно сидят не в одной михмон-хоне, а население одного какого-нибудь гузара тяготеет

больше к своей михмон-хоне, построенной соседом или родственником. Если же в селении появился посторонний человек, гость, остановившийся, естественно, в одной из михмон-хон, то все мужское население кишлака в этот вечер собирается в данную михмон-хону поглазеть на гостя - таков обычай.

Михмон-хона бывает в Ягнобе двух родов - или общественная, принадлежащая всему населению, собирающемуся в нее, где ее функции совершенно соответствуют каратегинским и дарвазским алау-хона, или частновладельческая, так, например, общественные - в селениях Ноумиткон, Чукат, Таги-Чанор, частновладельческие - Пулла-Роут, Бидив.

Имеются и переходные стадии. Например, в сел. Каши, состоящем из II домов, семь имеют свою общую михмон-хону, другие четыре имеют свою; каждые ремонтируют, содержат и поставляют топливо в свою. Считается, что это деление было вызвано тем, что в старое время это были две отдельные родственные группы. В настоящее время это деление поддерживается некоторой отдаленностью четырех домов от семи в самом расположении селения.

Подобный смешанный, переходный характер от алау-хона общественных к полуобщественным наблюдается в соседних Фальгаре и Матче.

Ягнобские михмон-хона настолько заменяют алау-хона, что в Ягнобе даже нет широко распространенного среди мусульман обычая, по которому странник может останавливаться в мечети. Он имеет полное право оставаться в михмон-хоне незнакомого ему человека, где и пользуется гостеприимством.

В долгие, очень холодные зимние ночи сидения в михмон-хоне, казалось бы, должен гореть костер для обогрева собравшихся и, вместе с тем, должно потребляться большое количество топлива, разорительное для хозяина дома; на самом деле это обстоятельство обходится тем, что, при ценности и трудности добытия топлива в Ягнобе, костер только для согревания обычно не зажигается, а стараются использовать для обогрева тепло, расходуемое для приготовления пищи. Поэтому и в михмон-хоне, несмотря на собрание, костра не жгут, а греются около него, пока кипятится вода для чая, потребляемого на этих собрани-

ях. Как только надобность миновала, сейчас же очаг прикрывается сверху - если жар велик и есть опасность, что одеяло, сшитое из бараньих и козьих шкур, при покрытии им подгорит, то тогда сверху предварительно кладут плоский камень - тоба, а потом покрывают одеялом из шкур - "пустак", под которое все подсовывают свои ноги или даже руки. Когда жар спадает, или и при закрытии не был слишком велик, то пустакom накрывают отверстие очага и без камня. При таком экономном расходовании топлива его обычно тратится сравнительно немного, но и здесь очень часто собирающиеся в михмон-хону приносят с собой некоторое количество топлива (кизяку, сухой травы и пр.). Для согревания дома посредством "сандали" огонь разводится в сутки только два раза: вечером, когда прогоревший костер греет своими остатками до утра, и утром, когда тепло должно действовать до вечера.

При собраниях в михмон-хоне, если нет приезжего гостя, когда каждый приходит есть и делиться пищей в михмон-хону, пищу едят все у себя дома. Часто многие остаются дома, и собрания бывают немногочисленны. В такие дни большей частью собираются в михмон-хоны холостяки, которые и остаются там ночевать. Ложатся спать кругом очага, протягивая к нему ноги и покрываясь общим одеялом, под которым идет по направлению от ног к голове тепло. Подстилкой служит войлок, лежащий на набросанной на землю соломе. Иногда случаются небольшие ожоги от неосторожного вытягивания ног к огню. Случаются и более сильные, если перевернут поставленный на огонь сосуд с водою.

При собраниях в михмон-хонах разговоры ведутся на злободневные темы, обсуждаются хозяйственные дела, слышанные новости. Иногда поют, шутят, смеются. Летом, при наступлении сельскохозяйственных работ, их роль прекращается, если народ и собирается, то реже, случайно и менее продолжительно. Как и алау-хона, это характерная черта зимнего времяпрепровождения.

К ОДЕЖДЕ

Сел.Пулла-Роут. 27 августа 1927 г.

Чалма мужская: "хорчак-сара", "халфия", "чапани"; женская: "уривак", "расми".

Чалма называется в Ягнобе обычным таджикским словом "салла". Большие же чалмы, носимые муллами или казиями, называются "дастор".

В Ягнобе и соседних таджикских странах насчитывают три способа ношения, наматывания чалмы:

1. Обыкновенный, распространенный способ, называемый "халкия". При этом спускается по плечу, начинаясь за левым ухом, длинный конец чалмы - "фаш", длиной около 5-6 вершков. Навернутая при этом способе чалма закрывает верхнюю часть ушей.

2. "Чапани", называемая иначе "назри бодом". Самое ее название "удальская", от слова "чапан" - удалец, молодец, франт - показывает, что она носится молодыми людьми, желающими франтить. Она навивается несколько более горизонтально, чем первая, и носится так, что не закрывает ушей. Конец (за левым ухом) оставляется коротким - вершка в два.

3. Чалма, носимая муллами, часто больших размеров - "дастор", по способу ее наворачивания и внешнему виду называется в просторечьи "хорчак-сара" - "головка гриба" (хорчак - белый съедобный гриб, вырастающий в Ягнобе весной; так же называется и в Матче). Длинный конец при ней, называемый "алока", завертывается кверху и затыкается в чалму, распускается только при намазе.

Летом чалма носится из бумажной материи - муллы употребляют на это привозную кисею - "дока", для красной чалмы идет соответствующего цвета ситец. Для чалм синих, серых и цвета "малла" (серовато-желтый, естественный цвет желтого туземного хлопка) ткнутся специальные куски, вырабатывающиеся в равнинах Туркестана и Бухары (главным образом Самарканд, Бухара и Гиссар). Зимой во время морозов все предпочитают носить домотканную чалму "шамали", которая ткнется в Ягнобе

III

пополам из шерсти с хлопком (основа из хлопка, а уток - "пуд" - из шерсти). При ношении чалмы наблюдается разница и в цвете материи.

Белые чалмы носят преимущественно старики, муллы и иногда более важные лица. Серые, голубые и цвета малла носят преимущественно лица среднего возраста, красные - юноши, молодые люди.

Следует, однако, отметить, что чалма летом в Ягнобе носится мало, и большей частью обычно люди ходят только в тубетейках.

Тубетейки в Ягнобе не шьются, хотя и составляют обязательную принадлежность каждой ягнобской мужской головы, начиная с младенчества, тем не менее все они покупные, привозные из Ура-Тюбе, Гиссара, Самарканда и других мест и, в силу этого, представляют собою значительное разнообразие по типу и характеру исполнения. Все привозимые тубетейки неизменно дешевые, дорогих в Ягноб не привозят.

Это все, из чего состоит головной убор мужчины-ягнобца. Только в редких случаях в некоторых домах носят еще меховую шапку - "телпак", шьющуюся самодельно или привозимую из равнины.

Рубашка. Помимо головного убора, обычная одежда ягнобца-мужчины состоит из рубашки - "кърта", надеваемой непосредственно на голое тело, шьющейся из белой или цветной материи, или из бумажной материи собственного производства - "карбос" или ситцев и тика русской выделки.

Ворот у рубашки имеет горизонтальный разрез от плеча к плечу (доходя приблизительно до середины плеча), с очень небольшим вырезом для шеи спереди и сзади. В более нарядных рубашках ворот обшивается тесьмой-шнурком, называемым, как и в равнинах, "чиак", в рубашках же, шьющихся из домотканной материи, бязи, ворот часто обшивается полоской из цветного ситца или тика, что называется "магзи". Иногда, на бухарский лад, в концах разреза ворота, приходящихся, как сказано, на середину плеча, делаются (немного не доходя до конца разреза) завязочки, называемые "кимарча" - заменяющие пуговицы,

иногда встречающиеся в таких воротах и на женских рубашках.

В основном современная ягнобская рубашка по покрою подходит на русскую. Даже длина ее, часто вершка на 2-4 выше колен, встречающаяся у более молодых, приближается к длине русской рубашки. У более пожилых, у мулл и у ребятишек рубашка делается более длинной, иногда даже несколько длиннее колен, что считается более выгодным в смысле тепла.

Рубашка "курта" заменяется иногда коротким халатиком "якта". Якта шьется из тех же материй, что и рубашка, и для обычных ягнобцев совершенно ее заменяет, надеваясь без рубашки на голое тело. Якта носят на голом теле более бедные люди, не имеющие одеял и вынужденные спать прямо на войлоке, прикрываясь одеялом из овечьих или козлиных шкур - "пустак". Спят таким образом обычно холостые или одинокие люди, которые носят якта. Они не раздеваются, как женатые и более зажиточные ягнобцы, имеющие одеяла - "курпа" и рубашки - "курта" (такие богатые ягнобцы ложатся спать голыми), а ложатся спать в той же одежде, в которой ходили и днем, только ложась спать вытягивают руки из рукавов халатика (не снимая в то же время и верхней одежды - "чапон"), снимая только штаны и оголяя ноги.

Те, кто имеет якта, обычно не носят рубашки и наоборот. Только очень богатые люди позволяют себе роскошь надевать рубашку и, поверх ее, якта.

Штаны. У ягнобцев нет отдельно верхних и исподних штанов, и их штаны, называемые "пойчума",^I являются в то же время заменяющими нижнее белье, так как надеваются на голое тело. Форма штанов такая же, как и на равнинах. Ягнобцы только жалуются, что их женщины не умеют так хорошо шить, как в городах, и что поэтому покрой выходит гораздо хуже. Пойджума шьется из такой же материи, как и рубашка. Верхний рубец, по

^I "Пойчума" в соседних таджикских странах называется "эзор", в отличие от женских штанов, называемых "пойчома". Это название передалось вместе с формой таких штанов англичанам, применившим их для мужского спального костюма, и в форме "пижама" стало известным в Европе, в том числе и в России.

которому ходит шнурок, называется "нифа", самый шнурок особого названия не имеет, называется просто "пойджума вантш". Длиной штаны делаются по щиколотку - "бууул".

Зимой при наступлении больших морозов надевают "рагза" - толстые штаны из грубого домотканного сукна, обычно черного или бежевого цвета. Покрой у них такой же, как и у пойджума, с той только разницей, что они делаются немного покороче и значительно шире. Помимо зимы их носят и летом для полевых работ, где пойджума могут легко рваться. Пойджума носят во внутрь сапог, причем портянки наматываются поверх их, рагза же спускается поверх сапог.

Халаты. "Чапон" - стеганный халат, шьющийся из цветной хлопчатобумажной материи, на вате, надевается на рубашку или халат. Чапон, который покупают и приносят в Ягноб из тех мест, куда ходят ягнобцы на заработки, бывает довольно разнообразного характера и больше всего отражает вкусы Гиссара, Бухары, Самарканда, куда главным образом ходят ягнобцы, скупающие для себя там обычно старые халаты. Только изредка теперь, с улучшением некоторого благосостояния Ягноба, за самые последние годы, можно встретить новые, сшитые в самом Ягнобе по бухарским или самаркандским образцам из более или менее таких же ситцев или других материй с реденькой подкладкой из местной бумажной ткани.

При посещении нами Ягноба впервые в 1924 г. костюмы ягнобцев были таковы, что мы во всем Ягнобе не встретили ни одного нового халата. Даже халаты, хотя и поношенные, но без заплаток, были большой редкостью.

Бедные люди носят только один чапан, часто рваный и заплатанный до невозможности, вплоть до того, что иногда только с трудом можно отличить основную материю от разнообразных заплаток. Более зажиточные надевают один на другой два или даже три халата. В таком случае нижний подпоясывается поясом из бумажной материи.

"Борони" - так называется обычный горнотаджикский шерстяной халат, шьющийся из домотканной материи - "рагза". Следует, однако, отметить, что как производство самой мате-

рии, так и шитье халата в Ягнобе значительно уступает выделке припамирских стран и даже Каратегина, хотя считается все же лучше, чем в соседних Матче и Фальгаре.

Пояс - "бидованка" (соотв. тадж. "миёнбанд") - делается у бедных большей частью из бумажной материи местной кустарной выделки или гладкой белой бязи, называемой "шивина" (таджикское "карбос") или с цветными полосками - "катак". Это прямая полоса довольно узкой материи приблизительно на один аршин длиннее обхвата талии для того, чтобы завязывать на животе концы. Как обычно в Средней Азии, никакой пряжки при этом не имеется. У богатых вместо пояса служат большие бумажные платки, повязываемые иногда в количестве двух или трех штук кругом талии. В складки пояса завертываются часто мелкие предметы, которые желают иметь под рукой (лепешка хлеба для еды в пути и пр.). Деньги, впрочем, из осторожности прячут скорее в карман - "бузунт" в халате или в "акта".

Портянки - "бидовин" - всегда делают из довольно толстой шерстяной узкой (около 4-5 вершков) материи собственного домашнего производства. Длина портянки I I/2-2 I/2 аршина. Портянка наворачивается на ногу спирально, начиная с пальцев ноги. У верхнего конца, приходящегося под колено, скошенного для удобства остроконечно, имеется шерстяная веревочка для окончательного завязывания.

Обувь ягнобцев бывает двух родов:

I. "Чорук-муза" - туземные сапоги с высокими голенищами, доходящими почти до колен. Кожа подошвы, поднимаясь слегка с боков и несколько более (остроконечным выступом) на носке и сзади, немного обхватывает снизу ступню.

Обувь настолько, по-видимому, сидит свободно на ноге ягнобцев, что в случае, если селение нанимает постоянного пастуха, последний не только по очереди получает пищу то в том, то в другом доме селения, но хозяин очередного дома дает ему надевать и свои сапоги.

Голенище шьется из довольно мягкой кожи и, хотя довольно узкое (позволяющее все же наворачивать толстую портянку), не натирает ноги. Сапоги этого рода, главным обра-

зом, привозятся готовые с равнин (часто приобретааясь ради дешевизны уже поношенными на базарах тех городов, куда ходят ягнобцы). Только редко покупают новые или, еще реже, шьют в Ягнобе из кожи, привезенной из равнин. Названия отдельных частей: голенище с прилегающими к подошве его частями называется "соџ" (ср. соџ - название верхней части чулка в припамирских странах), подошва - "так", пятка в сапоге - "пашна", обсоюзка (полоска кожи, идущая кругом ступни, отходя от подошвы) - "гирди".

2. "Хомна" - род самодельной кожаной обуви, напоминающей несколько по внешнему виду то, что называется в русском простонародье опорками, шьющейся из одного куска домашней выделки кожи быка или коровы (выходит 4 пары из одной кожи). Шов при этом идет только один, начинаясь от верхнего заднего края короткого голенища, проходит, спускаясь вниз, к пятке и, затем, продолжая идти по середине подошвы, заканчивается, завернув по середине носка кверху и дойдя до середины подъема. Голенища невысокие, достигающие едва до середины икры. Для того, чтобы они не сваливались, их перевязывают, обычно, в двух местах шерстяными завязками "хомна-ванка".

(Папка № 7-а, стр. 124-132)

К питанию

Сел. Сархади-Куль.

Главным продуктом питания является ячменная мука, идущая приблизительно в количестве 22-24 пудов в год на взрослого человека. Пшеничная мука употребляется в незначительном количестве в Куле, но в некоторых других местах, например, в с. Гармейн, пшеницу сеют больше.

Сообщ. Мулло Ниёза. Ташкент. 3 января 1928 г.

Большинство жителей Ягноба питается ячменным хлебом, пшеничный же является роскошью. Его едят в месяц Рамазон или в страдную пору по утрам, захватывая с собой на работу, чтобы иметь больше силы, так как он считается питательнее ячменного.

В Пулла-Роуте мне говорили (и следует считать, что это так и есть), что в среднем на одного человека в год идет 22 пуда муки - главным образом, ячменной, и только немного пшеничной.

Количество высеваемого зерна на одного
хозяина в среднем в пудах

	Кул	Дахана	Фармейн	Пулла-Роут
Пшеница	3	5	6	6-10
Ячмень поливной	8 } 16	4 } 8	8 } 20	6-16
" под дождь	8 }	4 }	12 }	
Горох	3-4	2	4	6
	22	15	30	18-26

В среднем семья потребляет в год около 40 ослиных вьюков муки, т.е. около (40 x 4) - 160 пудов муки.

Кроме того, убивается один бык или корова. В Пулла-Роуте мне говорили, что бедные семьи убивают быка или корову пополам и что одну скотину на семью колят только более зажиточные, которые иногда прибавляют еще 1 барана.

Убивают при наступлении зимней чилли.

Рис привозят только зажиточные. В среднем около 4 пудов на дом на богатых. Бедные не едят.

Горох - около 16 пудов на семью в год. Употребляется главным образом в виде муки, частью же парят в зернах (на воде).

Молочные продукты. В свежем виде обычно зимой молоко очень скудно. Овечьё молоко [бывает] только 5 месяцев в году (летом).

Ягнобы уверяли, что при наличии двух коров и 20 овец масла на зиму набирают более пуда и около 1-2 пудов сыра.

(Папка № 7-а, стр. 5)

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И ОБЫЧАИК свадьбе

Разговор с Мулло Ниёзом (из сел.
Маргтумайн). 3 января 1928 г.
Ташкент.

Обычай непропускания вена. Отсутствие его в Ягнобе.

По поводу полученного письма А.Л.Троицкой, где она пишет:

"... Мне в Искандере встретился такой обычай: когда кадым несут в дом невесты, то пришедших собравшиеся бабы и мужчины не пускают, происходит прямо сражение. Под конец несколько смельчаков влезают через дымовое отверстие в дом, не смотря на предупредительно разведенный огонь в очаге. Когда они влезут, то отпирают двери, впускают остальных, женщины их поливают жидким тестом. В конце концов приходит "князь" с непокрытой головой, несет он бухчу для невесты. Ему попадает больше всего. Этот обычай носит даже специальное название, сейчас не помню уже какое. Потом у ног невесты, когда она входит в дом жениха, режут козленка и она должна пройти по крови (там же и, кажется, в Матче).

Теперь по поводу похорон. Не встречался ли Вам обычай "давра" — он распространен в Матче, Фальгаре, как будто в Искандере. Какого вида саван? В Искандере, кроме детей, он состоит из нескольких частей".

В Ягнобе такого обычая или его следов не существует, по крайней мере экспедиции во время ее работ он не встречался, как нет его и в верхних таджикских селениях Ягноба. Начинаясь он, надо полагать, только в сел. Ворсоут, где этот обычай имеется. Очевидец-ягнобец рассказывал, что он сам видел, как собравшиеся женщины и мужчины, с палками в руках, окружают жилище невесты, чтобы не пропустить туда вена, точнее маленькой его части, которую старается внести партия жениха. Жилище караулят самым серьезным манером, стараясь не

просмотреть подстерегающего издали гонца жениха, который, улучив удобный момент, когда "стража" зазеваается или спускается для очередной еды, бросается к дому невесты и старается забросить во внутрь небольшое количество муки или ячменя, завязанного в платок (символизирует расходы на угощение или, может, как древняя ценность при уплате за невесту) и заготовленную материю для костюма невесты. Так как двери в дом охраняются сильнее, то проникнуть туда через двери нет возможности. Единственным местом, составляющим предмет вожделений, является поэтому дымовое отверстие в крыше, называемое в Варсоуте и ниже "ручок". Время, предназначенное для этого обычая, — день свадьбы, начиная с восхода солнца. Только после того, когда пакет с мукой и материей заброшен в дымовое отверстие, вечером в этот день совершается свадьба. Бывали случаи, что охрана бывала настолько сильна и удачна, что все попытки отбивались, и тогда свадьбу приходилось с назначенного дня откладывать на следующий. При этом введении вена в дом вовсе не требуется, чтобы это было сделано открыто, с заведомым приближением несущего на глазах у всех. Допускаются и военные хитрости. Можно, например, это поручить человеку, которого не будут остерегаться караулящие, на которого нет подозрений, и такой человек, скрыв пакет под своим халатом, может пробраться или в дверь или к дымовому отверстию. Но это все же очень трудно. Стража смотрит зорко, к подходящим относятся недоверчиво, и горе тому носителю, если он попадется раньше, чем исполнит задачу: бьют нещадно. Как только частица вена внесена, попала в отверстие, то всякое враждебное отношение кончается.

В силу этого прибегают большей частью к неожиданному набегу, при неудаче повторяющемуся иногда несколько раз. Выбранный смельчак подкарауливает момент и старается подбежать к дому и дымовому отверстию, несмотря на сыплющиеся со всех сторон самые серьезные удары, часто с окровавленной головой, покрытый ссадинами. Если попытки сделать это пешком неудачны, то тогда посланный садится на лошадь и старается быстро подскочить к дому, раньше, чем сбежится разошедшаяся охрана, чтобы спрыгнуть с лошади на крышу и подбежать к дымовому отверстию.

Сел. Сархади-Куль. 6 августа 1927г.

По словам одного ягнобца, откровенно говорившего со мною, большого пуризма в нравах не наблюдается, и случаи супружеской измены бывают. Характерно для нравов, что к убийствам на почве ревности это не ведёт. В старые годы на виновника нарушения супружеского спокойствия налагался штраф. В настоящее время и этого нет. И даже жена подвергается за измену побоям только в том случае, если это не будет подвергнуто огласке.

Ложась спать, и мужчины и женщины раздеваются совершенно и спят под одеялами без одежды, как это в обычае и во многих горных странах среди таджиков. ^I

Мужеложество, выражавшееся на равнинах в склонности к бачабозству, в Ягнобе почти совершенно, по-видимому, не распространено, что объясняется, вероятно, строем ягнобской жизни. В небольших селениях при постоянной сельской работе не до этого. Но тем не менее, когда условия благоприятствовали, ягнобцы, видимо, поддавались моде и соблазну. Сравнительно недавно, как говорили, прекратились поездки из Фальгара в Ягноб бачей.

По-видимому, в старину существовал обычай меняться иногда при склонности обеих сторон женами, причем согласия самих жен на этот обмен не требовалось. Это сохранилось еще и практикуется иногда, хотя и редко, до сих пор. Вено при этом не возвращается, так как женщины считаются равноценными.

^I См., например, М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I, Сталинабад, 1953, стр.

Случаи приплаты с чьей-либо стороны также неизвестны. При этом при обоюдном согласии супругов совершается развод - "та-лоқ" и брачный обряд по шариату - "никоҳ". "Туй" - свадьба с церемониями - также совершается, причем иногда происходит одновременно и, для экономии, вместе. В последнем случае режется только один баран, тогда как при отдельной свадьбе расходуется один баран на каждую свадьбу. Весной, три месяца тому назад, такой случай обмена женами был в сел. Нискон, но свадьба происходила не одновременно. Если у жен имелись при этом дети, то последние оставались при первом муже - жена уходила к другому мужу, оставив своих детей.

(Папка № 7-а, стр. 35-36)

Родство

Запись со слов Мулло-Нийёза. 9 мая 1928 г.
Ташкент.

Родственные связи в Ягнобе до того распространены, что обычно большинство населения в том или другом ягнобском селении считаются родственниками тому или другому члену этого селения.

Родство считается у ягнобцев до седьмого колена - "аф пушт", до семи степеней. Первая - родные братья и сестры, вторая - "набера" - внук, внучка, третья - "ебир" - правнук. Ниже правнука особых названий не имеется. Помимо слова "хеш" (как уверяли разговаривавшие со мной ягнобцы) для обозначения отдаленных степеней родства (а иногда даже и близких) другого слова не имеется. Брак между внуками братьев и сестер уже разрешается.

Только после седьмого колена люди считаются посторонними в отношении друг друга. До этого они родные - "хэш". Такое родство в настоящее время в юридическом отношении сказывается главным образом в вопросах наследства, так как брачный запрет среди родственников ограничивается только ближайшими степенями, указанными выше, и на более дальнее родство не распространяется.

(Папка № 7-а, стр. 168 и 170)

Термины родства

Запись со слов Мулло Ниёза (из сел. Маргтумаин). Ташкент. II мая 1928 г.

Отец - "додо". Так же и при обращении детей к отцу; другого термина обращения нет. У таджиков это слово тоже сохранилось, но только в обращении детей к отцу (в других случаях - тадж. "падар").

Мать - "оча". Этим словом называют дети свою мать при упоминании и при обращении. Среди многих таджиков (например, в Гиссаре) это слово сохранилось в обращении детей к матери, в некоторых же местах так называют среди таджиков бабушку.

Сын - "жўта".

Дочь - "райк".

Дед - "боби" (среди таджиков "бобо", ванджск. "боби"). Так называется дед и по отцу и по матери.

Внук, внучка - "небёра" (как и среди таджиков), "нипайшин", "нипейшин".

Правнук, правнучка - "ебир" (есть и среди таджиков).

Дядя по отцу - "амак". Так называют иногда в разговоре и постороннего, как в говоре русского простонародья "дядя". Слово "амак" употребляется и для обозначения отчима.

Дядя по матери - "холак".

Двоюродный брат по отцу - "амаки жўта".

Двоюродный брат по матери - "холаки жўта".

Двоюродная сестра по отцу - "амаки райк".

Двоюродная сестра по матери - "холаки райк".

Брат вообще, а также специально младший брат - "вирут", "ви-род". В разговоре этим словом называют также иногда и посторонних при обращении к ним.

Старший брат - "ако" (с тюркск.). Иногда так при обращении называют и посторонних.

Сестра вообще, а также специально младшая сестра - "хуор".

Старшая сестра - "аппа" (с тюркск.).

Тесть - "хусур". При обращении зять этим словом тестя не называет, а употребляет слово "холак" (дядя по матери).

Теща - "хушдоман", "хола".

Брат жены - "додар-арус". При обращении этим словом не называют, а говорят (как с посторонним человеком), называя по имени.

Сестра жены - "кайсингил". При обращении называют и этим словом, а также употребляют слово "хуор".

Муж сестры - родной, а также двоюродной, муж племянницы, тетки - "язна". Так соответствующее по положению лицо называет его при упоминании и в глаза (так же и в таджикском).

Жена всех родственников - брата, дяди, двоюродных братьев, племянников - "янга" (с тюркск.).

Свояк (муж сестры жены) - "боѳа". Так называют свояки друг друга и в глаза (то же и в таджикском).

Невестка, жена сына - "келин" (с тюркск.). Так называют и при обращении.

Свекор - "хусур". Невестка при обращении к свекру называет его "холак" (дядя по матери).

Свекровь - "хушдоман". Невестка называет свою свекровь "хола" (тетка по матери).

Брат мужа, деверь - "севир". В глаза, однако, жена брата называет своего деверя "ако" (старший брат).

Тетка по отцу - "амма". Так к ней и обращаются племянники и племянницы. Иногда (довольно часто) этим словом, как и среди других народов, называют и постороннюю женщину, желая быть с ней вежливым.

Тетка по матери - х́ола. Так же из вежливости называют и посторонних.

Мачеха - "моиндар" (тадж.), "х́ола". При обращении пасынок и

падчерицы называют ее "хóла".

Отчим - "амак". Так называют отчима вообще, а также и при обращении к нему пасынка или падчерицы.

Жены одного мужа по отношению друг к другу - "пинонч" (тадж. "индош", "палонч"). Дети называют словом "оча" и свою мать и ее пинонч, хотя очень часто бывает, что при обращении к последней дети другой жены ей говорят "хóла".

(Папка № 7-а, стр. I7I-I73)

Побратимство

Запись со слов Мулло Ниёза (из сел. Маргтумаин). Ташкент. 14 апреля 1928 г.

Интересным является наличие побратимства, свойственного также и остальным таджикам. Очень подружившиеся юноши, мужчины, решают считать друг друга на положении брата - "баҷое виро́т". Особым обрядом это не сопровождается и ограничивается именем, например, заверения: "Ту тим и - виро́тим тим и". "И ты и мой брат одно (и то же)". Другой чаще всего отвечает простым согласием. После этого такие лица являются в отношении друга друга "додар-хон" (названные братья). Они должны приходить один другому на помощь в затруднительных случаях, подобно очень близким людям. Такое побратимство заключается только между мужчинами и в посестримство между женщинами, по видимому, не переходит. Но между мужчиной и женщиной оно все еще существует, и при общении в селении между собой мужчин и женщин (последние от мужчин своего селения не закрываются)^I

^I Следует отметить, что женщины Ягноба вообще не применяют покрывала для закрытия своего лица и ходят с открытыми лицами, но от лиц другого пола они все же прячутся. При жителях своего селения женщины ходят, не стесняясь, и с ними разговаривают. От жителей прочих селений Ягноба они не закрываются, но разговаривать с незнакомыми людьми обычно не решаются, хотя бы это были и ягнобцы. От жителей других стран ягноб-
(продолж.сноски см. на след.стр.)

довольно часты случаи, когда по добровольному между собою соглашению подружившиеся между собою девушка или юноша, или даже очень иногда пожилые люди, начинают себя называть нареченными братом и сестрой ("аппа-хон", "додар-хон"). Если женщина старше, то "брат" называет ее "аппа" - (старшая сестра), а она его "вирид" - (младший брат). Если же наоборот, то названный брат называет ее "хор" - ("младшая сестра"), а она его - "ако" (старший брат).

Считается большим грехом и недопустимым явлением, если бы дружественные отношения переходили бы при этом в половую связь. Побратим должен относиться к своей названной сестре только как к действительной сестре и должен изгонять всякие нехорошие - "қалб" - "фальшивые" мысли из своей головы. Если, однако, в крайнем случае грех произошел, то человек перестает называть данную женщину своей "сестрой", так как это было бы величайшим преступлением, кровосмешением, за которое не было бы прощения ни на этом, ни на том свете. Точно так же он избегает, говоря о ней или с ней, называть ее и по имени (подобно тому, как это избегает делать и муж). В таких случаях любовник называет женщину или по ее отцу - "дочь такого-то" или по мужу - "жена такого".

(Папка № 7-а, стр. I66-I67)

Наречение имени

Сел. Кули-Боло. 20 июля 1927 г.

Имя дается ребенку по прошествии после рождения трех дней на четвертый. Имя при этом дается не родителями ребенка, а призванным последними пожилым человеком или стариком, выбранным среди соседей. Пред этим обязательно читается над

(Продолжение сноски на стр. I23)

ки прячутся и стараются не быть увиденными, хотя это не одинаково. Например, те же женщины, при виде прибывшего в селение фальгарца, продающего привозимые им из Фальгара фрукты, охотно выходят к нему и вступают в торговлю и переговоры.

ребенком троекратно "азон" – обычный призыв к молитве. Имя новорожденного выбирает все же, применяясь к желанию отца и матери. Как и повсюду, здесь имеются иногда некоторые наводящие на выбор обстоятельства. Ребенок, родившийся в пятницу, часто получает имя Чумъа, иногда Одина, родившийся в праздник Курбан (жертвоприношения) – Курбон, в месяц Рамазан – Рамазони, в месяц Мухаррам – Мухаррам (последнее имя обычно выговаривается Махрам). Это имена главным образом мужские, хотя Одина и Курбон употребляются и для девочек. Имеется также иногда обыкновение в случае смерти отца давать ребенку, по желанию матери, имя умершего. Также дается имя умершего деда, девочкам – бабушки или умершей матери, если последняя умерла после родов. Как и среди прочих народностей Средней Азии считается, что вместе с именем ребенок подвергается особому попечению духа умершего, в честь которого ему дано имя – остатки прежнего верования, согласно которому в ребенка вселялась душа этого человека. С этим представлением связана необходимость особого уважения к ребенку со стороны тех, которые при жизни покойного должны были его почитать и уважать. С ребенком, носящим имя деда – отца своего отца, отец не может поэтому обращаться грубо или наказывать, так как это было бы равносильно оскорблению покойного. В силу данного положения некоторые родители отказываются иногда давать ребенку имя почитаемого ими умершего, мотивируя тем, что по горячности своего характера они не смогут потом при детских шалостях оказывать должным образом соответствующее уважение.

Если дети в доме умирают, то мальчику дается имя Боки – "пусть останется". Чтобы избежать смерти новорожденного, ему дают также имя Назрулло. Как записала Е.М.Пещерева, имя Сангин дается, чтобы ребенок был крепок, как камень, обладал хорошим здоровьем и твердым, "каменным" характером. Имена Сангак, Теша, Болту и Табар даются, если при рождении пуповину перерезали камнем, тешой, топором.

Образцы женских имен

Нур-биби, Давлат-джон, Давлат-мо, Науруз-джон (родилась в дни праздника Науруз), Саид-мо, Сайд-биби, Соджда (на равнинах Соджида), Хол-биби, Одим-биби, Одина-джон (родилась в пятницу).

Образцы мужских имен

Мирзо Сафар (родился в месяце сафаре), Саадулло, Ҳасан, Дуст Махмад, Бобо-ёр (родился в доме деда; мать отправлялась туда на роды), Махмад-ёр, Давлат, Шариф, Карим, Мирзо, Собир.

Характерно при этом, что слов ягнобского языка для имен не употребляют. Последние применяются иногда только для кличек, прозвищ. Вот образцы последних:

Малахак - мотылек, кобылка. Назван так за живость характера. Собств. имя - Джумъа.

Нозири-Калтуфсар - Нозир с головой мячиком ("калтуф", - мячик из шерсти).

Нури-Сипасар - Нур с головой горшком.¹

Лула-Азиз - Толстый Азиз.

Рамазони-Ўурра - Обмачивающийся Рамазони (?).

Нур Махмад-Таралла - Тру-ля-ля. Назван так потому, что повторял, припевая, "таралла".

Унус-Лаккон - Юнус с подергиванием, назван так за нервное подергивание в глазах.

Акрам-хопизи-Лапчок - Акрам-певец с разорванной губой; назван так то, что при разговоре в волнении иногда у него вылетает из рта слюна.

Хоркаши-Таккон - Подергивающийся Хоркаш (имя "Хоркаш" - переносчик колючего кустарника - употребительно и в Ягнобе, и в соседних таджикских странах).

Рамазони-Васак - Рамазони-Чучело. Словом "васак" называют чучело теленка, которое подносят к корове при доении. Назван так за свои короткие ноги и толщину.

(Папка № 7-а, стр. 70-73)

Сообщ. Мулло-Низза. 14 апреля

1928 г. Ташкент

Как у многих народов Средней Азии, в том числе и таджиков

¹ "Сипа" - горшочек, поставленный под колыбель ребенка.

жиков, среди ягнобцев и муж и жена не называют в глаза друг друга по имени, но заочно, если кто-либо спрашивает у одного из них имя другого, то спрашиваемый свободно его называет. "Табу" в этом отношении не распространяется. Муж, зовя жену, кричит обычно ей: "Зайф!" или "Айюл!" - женщина. Очень часто в виде ласкового обращения супруги зовут друг друга, употребляя слово "пуллот" (по существу мн.число от "пулла" - ребенок), приблизительно в значении "деточка". Помимо употребления между супругами это слово в данном смысле в отношении других не применяется. Помимо последнего слова, жена мужа, если нет детей, больше никак не называет. Только если муж находится в одном помещении или неподалеку, то жена, обращаясь к нему, говорит "ой" (эй), как равно это делает и муж - без прибавления имени. Если же родился ребенок, то именование друг друга словом "пуллот" большею частью прекращается, и муж и жена называют друг друга, употребляя имя ребенка: "Отец Худоёра" - "Худоёре додо", - говорит жена, называя мужа. "Мать Худоёра" - "Худоёре оча" - называет муж свою жену, если ребенку дали, например, имя Худоёр.

Табу имени распространяется и на отношения к тестю и теще и к свекру и свекрови. Муж, естественно, не называющий по имени своего родного отца и мать, точно также не называет по имени в глаза (при обращении) и тестя и тещу, употребляя для первого слова "холак" (дядя по матери), для тещи - "хола" (тетка по матери). Точно также этими же именами называет и жена своих свекра и свекровь. В свою очередь последние называют свою сноху "чууам" - мой ребенок (букв. мой цыпленок) или "райкам" - моя дочь. В некоторых случаях, ласкательно, слово "чууа" применяют родители и к своему собственному ребенку: "Додое чууат" - "Ребенок твоего отца", говорит отец сыну, "Детеныш (ребенок) твоей матери" - обращается к ребенку мать.

По отношению к другим степеням родства табу на имя в настоящее время настолько ослабело, что воздержание наблюдается в более слабой степени. Родного дядю или тетку, например, племянник или племянница называют словом "амак" (дядя по отцу), "хола" (тетка по матери), но рядом с этим прибавляют

иногда и имя: "Ахмад-амак" - "дядюшка Ахмад", "Науруз-җон-хола" - "Тетушка Науруз-джон".

(Папка № 7-а, стр.165-166)

Смерть, похороны

Сел.Кули-Боло. 25 июля 1927 г.

Агония. Как повсюду среди мусульманских народностей Средней Азии, в Ягнобе, в случае, если человек умирает, при наступлении агонии в рот умирающему капают воду, делая это или нажиманием ваты, намоченной в воде, или капая из ложечки.¹ Как и в других местах, здесь считают, что в это время умирающий очень мучится жаждой, и что если не капать в это время ему в рот воды, то этим обстоятельством может воспользоваться дьявол, который пытается соблазнить умирающего признать его власть за утоление жажды предлагаемой дьяволом водой. Пред умирающим, в виде отходной молитвы, читают три раза мусульманский символ веры - "калимаи шаҳодат". Как только человек умер, то тотчас же спешат подвязать ему подбородок - "манаҳ" для того, чтобы не отвисала нижняя челюсть. По отзывам некоторых, это делается для того, чтобы покойник не имел безобразного, отталкивающего вида и не пугал бы своим видом обмывающих его. По окоченении тела перед обмыванием подбородок развязывается.

(Папка № 7-а, стр.74)

Душа. Считается, по исламизированному представлению, что душа помещается в голове. Азраил, когда приходит взять душу, схватывает концы 366 жил, артерий - "раг", имеющих в человеке, и дергает их три раза. Первый раз жизнь в теле отмирает до колен, когда он снова дергает, вытаскивая жизнь, тело умирает до пояса, и в третий раз душа, а с ней жизнь выходит через верхушку головы.

(Папка № 7-а, стр.91)

¹ Проверить, в какой степени это основано на требованиях мусульманских предписаний.

Душа представляется вылетающей в виде воробья. Души предков посещают свои дома два раза в неделю: вечером накануне пятницы и накануне понедельника. В особенности же духи предков посещают свои дома вечером в канун Нового года, желая получить молитву за себя.

Считается, что если при крике муэззина на вечерний намаз не прочесть в эти дни в доме фоти́ха, то духи предков в отчаянии, хлопнув в ладоши, удаляются из своего дома. При правильном же образе жизни своих потомков они остаются в доме, наблюдая, что там творится по четвергам и воскресеньям вечером в промежуток от намаза "дигар" до последнего намаза "хуфтан". Поэтому вечером в эти дни в доме все стараются вести себя благопристойно, избегать ссор, брани. Плачущих детей старшие останавливают, говоря, что если духи предков услышат, то останутся недовольны. Если в доме есть какой-нибудь сирота, его стараются в особенности не обижать и не наказывать (духи его родителей могут в это время увидеть). После хуфтана духи должны удалиться из дома. Поэтому после крика муэззина, призывающего на намаз, находящиеся в доме взрослые люди, читая после азана фоти́ху, прочитывают подряд 12 раз короткую молитву на арабском языке:

اللهم صل الله سيدنا محمد وآله

Это прочтение молитвы, называемое "саловот", считается богатством духов, средством для обеспечения покоя и при возвращении их в свои вечные жилища, так как на них после хуфтана нападают на обратном пути духи-грабители, отбирая от них добрые дела и приношения потомков. Поэтому (как и простым смертным в жизни) им важно торопиться уходить до хуфтана, так как потом дороги становятся небезопасными.

Духи-грабители, называемые "кара́чи" и грабящие по дороге покойников, являются душами незаконнорожденных детей или их потомков, и их место в промежуточной стадии между адом и раем, называемой "аро́ф"; молитвы и жертвы в честь умерших не достигают их, и поэтому они грабят души, возвращающиеся с полученными молитвами и жертвоприношениями, и успокаивают

себя чужими, отбирая их насильно у собственников.

Если душа покойника, не оставившего после себя потомства, которое за него молилось бы, посещает свой дом и видит его заброшенным, разрушенным, она тогда отправляется в мечеть и там старается подобрать молитву за покойников, проносимую имамом и подкрепляемую фотихой присутствующих. Души от этого чувствуют облегчение, успокаиваются и возвращаются в свои могилы.

Это воззрение, имеющееся и среди окрестных таджиков, вылилось в следующем четверостишии, распространенном среди населения:

روح آنکس که بی پسر گردد
 هر شب جمعه در به در گردد
 از در خانه ها نشود نومید
 سوی مسجد رود به صد امید

"Дух того человека, который останется без сына, Ходит от двери к двери всю пятничную ночь. (Когда) теряет надежду на дома, Отправляется к мечети с сотней надежд".

(Папка № 7-а, стр. 90-91)

Сел. Кули Боло. 25 июля 1927 г.

Оплакивание начинается со стороны присутствующих родственников тотчас же после смерти покойника. Оплакивают и мужчины и женщины, но делают это отдельно. Мужчина при оплакивании днем обыкновенно берет палку - "тиёк", и плачет, стоя перед домом и опираясь на нее. Женщины при оплакивании палок не употребляют. В соседней Матче, однако, это делают также и женщины.

Причитывание бывает на ягнобском или на таджикском языке, большей частью скорее на последнем. Если происходит оплакивание мужем умершей жены или, наоборот, женой умершего мужа, то покойник называется "хонам" (мой дом): "эй хонам, вой хонам!" Если отец, то просто — "вой, падар" или "вой до-дом" (увы, отец).

Например: Ту атири, ман ку шом, вой, додом.

Кáтим холи акуни, вой, додом.

Ман тау-пе зиндаим, вой, додом.

Додо-чоним, вой, додом...

"Ты ушел (а), я куда пойду, ох, батюшка?

Ты сделал пустым мой дом, ох, батюшка.

Я тобою живу, ох, батюшка.

Душа моя, батюшка, ох, батюшка".

и т.д.

Любопытно, что в причитаниях от времени до времени проявляется пожелание, обращенное к покойнику: "Сафар муборак бод". — "Да будет благословен твой путь".

Помимо подобного простого причитывания никаких марсия в Ягнобе не сочиняют.

Оплакивание мужчинами производится только в день смерти покойного. Женщины продолжают еще оплакивать на пятый день, когда устраиваются поминки, а также иногда, но не обязательно, и при поминках по покойнику на тридцатый день.

Кроме того, как и в других местах, женщины оплакивают, когда приходит навестить какая-нибудь далеко живущая родственница, не попавшая раньше на похороны или поминки.

Помощь родичей. Как только человек скончался, соседи собираются на помощь. Тотчас же отправляется гонец по окрестным селениям с извещением о происшедшем для того, чтобы желающие могли бы после придти на панихиду, что считается очень богоугодным делом — "савоб".¹ Человек около 10 отправляются

¹ Гонец, придя в селение, кричит встречающимся людям: "Савобе чаноза" (богоугодное дело панихиды) и только на расспросы людей объяснит, где и кто именно умер.

рыть и устраивать могилу. Такое большое количество добровольных могильщиков-соседей обуславливается, с одной стороны, твердостью каменной почвы и трудностью рыть могилу, а с другой, необходимостью отыскивать и притаскивать большие плоские камни — "тоба" для закрытия сверху могилы и для облицовки вертикальных стенок могилы камнями плитами?, кладущимися всухую, без глины. Под низ также кладется "тоба".

Мои́ла. Самая могила роется, если покойник женщина, то глубже, по грудь копающим, если мужчина, то по пояс. Для детей — еще мельче, сообразно возрасту, в среднем, приблизительно, по колено роющим. Боковых впадин при копании могилы не устраивают. Подобные моги́лы, имеющие боковую впадину — "лахад" и называемые "шоми" (сирийские), встречаются только в Гиссаре. Могила роется в продольном направлении с севера на юг, причем для взрослого человека, — безразлично, мужчина или женщина, — она копается длиною в 1,5 махов.сажени (независимо от роста человека).

Покойнику, помимо завязывания подбородка, выпрямляют руки и ноги, снимают с него одежду, относят его на середину канны, где кладут на какую-нибудь подстилку, покрывая затем все тело, вместе с лицом, грубым шерстяным паласом домашней выделки — "гилим". Кругом него садятся оплакивающие женщины.

Как и повсюду среди мусульман, с похоронами торопятся. Обычно, если человек умер до полудня, то хоронят в тот же день. Если после полудня — на другой день утром.

Обмывание тела производится перед выносом на джаноза (род панихиды), по окончании которой следуют похороны. Для обмывания тело переносят в той же канне к одной из стенок. Обмывают трое: мужчины умершего мужчину, женщины — женщину. Для обмывания покойника кладут на дверь. Приготавливается горячая вода в размере 2-3 небольших кувшинов. Сначала обмывают правую сторону тела, правый бок, потом, переходя, по очереди обмывают сначала ноздри, потом лицо, затем половые органы, причем, предварительно надавливая рукой проводят три раза по телу от груди к низу живота, чтобы заставить выйти нечистоты из тела. После этого моют левую сторону, затем голову, приподнимая при этом верхнюю часть туловища и проводя рукой льющуюся воду по

спине. В конце всего моют ноги. Из трех человек, участвующих в обмывании, один моет тело рукой, на которую надет в роли рукавицы небольшой мешочек из материи - "даст-хали́та", другой льет воду, третий придерживает или приподнимает тело. К обмыванию они приступают после совершения над собой обычно-го мусульманского омовения - "тахорат". Вымытое тело обсушивается вытиранием таким же мешочком из материи, как и при обмывании, но только сухим.

Саван. После обмывания тело покойника опять переносят на середину "канна", где его тело ожидает похоронная рубаха (кульск. "кúрса", тевев. - "кúрта"). Последняя состоит из длинной полосы белой бумажной материи, в середине которой сделано отверстие для головы. Тело кладут на одну половину, просовывают голову в отверстие и затем закрывают тело другой половиной, приходящейся наверх. Бока не зашивают. Под этой рубашкой лежат в виде двух простынь, положенных друг на друга, два полотнища - "чодар", сделанных из белой широкой кисеи. Завернув покойника в него с головой, верхний конец поверх головы и нижний, ниже ног, завязывают тесемками из этой же материи. Это все вместе и составляет саван - "кафан". После этого тело готово к выносу.

Сообщ. Мулло Ниёза (из сел. Маргту-
майн). Ташкент. 12 октября 1927 г.

"Сир-пуш" у женщин закрывает тело от верха груди до подъема ноги - "то буцули по", у мужчин - от пупка до низа колен. При обмывании рука обмывающего просовывается под этот покров, который после обмывания снимается и заменяется саваном.

[На полях рукописи]: 15 баранов, 40 червонцев раз-
[дать?].

Сел. Пулла-Роут, 18 августа 1927 г.

Поправка. Тело умершего заворачивается в одежды:

1) курта, 2) чодар, 3) сина-банд (только для женщин), 4) лачак (род головного платка, только для женщины).

Тело по обмывании высушивается чистой ватой, если же таковой нет - тряпкой.

"Сир-пуш" - кусок материи, которым обертывается часть тела между поясом и коленями (в один слой).

"Курта" - по описанному выше способу.

"Чодар" - полотнище в один слой, длиною на столько длиннее тела, чтобы можно было захватить рукой. Эти концы завязываются тесемкой, оторванной от той же материи, что и саван. После того, как тело положено в могилу, эти концы там развязываются.

Сообщ. Мулло-Нияза. Ташкент.
12 октября 1927 г.

Полный саван у женщин состоит из 5 частей:

1. "Лаччак" - надевается после обмывания. Головной убор в роде "кулута", в мешочкообразный спускающийся конец которого кладут волосы покойницы. Делается из той же белой материи, что и саван.

2. "Сина-банд" - делается из той же материи, это кусок, которым прикрывается голое тело покойницы от верха груди до низа колен (у мужчин нет ни лаччака, ни сина-банда).

3. "Курта" (описана раньше). Одинакова для обоих полов.

4. "Чодар" - покрывало, собственно говоря не являющееся саваном (кафан). Стелется в два слоя. Длина превышает рост покойника на один "тутум"^I в каждую сторону - ровно столько, сколько нужно, чтобы завязать.

Давра. По обмывании покойника, после того, как он очищен, приступают к совершению искупительного обряда, называемого обычно "давра" (круг). Смысл его - передача грехов покойника на присутствующих и принятие их последними.

Характерно, что на нем присутствуют по одному предста-

^I "Тутум" - пространство, обхватываемое зажатой рукой, т.е. приблизительно около 2 1/2 верш. от одного края этой руки до другого. Этот термин употребляется только при отмеривании материи на саван.

вителю от каждой из окрестных "сада",¹ которые, возможно, составляли в старое время свой союз, являлись общественным организмом, связанным известными отношениями. Поэтому самое присутствие представителей от данных сада являлось также выражением готовности этих сада принять на себя ответственность за умершего своего члена и стараниями облегчить его участь. Это отношение еще яснее сказывается после похорон, где в богатом доме, например, присутствующему наиболее почтенному представителю каждой сада дается по барану для раздачи его присутствующим членам этой сада. Баран отводится в сада, продается, деньги, полученные за него, делятся между членами сада, которые были на похоронах. Этот обычай называется "яр-тиш".

Кроме представителей от сада (по одному человеку) и имама, в давра больше никто участия не принимает, и если кто имеется, то является только зрителем. Участвующие вместе с имамом (всего несколько человек) садятся в круг. Приносят большую деревянную чашку с пшеницей и ставят ее в середину круга. В чашке насыпано довольно много пшеницы (около 10 ф) в знак того, что у покойника много грехов: столько грехов, сколько зерен в пшенице. Имам начинает обряд с чтения следу-

I Характерно, что как в припамирских странах, так и в Ягнобе существовало в прежнее время административное деление селений на "сада" (сотни), сохранившееся в настоящее время в Ягнобе только в религиозных или обрядовых церемониях. Так, в Сояру (теневая сторона), например, селения (5) составляли 3 сада, Афтобру (солнечная сторона) - 2 сада, в кульском отделе - 3 сада.

Относительно верхней части точных сведений сообщавшие не знали. И теперь еще, когда справляют, например, очень большую свадьбу, на которую созывается много гостей, то применяется еще выражение "Ҳамаи садаиш туй хапар икта" - пригласил на свадьбу все сада.

ющей молитвы на таджикском языке:^I

طریقه استقاط میت

اعوذ بالله گوید بعد از این گوید که فلان
ابن فلان فوتیده حضرت حق تعالی گردانیده
بود بروی صلوٰۃ و صوم و سایر واجبات
را بروی بعضی را ادا کرده و بعضی را ...

[Здесь отсутствует один лист оригинала]

т.е. "если поставленное в вознаграждение имущество будет стоимостью в 36 бухарских манов пшеницы. Если же будет меньше 36 манов, то можно говорить (назначая) полгода (принятых грехов) или менее".²

^I Выписываю из небольшой рукописи, встреченной мною в сел. Пулла-Роут, где среди разных заметок, приведен текст, читаемый при "давра" с сохранением орфографии подлинника.

[Выписка полностью не сохранилась]

² В самом Ягнобе, где говорят по-ягнобски, в настоящее время в виде награды выставляется упомянутая выше чашка с зерном. В верхних, однако, селениях, кроме того, приводят в виде якобы награды (подобно тому, как делается и в некоторых равнинных местностях Средней Азии) оседланную лошадь, которая стоит около круга. Имам берет чумбур от ее недоуздка, и, произнося слова о передаче за данную награду грехов, дает этот повод от недоуздка в руку того по очереди, к которому обращается, указывая на присутствующую лошадь. Передача последней, как и в других местах, является только фикцией (рассказ. Ташкент).

(продолж. сноски см. на след. странице)

По прочтении приведенного текста имам берет чашку и дает одному из присутствующих. Последний со словами - "Я соглашаюсь и отдаю вам" передает соседу, передающему таким же образом чашку далее. В ягнобской части Ягноба это совершается только один раз. В отаджиченных уже в настоящее время селениях сверху считается (как видно и из приведенного текста рукописи), что каждое принятие является принятием грехов покойника, совершенных им в течение одного года. Поэтому передают друг другу чашку (и повод от недоуздка) столько раз, сколько лет прожил покойник. По окончании церемоний чашка с пшеницей передается какому-нибудь бедняку "саџира" (сирота), который фактически и получает все это вознаграждение.

Вынос тела. После того, как покойник облечен в саван и исполнена "давра", приступают к выносу. Погребальные ношки - "тобут" подносят снаружи и, не внося во внутрь, ставят перед дверью. Покойника поднимают с земли четыре человека, выносят через двери ногами вперед и кладут на тобут, на котором что-нибудь постлано. Тело привязывается чалмой - "салла" к носилкам, но только уже после прочтения джанозы. Сверху на тело умершего набрасывается халат или небольшой палас. Требуется лишь, чтобы это была "чистая" вещь - "намози", т.е. такая, на которой можно было бы читать намаз. Разницы между тобутом для мужчины и женщины, подобно тому, как это бывает в городах, где делают над женщинами особую покрывку, в Ягнобе не наблюдается.

При выносе тела наблюдается иногда очень любопытный обычай. Если умер мужчина, оставляющий после себя вдову, за которую вено - "маџр" еще покойным не доплачено, как это иногда бывает, и где, таким образом, умерший является должником

(Продолжение сноски на стр.136).

В соседней Матче при подобном обычае также передают чашку с пшеницей (тоже среди представителей "сада", приходящих как на свадьбу, так и на похороны), причем тоже ставится дополнительная награда лошадь или коран. Последний ставился взамен лошади в старое время и в Верхнем Ягнобе, но потом это было запрещено, как противоречащее религии.

перед своей женой, то в таком случае довольно часто вдова при выносе тела бросается на тобут и не допускает класть на него тело умершего мужа до тех пор, пока не выплатят ей тут же вена или не дадут ей достаточного удовлетворения в форме обещаний и пр. Считается, что она вправе это делать и силой удалять ее не имеют права.¹⁾

Делают это, однако, только такие вдовы, которые не имеют детей, так как считается, что дети, являясь наследниками умершего и получая его имущество, являются, вместе с тем, и представителями прав и интересов матери.

Когда тело покойника выносят из дома, то воду, которой его мыли, выливают ему вслед, сейчас же метут в доме и сор также выбрасывают вслед, чтобы больше не умирали в этом доме. Но скорее это, вероятно, носит следы страха перед возвращением мертвого, так как, когда отправляют в путешествие человека, сутки дома не метут, иначе он не вернется.

Положив тело на носилки, его поднимают четыре человека (мужчины) из ближайших родственников и вносят на плоскую крышу дома, служащую вообще часто для отдыха, сиденья и соб-

¹ Иногда случается, что во время предсвадебных переговоров о вене родные девушки соглашаются выдать ее замуж до полной уплаты за нее женихом вена — "махр", с тем, что он, женившись, потом, со временем, выплатит. Такой муж становится таким образом должником пред своей женой до выплаты полной суммы вена, исчисляемого теоретически в 900 бухарских тенег — 135 руб. по старой стоимости этих денег (берут не деньгами, а скотом, землей и пр.). Большой частью это вено и выплачивается, но иногда какой-нибудь муж, боясь смертного часа и что умрет с долгом на своей совести, с которым предстанет на Страшном Суде, просит свою жену простить ему долг, давая ей взамен материю на платье или другие какие-нибудь вещи. Если жена согласна, то она прощает ему долг, что делается в присутствии двух свидетелей, и тогда она требовать уже дальнейшей выплаты вена не может.

раний среди горных таджиков. При выносе тела, вплоть до того, пока его не занесут на крышу, один из несущих громко кричит с небольшими промежутками три раза - "Салоти ҷаноза", предупреждая собравшихся на крыше о приближении тела покойного. Все встает и ждет стоя. Тело умершего кладется сбоку крыши так, чтобы оно приходилось пред присутствующими по направлению к Каабе (қибла).¹ Впереди собравшихся пред покойником становится имам. Вся джаноза исчисляется четырьмя такбирами (возглас "аллоху акбар" - "бог велик"), произносимыми имамом. После первого присутствующие каждый про себя, подняв руки к ушам, читают "Нийят":

Нит کردم بگذارم چهار تکبیر صلوة
 نماز جنازه وقتیکه بزمن است رو
 آوردم به قبله قبله به جهت کعبه خالصاً
 لله تعالی الله اکبر

Прочитав, опустив руки и сложив их, как полагается при молитве, у себя на животе, при следующем возгласе "аллоху акбар" имама, снова поднимают руки к ушам и читают затем по-арабски:

سبحانک اللهم و بحمدک و تبارک ...

¹ Тело опускается только после того, как присутствующие построились в ряды и стали благопристойно к молитве, так как считается, что если опустить тело на землю раньше, то покойный "удивится" - "хайрун пирэхсче" почему не приготовились присутствующие к молитве?

После третьего аллоху акбар":

الله أكبر اللهم صل على محمد وآل...

После четвертого:

اللهم مغفر لي حينا و...

После четвертого (без саджда все время) делают обычный салом направо и налево и заканчивают молитву.

Только после этого тело покойника (и мужчины и женщины) привязывают чалмой к носилкам.

Затем покойника поднимают и несут.

Погребальные носилки поднимаются собственно двумя людьми, которым ручки носилок приходится на плечи. Но сбоку носилок, впереди и в задней части выдвигаются концы поперечных палок и за них еще поддерживают носилки идущие в процессии, уменьшая тяжесть, ложащуюся на двух основных носильщиков. Несение покойника считается богоугодным делом, и каждый поэтому старается поддержать выступающие части тобута.

Приподняв носилки с покойником, несущие отходят с ним по крыше на семь шагов от того места, где лежал покойник, и потом обращаются к остальным, которые остаются стоять на месте, со словами: "Кушойши сафари бечорагон, даффи бало. Аллоху акбар!" (Беспрепятственность путешествия бедняков, отвращение несчастий. Бог велик). Все, приподняв руки, совершают в ответ обычную фотику, т.е. отпускают покойника в его путешествие на тот свет. Это называется "рухсати омм", т.е. всеобщий отпуск (разрешение от всех).

После этого покойника несут на кладбище. Тело умершего сопровождают только родственники. Остальные, присутствовавшие на похоронной молитве, остаются ждать в седении, слушая чтение суры "Таборак". После этого присутствовавшим на джанозе устраивается угощение из пищи, сносимой для этой цели жителями селения из своих домов: молоко — пресное и кислое, хлебные ле-

пешки и пр. После пищи раздается "яртиш". Последний, как упомянуто, может состоять из барана, материи или денег, раздаваемых упомянутым выше представителям сада, бывшим на давра, которые делят данное, придя к себе, между своими членами, бывшими на похоронах. Эта раздача яртиша является большой приманкой для привлечения на похороны и, если последние богатые, то народу собирается из-за этого всегда много.

Сопровождающие тело идут, опираясь на посохи - "таёй". Никакой церемонии до положения тела в могилу не совершается. Не ставя принесенные носилки на землю, покойника снимают с них, один человек спускается в могилу, где и укладывает передаваемое ему тело, кладя его на спину. Голова поворачивается направо в сторону Каабы. Руки остаются под саваном, вытянутые вдоль тела. Лицо, после поворачивания его, закрывается тем же саваном.

"Їавоб-нома" - записочка с двумя короткими изречениями - символом веры:

لا اله الا الله ملك حق البين حق

употребляется при погребении не всегда. Когда ее кладут в могилу (для удовлетворения двух ангелов - Мункар и Накир, являющихся допрашивать о праведности веры и жизни покойника), то кладут на грудь или же пред лицом покойного. Могила сверху закладывается большими плоскими камнями - "тоба" и сверху насыпается на них земля. Насыпь делается в виде "спины рыбы", но потом, со временем, теряет эту форму.

Поверх насыпной земли на могильную насыпь накладывают три белых камня, называемые "чахмоџи" (т.е. "кремневые", годные на кремень).^I Поверх свежей могилы обычно накладывают также нарубленный колючий кустарник - "хурура" по современному объяснению для того, чтобы не допускать волков и собак до разрывания могилы,

^I Кремнь и огниво до сих пор еще сохраняются среди пастухов Ягноба. Огниво - "чахмоџ", кремнь - "чахмоџи", трут - "хаф" (матч., фальг, гиссарск. "џау".)

Прежде чем окончательно закрыть могилу, каждый из присутствующих берет в руку горсть земли и читает над ней тихоньку короткую молитву на арабском языке

قل هو الله احد الله الصمد لم يلد و

لم يولد ولم يكن له كفواً احد.

три раза проговорив которую и сказав "куф!", опускают эту горсть земли в могилу пред лицом покойника.

По закрытии могилы, отойдя на семь шагов от нее, имам читает молитву (вернее, суру корана) "Таборак". После заключительной молитвы Фоти́ха все встает и уходит домой. Погребальные носилки оставляют на могиле покойника до того, как снова понадобятся при чьей-нибудь смерти. При мечети их не держат.

Светильника на могиле не зажигают; в продолжение трех дней при наступлении намаза "дигар" зажигают по три "пили́тта"^I. (Они делаются исключительно из стебля ароматичной травы, называемой "гудан", матч. — "фулар"). Зажигают на том месте, где обмывали покойника.

По возвращении в дом покойника, относившие его входят в дом, прочитывают фсти́ха и расходятся по домам.

За исключением только самых близких людей, в доме никто из посторонних не остается, и дом до истечения трех дней посторонними не посещается, так как считается нечистым. Огонь за это время в доме покойника тоже не разводится. Пища не варится и доставляется домашним покойника их соседями. Оплаки-

^I "Пили́тта" делаются длиною около 1/4 аршина, обвертываются ватой и затем намачиваются маслом. Подобные суррогаты свечей, служащие для ритуальных целей, употребляют и в равнинах Туркестана и Бухары, где они называются "пилик", "нукча" и пр.

вание умершего за это время производится, как упомянуто, одинаково и мужчинами и женщинами. Особого ношения траура по умершем, выражающегося в ношении одежды черного или синего цвета, среди ягнобцев не наблюдается. Только в течение первых трех дней мужчины, родственники покойного, ходят, обвязав себя своими поясами из материи поверх надетого халата или халатов.

На четвертый день в доме умершего устраивают поминки, которые, хотя и происходят на четвертый день, но почему-то называются "хафт" (семь). Убивают барана. Посланный по селениям извещатель сообщает о предстоящем "хафт". Среди собирающегося народа родственники из селения покойника приходят на поминки каждый с чашкой "халво"¹ и с одной большой лепешкой, называемой "кумочи". Это входит в угощение, подающееся собравшимся, и подается после "шурбо" — похлебки из баранины. Перед угощением и после него читается вслух коран по покойнику, после чего присутствовавшие расходятся.

После сорока дней снова устраиваются родными покойника в его доме такие же поминки, называемые "чил".² Халво, однако, родственники на этот раз не приносят.

Следующие поминки совершаются пред наступлением первого из двух больших праздников — Курбана или Рамазана. Они значительно разнятся по характеру от первых. За неделю до праздника устраивают "бу". Так называют "чалпак"—тонкие ритуального характера (наподобие русских блинов) лепешки, раскатываемые из теста при помощи скалки и жареные в кипящем коровьем или льняном масле. Самое название "бу" — "запах", ука-

¹ "Халво" готовится очень незатейливо и состоит из пшеничной муки, варимой долгое время на воде, к которой примешивается коровье масло.

² Следует, однако, отметить, что поминки в "сорок дней" по смерти покойника совершаются в смысле срока довольно условно. На самом деле иногда, в случае материальной неподготовленности устраивающих, они несколько оттягиваются. Точно так же, если наступает до истечения сорока дней Курбан или Рамазан, то "чил" устраивается и раньше.

зывающее на жертвенный характер этой пищи, считается ягнобцами имеющим отношение к сильному запаху употребляемого при изготовлении масла, которое доходит до духов предков, до духа умершего. Эти чалпаки при наступлении вечера, приблизительно на закате солнца каждый день до истечения семи дней перед праздником, выносят на крышу и раздают по одному подходящим мусульманам и мальчикам, которых подзывают для этой цели. Кроме того, по одному чалпаку раздают родственникам, которые собираются из окрестных селений на чтение суры корана по покойнику в последний день перед праздником, канун праздника — "арафа".^I

В самый день праздника перед праздничным намазом народ собирается на кладбище помянуть своих покойников. Родные умершего в этом году, устраивавшие перед этим "бу", выносят на кладбище два дастархона (больших платка) с чалпаками и раздают народу. В этот же день в доме покойника закалывают барана и устраивают поминки для приходящего народа, готовя "шурбо" (суп).

Последние поминки делаются по истечении года со смерти покойного, когда тоже колят барана и устраивают угощение. Никаких при этом игр и увеселений, наподобие того, как наблюдается у турецких народов Средней Азии, среди ягнобцев (как и горных таджиков вообще) не устраивается.

Разговор с Мулло Ниёзом.

24 декабря 1927 г., Ташкент.

По погребении покойника в Ягнобе не ставят чашки с водой на то место, где обмывали покойника (это место связано

^I Еще несколько лет тому назад был обычай, теперь почти исчезнувший во многих местах, по которому во время "бу" родственникам, как проживающим в своем селении, так и в других, посылали из дома покойника в первый день "бу" по два чалпака. Во время "арафа", придя на поминовение, получившие два чалпака обязательно приносили ^{II} небольших тонких чалпаков взамен полученных.

обычно с представлениями о возвращающейся туда душе умершего — ср. ташкентский обычай ставить чашку с водой и вставленной в нее веточкой: душа-птичка умершего прилетает и садится на цветок или ветку. В Ягнобе последний обычай не наблюдается). Но там также в течение трех дней зажигают при наступлении намаза "аср", т.е. около 4-5 часов вечера, по три лучинки или соломинки, обернутых ватой и намоченных в масле. Такие жертвенные лучинки называются или, как и в других местах, "нукча" или "пилитта" (последнее соответствует слову "пилитк", употребляемому таджиками многих мест для названия подобных лучинок). Эти "пилитта" или "нукча" ставят на то место, где обмывали покойника, втыкая в пол в один ряд. Время, выбираемое для втыкания как раз то, когда души умерших посещают свои жилища во время намаза "аср". Поэтому первые три дня перед этим намазом либо у места, где обмывали покойника, либо у его могилы читают намаз. Если намаз читают у могилы, то туда идет только чтец и еще кто-нибудь из ближайших родственников, если же читают дома, то набирается народ из селения, присутствующий при этом. Это называется "фотхай бахше",¹ т.е. дарование (дарение) фотха. Душа, получив молитву, возвращается к себе.

Душа первое время очень нуждается в молитвах для своего покоя, и, по мнению некоторых, первые три, а по мнению других — семь, сорок дней и даже год — ежедневно посещает свой дом в установленное для духов время — во время намаза аср, перед наступлением ночи. По истечении этого срока она посещает свой дом только по вечерам перед пятницей (т.е. по четвергам — "джома хшап").

Обычая оплакивать покойника при выпадении первого снега, подобно тому, как это наблюдается, например, в Ташкенте, в Ягнобе не имеется.

(Папка № 7-а, стр. 74-91-б)

¹ Это перешло даже в глагол "фотхае бахшак".

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Родовое и сословное деление

Сообщ. Мулло Ниёза. Ташкент.

10 мая 1928 г.

Родовое деление среди ягнобцев, по-видимому, совершенно отсутствует, и все они склонны признавать себя одинакового происхождения, если не считать легенд о прибытии предков обитателей некоторых селений первоначально из других мест.

Сословное деление или следы такового, подобно тому как это сохранилось в верховьях Пянджа или в долине Панджшира, в Ягнобе совершенно не имеется. Даже позднейшего мусульманского сословного деления на сейидов и ходжей среди ягнобцев нет, как нет у них и собственных ишанов. Последние, ведущие себя, по-видимому, от одной линии, имеются в двух местах: в Матче, в сел. Обурдон, и в Гиссаре в окрестностях Душанбе, в сел. Нилькон. Матчинские ишаны считаются по женской линии, в то время как гиссарские производят себя по мужской. Характерно, что ягнобцы, как говорили некоторые из них, считая себя мюридами этих ишанов, на том основании, что их прадеды были мюридами предка данных ишанов, в то же время не избирают себе каждый какого-нибудь одного из них в ишаны, а считают себя потомственными мюридами всей семьи и дают подношения тем из них, которые приезжают от времени до времени за сбором таковых в Ягноб.

(Папка № 7-а, стр. 174)

Сел. Пулла-Роут. 29 августа
1927 г.

Община ягнобская, состоящая из нескольких определенных селений, называется "куп" (русск. скупщина, вкупе). Например, селения Таги-Чанор, Петип, Чукат, Каши, Пулла-Роут - 5 селений - составляют один отдельный куп. Ноумиткон, Хисоки-Дарв, Думезой, Шовета, Шахсара, Муштиф, Вагынзой, Маргтумайн, Бидив - 9 селений - составляют отдельный куп - теневой - "со-яру". Для таких общин имеется также другое старое административное название - "сада". Это последнее наименование сохрани-

лось еще при свадьбе и похоронах, при угощении - на первой и раздаче поминального скота - на вторых.¹ По определению ягнобцев, "куп" - значит много (в тюрк.перешло в форме "коп"), но только в смысле толпа, собрание людей (например, фразу: "дай мне много" отнюдь нельзя перевести словом "куп". В таком случае говорят: "И пора тифар"). В соседней Матче слово "куп" сохранилось и употребляется в смысле также только населения одной "сада", т.е. своей общины, своего народа.

Можно проследить еще и сейчас остатки прежней ответственности "куп" за своих членов, их защиты, сохранившиеся и в погребальных обычаях, и даже в более жизненных отношениях. Например, в воззрении, что "куп" отвечает за своих членов, совершающих нападения. Общественные работы, например, постройка моста через реку, ремонт или проведение дороги, ремонт ирригационного канала, канавы и пр. решаются и производятся купом.

В разрешении некоторых вопросов, связанных с похоронами, свадьбой, главным образом в их церемониале, участвует куп через своих представителей.

Совещательный и административный аппарат купа составляется следующим образом: селение на сходке решает соответствующие выдвигаемые жизнью вопросы, касающиеся селения. В этом совещании участвуют представители по возможности всех домов селения, по одному от каждого дома, не более. Зрители допускаются (из других односельчан, например), но в совещании не участвуют. Постановление этого собрания обычно считается обязательным для всех членов.

При возникновении вопросов, решаемых и приводимых в исполнение купом, собираются на совещание представители всех селений купа, по одному (иногда по два) от каждого. Одного определенного постоянного человека для посылки на такие совещания в селении не имеется, и в настоящее время по крайней мере таковым является всякий раз лицо, назначенное от селения.

(Папка № 7-а, стр. II7-II8)

¹[См. стр. 135-136.]

Наследственное право

В наследственном праве можно отметить следующие черты, общие и другим таджикам, окружающим ягнобцев, и основывающиеся главным образом на среднеазиатском понимании шарията:

1. Человек, владеющий безраздельно каким-либо имуществом, может распоряжаться им по своему усмотрению при своей жизни, после же его смерти остающееся имущество не может быть завещано и должно быть разделено согласно установленному праву наследства — "мирос".

2. По этому праву наследниками умершего в первую очередь являются (если в живых нет родного отца) его родные дети и его вдовы. Другие родственники при наличии детей в деле же наследства не участвуют. При этих условиях наследство делится следующим образом:

Вдове, имеющей детей, выдается из наследства $1/8$ всего имущества. Если, кроме того, имеется еще другая вдова, не имеющая детей, то на долю последней приходится $1/6$ имущества (уменьшение личной доли вдовы с детьми объясняется тем, что дети должны прокармливать свою мать, тогда как положение бездетной является более трудным).

Остальное имущество, за выделением вдовой части, делится только между детьми — родными или усыновленными (если последние смогут предъявить юридический документ, свидетельствующий об этом — акт, составленный в свое время казимом об усыновлении умершим данного лица, и указать, что они работали в пользу покойного). Каждый из детей наследует в равной доле без различия старшинства с той только разницей, что все сыновья получают по полной доле, а дочери каждая по половине доли сына.

Если после смерти мужа осталась вдова, не имеющая детей, то она, при отсутствии других жен, получает $1/4$ наследства, $3/4$ которого идут другим родственникам. Если таковых не имеется, то эти $3/4$ поступают в казну (местная администрация, по представлениям ягнобцев, должна в таких случаях отбирать эту долю в пользу государства).

При отсутствии прямых наследников, по выделении упомянутой доли на наследство вдовы, если таковая имеется, имущество делится в первую очередь между родными братьями и сестрами — и только между ними (если, конечно, не имеется при этом находящегося еще в живых отца покойного, который имеет предпочтительное право перед всеми). Братья участвуют в равной доле, а сестры — в половинной.

Если нет братьев и сестер, то следующими наследниками являются родной дядя по отцу, но не по матери. Последний (дядя по матери) не представляет собою продолжение наследственной (семейной) линии, считающейся по отцу, и вообще лишается права наследовать даже при отсутствии каких-либо других наследников. Точно так же не могут наследовать и родные тетки как по матери, так и по отцу. Последняя, считается, выйдя замуж за постороннего семье человека, продолжает его линию, а не линию своего отца. Даже права родной матери умершего, по-видимому, не считаются твердыми и, по объяснению некоторых ягнобцев, ей следует якобы оставлять только "ха́ки шир" — долю "за вскармливание молоком". Этот пункт, однако, следует считать недостаточно точно установленным ввиду неуверенности относительно его у сообщавших мне сведения (выяснить более точно не представлялось случая).

Любопытно, что отец считается предпочтительным и единственным наследником своего сына, даже если у него есть дети. Последние должны потом получить свое наследство после деда. Отец получает также и наследство после своей дочери, если она умерла бездетной, но если у нее есть дети, то наследство идет целиком к ним, минуя ее отца: имущество в данном случае переходит по линии мужа.

При отсутствии дядей по отцу следующими наследниками являются, по-видимому, двоюродные братья (но не сестры) по отцовской линии.

Дальше мои собеседники точно не знали и неуверенно говорили, что муллы, руководясь шариатом, устанавливают право наследства, при отсутствии ближайших наследников, вплоть "до седьмого поколения".

Незаконнорожденный ребенок может наследовать своей матери, но не своему отцу. Если ребенок родился от кого-либо помимо мужа, в то время, как жена состояла в браке, то этот ребенок, хотя и не от мужа, ему все же наследует, как родной.

В случае смерти матери, оставшееся после нее наследство передается ее родным детям, но не мужу. В случае отсутствия последних получает его отец или, если его нет, то дальнейшие члены отцовской семьи по имеющейся близости родства.

Названный отец, как и названные братья и сестры - "додар-хон", "хухар-хон," в наследовании не признаются, как не признается, например, также и молочное родство, хотя в других отношениях кормилица считается как мать ребенку, и последний не может жениться на своей молочной сестре (как и на названной сестре).

(Папка № 7-а, стр. 168-170)

Землевладение

При существующем разделении всех ягнобских полей на поливные и богарные, право владения таковыми несколько разнится. Поливное поле представляет собой полную частную собственность, переходит по наследству согласно воле хозяина, может по усмотрению хозяина при обычных условиях в любой момент быть продано или сдано в аренду. Обычно последнее происходит только, если у хозяина нет запаса зерна для посева. Арендатор в таком случае, при наличии удобрения от хозяина, обрабатывает его поле, сеет свои семена, но потом, по реализации урожая, выделяет из него затраченные семена, удерживая их себе, а весь оставшийся урожай делится затем пополам между хозяином и арендатором. Такая аренда называется "нимги" (из половины). Другого способа аренды не существует.

В очень редких сравнительно случаях бывает заклад "га-рау" земли при встретившейся нужде в деньгах. Земля переходит в таком случае в пользование человека, давшего деньги, который владеет ею до тех пор, пока долг не бывает возвращен. Предельного срока возврата денег и соответствующего возвращения земли при этом не бывает. Сколько бы ни прошло времени,

земля, по уплате долга, должна быть возвращена своему хозяину или его наследнику. "Даже внук хозяина и тот имеет право, заплатив долг деда, отобрать землю от внука заимодавца", - говорили мне ягнобцы.

При таком твердом и определенном взгляде на собственность поливных земель, характер права на которые установлен, как можно предположить, очень давно, ведя свое происхождение из глубокой старины, на полях под дождь, являющихся другой категорией землевладения, право собственности сказывается несколько менее твердо и, как можно предположить, носит на себе следы недавнего установления таковой.

Здесь, как и поливные, каждое обрабатываемое поле имеет своего определенного хозяина. Владение им также переходит по наследству, как и поливными полями. Случаев продажи, однако, почти не наблюдается, вероятно, в силу малоценности этих полей и их большого количества. Хватало на всех. По преданию, в старые годы бывали случаи продажи таких полей, но за очень низкое вознаграждение. За поле, приносящее два-три пуда зерна, платили, по словам ягнобцев, два-три гяза (1 гяз - 2-3 аршин) дмотканной хлопчатобумажной материи. Но и это считалось вознаграждением за первоначальную обработку целины - "аввале канаке киро" (плата за первоначальную вспашку), которую представляло собою поле до того, как его обработал человек, ставший потом, естественно, его хозяином. Это предположение о базировании права собственности на поле, вытекшее из затраченного труда, подтверждается еще тем, что, по существующему обычному праву, в Ягнобе каждый имеет право запахать в любом месте свободно лежащую, непахавшуюся раньше землю. Распашка такой целины, хотя и сопровождается хорошими урожаями на неистощенной земле в течение двух-трех первых лет, все же очень трудна, так как требует удаления камней, кустарника и встречающихся в земле корней. К этому прибегают сравнительно редко, предпочитая пахать на уже расчищенных старых посевах, оставляя их на 2-3 года под паром. При затрате, однако, труда на обработку целины, человек, проделавший это, становясь собственником поля, имеет исключительное право, согласно обычаю, запахивать это поле в течение трех лет,

когда оно дает наилучшие урожаи. Без его согласия другой в течение этого срока не может засеивать это поле, если бы даже хозяин почему-либо и не смог его засеять.^I Первые урожаи, наилучшие, должны быть его — человека, потрудившегося над расчисткой поля.

При дальнейшем обычном состоянии полей "ладми" существует следующее обыкновение. Если поле отдохнуло, пролежав от одного до трех лет под паром, и готово для обработки, а сам хозяин поля не намерен его обрабатывать, то любой человек может к нему обратиться с просьбой о разрешении посева, и хозяин обычно не отказывается, соглашаясь даже без всякого вознаграждения.

По-видимому, по не особенно ясным воспоминаниям ятнобцев, даже до прихода русских и до установления потом помещиками комиссиями наделов земли, отведенных каждому селению, за которыми земля считалась казенной, в старое время тоже существовали границы владений отдельных селений, за пределами которых земля считалась ханской, царской или местного правителя. Право владения таковой при разработке целины на полях "ладми", как можно думать, признавалось за вспахавшими землю, но с оговоркой, что в основе такая земля оставалась все же правительственной и что вспахавший допускался скорее к пользованию ею, чем к полному юридическому обладанию, как это было с землями, лежащими в границе селения. Размеры налогов на земли правительственные и сельские тоже, по-видимому, разнились. Подчеркивание того обстоятельства, что, при сохранении права обработки, земля все же не считалась собственностью обрабатывавшего ее, видно еще из обычая, что если такая земля остается под паром — "пая", то каждый может жать в свою пользу вырастающую на ней траву, так как земля не хозяина, и хозяин имеет право только на посев. Если же он не сеет, то каждый может пользоваться естественной производительностью земли. Что же касается таких

^I На вспаханной целине, считается, можно сеять подряд до трех лет, после чего между посевами делаются перерывы от одного до трех лет.

же полей, остающихся не засеянными в границе земель селения, то без согласия хозяина земли жать траву никто не имел права.

(Папка № 7-б, стр. 14-16)

Запись со слов Мулло-Низза.

Ташкент. 10 мая 1928 г.

Межа, разделяющая поля, принадлежащие разным хозяевам, называется "воск". Она представляется небольшой узкой полосой незасаемого пространства (приблизительно от 1/2 до 2 аршин шириною) и идет между двумя межевыми знаками, называемыми "нишона". Такой знак делается из камня, врываемого вертикально в землю, причем верхняя половина его, выступая из земли, служит ориентировочным знаком.

Для раздела поля между двумя наследниками, происходящего обычно очень мирно (если, например, наследуют умершему отцу двое братьев, то старший брат делит поле на две половины и предлагает младшему выбрать себе любую из них), обычно не требуется никаких формальностей и не призываются никакие свидетели и понятые. Только если один из наследников малолетний или женщина, то вместо него его заместителем выступает один из жителей селения, не заинтересованный лично в этом деле - "холис одам".

Для измерения земли применяется веревка, посредством которой определяют середину между двумя концами поля.

В Ягнобе, где ценится каждый обрабатываемый кусочек земли, право на произрастающую на меже траву тоже точно установлено. Так как межа, делящая поле, проводится более или менее горизонтально, то правом жатвы на ней травы пользуется всегда владелец нижнего поля. Это вызывается тем, что, при проведении под межей ирригационной канавки, часть поля, прилегающая к меже, начинает садиться или, вернее, смываться, относясь дальше. По объяснению ягнобцев, начинающая выступать при этом межа, если ее не поддерживать, подсыпая землю с нижнего поля, куда сыпается с нее земля, будет разрушаться. За этот труд и присыпание своей земли владелец нижнего поля и пользуется по обычному праву травой, вырастающей на

накладываемой им земле.

Словом "воск" называется, как сказано, горизонтальная межа, имеющая значительно большее значение. Межа, идущая сверху вниз и носящая название "бекин", образуется выбрасыванием на нее камней, попадающих при пашне, - камней, накладываемых на эту межу с обеих полей, которые она разделяет. (Слсво "бекин" в обычном разговоре обозначает "бок").

(Папка № 7-а, стр.175-176)

— — —

КАЛЕНДАРЬ. КАЛЕНДАРНЫЕ И СЕЗОННЫЕ
ПРАЗДНИКИ. МЕРЫ

Календарь

Сел.Бидив. 23 июня 1927 г.

Счет солнечного года (мусульманские праздники, конечно, совершаются по лунному счислению) производится, по-видимому, на основании следующих семи пунктов:¹

1. "Соли нау" - Новый год, день весеннего равноденствия;
2. "Сари тамуси хура зыворт" - летнее солнцестояние, приходящееся на начало месяца тамус; по словам некоторых ягнобцев с начала месяца тамус начинается летняя чилла;
3. "Сари тирма" - наступление осени. В приметных местах на окрестных горах, где на основании прикосновения солнечного диска на закате к той или другой точке горизонта определяется начало календарных периодов, для этого периода служит та же отметка, что и для Соли нау, т.е. иначе говоря, первый день осени, день осеннего равноденствия, обозначается закатом солнца в той же точке, что и день Сари сол - весеннего равноденствия;
4. "Гусола хуфтак" - приходится на 20-й день осени, считая со дня осеннего равноденствия; в силу начавшихся холодов телят с этого дня не выпускают наружу, чтобы не замерзли, в то время как взрослая скотина днем продолжает ходить на пастбище;
5. "Нисфи тирма" - наступает по истечении 45 дней осе-

1 Большой точности и единства в определении всех перечисленных пунктов у разных лиц в Ягнобе не имеется. Так, некоторые уверяли, что летней чилли не имеется, в то время, как другие говорили, что она есть. При нашем посещении Ягноба в 1927 г. в сел. Бидив начало тамуса (тамуза) пришлось на 22 июня.

ни; холода к этому периоду так усиливаются, что с этого дня скот обычно наружу из хлевов до весны больше не выпускается;

6. "Сари чилла" - начало зимней чилли, как обычно называется зимний сорокадневный период; следует, однако, отметить, что выражение "чилла" здесь несколько растяжимо, соответствует зиме и состоит из: 1) периода "бахман" в 20 дней, который называют также "малой чиллей" - "чиллаи хурд", 2) следующего за ним 40-дневного периода собственно чилли, приходящегося на самые сильные холода, и 3) месяца хут, разделяющегося следующим образом: а) 15 дней месяца хут, б) 8 дней оджув, в) 3 дня нахс, г) 7 дня оби рахмат; этим заканчивается период зимы;

7. "Хура зыворт" - зимнее солнцестояние является в то же время также серединой зимы - "нисфи зимистон" (зимистун).

Для наблюдения и определения этих периодов в каждом селении Ягноба имеются намеченные пункты (точки) на линии горизонта окрестных гор, где заходит или восходит солнце в данный день.

(Папка № 7-а, стр. 32 - 33)

Запись со слов Мулло Ниёза (из сел. Маргтумайн). Ташкент. 12 декабря 1927 г.

По окончании большой сорокадневной зимней чилли наступает двадцатидневный период "бахман". Существует следующее выражение относительно него, произносимое по-таджикски: "Орд кун даҳ ман, хизум чин як хирман - ками кунат, наалат ба ман" - "Заготовь десять манов муки, набери одно гумно дров; если не хватит - пусть я буду проклят".

Считается, что период "бахман" отличается большими холодами, не уступающими зимней чилле, а часто даже ее превосходящими. За бахманом следует месяц "хут". Период бахман иначе также называется малой чиллей - "чиллаи хурд".

Период оджув, в Ягнобе называемый Кампири Хол-джун, начинается со второй половины месяца хут и продолжается семь дней и восемь ночей. Старуха в это время, спасаясь от холода, сидит в дупле дерева - "дирáхте пúкай" и произ-

водит холодный ветер. Он настолько неблагоприятен для людей, что женщины не моют в это время голову, а мужчины ее не бреют. Востер этот прекращает рост, благодать роста, и если вымыть голову и ветер после этого коснется головы, то волосы перестают там расти, голова плешивеет. Он настолько вредоносен, что молоко в это время переносят (например, подоенное молоко из хлева в дом), тщательно закрывая сосуд полами халата, чтобы его не коснулся ветер, так как иначе он иссушит вымя у коровы и она не будет доиться.

За периодом оджуз следует трехдневный период "нако"; а за ним также трехдневный "оби рахмат". Этим заканчивается месяц хут, и наступающий непосредственно после оби рахмат Новый год - Науруз приходится на первое число следующего месяца.

[Запись без указания места]

Оджуз - "оџуз". Семь дней периода оджуз перед наступлением тепла, когда дует холодный ветер и свирепствует непогода, объясняется агонией умирающей старухи Оджуз: "Оџузе џон-каниш асте - нисше, тирт" - "У Оджуз выходит (умирает) душа - выходит, уходит".

В эти дни, если выносят из дома молоко (свежее или кислое - "белое"), то, чтобы не поразила Оджуз, бросают туда кусочек копоти, взятой снизу котла. Принеся в мехмон-хону, например, его вылавливают и выбрасывают. Считается, что если Оджуз поразит, то скот заболит.

Запись со слов Мулло Ниџза (из сел. Маргтумайн). Ташкент, 12 декабря 1928 г.

В Туркестане имеется два солнечных счисления, различающихся между собой, по-видимому, только по времени наступления моментов, входящих в счет. "Бухарский счет" - "хисоби Бухоро" и "скотоводческий" - "хисоби чорводор". Последний идет впереди первого на восемь дней. В Ягнобе применяются к "бухарскому" счету, но Куль в своем счете придерживается скотоводческого.

В Ташкенте также считают по скотоводческому - "чарводор ҳисоби".

(Папка № 7-а, стр.32-34-а)

Сел.Таги-Чанор, Каши и Пулла-Роут. 28 августа 1927 г.

Год делится на две половины по шесть месяцев, один от Нового года до осеннего равноденствия, другой - до Соли нау. Женщины всего кишлака собираются в один дом, каждая приносит муку и масло. Делают общее тесто, пекут блины. Одна печет, другая делает. Потом вместе едят. Остальное делят и разносят по домам.

Сядясь, говорят: "Арвоҳи гузаштагон" -
 "(В память)духов умерших предков".
 Хозяин дома встает - говорит: "Хуш омади" -
 "Добро пожаловать".

Читают и на Сари сол и осенью:

"Шукрона ниямат.
 Равонии ганч,
 Саломати ҷамият.
 Ҳамин дамҳоро парашон накуни
 то соли дигар"

(Папка № 7, стр.94-а).

Календарные и сезонные праздники

[Запись без указания места]

Науруз (Реликты древнего таджикского быта в Средней Азии). Празднование весеннего равноденствия, местами также и зимнего поворота солнца на весну, в глубокой еще древности захватило Среднюю Азию и превратилось в празднование Нового года, вылившееся повсюду в народный праздник весны, имевший место не только среди таджиков, но и казахов, узбеков и других народностей Средней Азии.

Соли нау - Новый год. Накануне Нового года жилище тщательно подметается, причем не только подметается пол, но

и сметается пыль со стен, даже подметаются прилегающие к дому дорожки и площадки. Внутри жилище подметают женщины, снаружи, как равно и уборка мечети и михмон-хоны, — дело мужчин.

При уборке дома берут некоторое количество пшеницы (4-10 ф., смотря по зажиточности) и раздробляют зерна на ручной мельнице — "далда", имеющейся в каждом доме.¹ Эта далда, собственно, в настоящее время и держится в домах только для этого случая, наподобие форм для куличей и пасх в домах у русских.² Раздробленные зерна пшеницы сначала варятся в котле — у богатых с мясом, у средняков — с молоком и у очень бедных иногда даже просто на одной воде. После того, как в печке — "танур" выпечены хлебы, варево переливают в глиняный горшок, где оно еще продолжает преть до вечера — "то намози дигар", превращаясь в род киселя. Это блюдо называется "кашк" и составляет обязательную принадлежность празднования Нового года в каждом ягнобском доме.³ Помимо Нового года кашк никогда не варят.

Помимо кашка в каждом доме печется одна очень большая лепешка, преимущественно из пшеничной муки, из кислого теста, называемая "кумочи". Она бывает около 1/2 метра в диаметре и пальца в четыре толщины. В канун Нового года, называемый

¹ В случае смерти кого-нибудь в доме, если покойнику не исполнилось еще года, далда в этом доме на этот раз не употребляется, и это воздержание от употребления считается выражением траура (мотамдор).

² Ягнобцы мне говорили, что если бы не было необходимости готовить специальное блюдо на Новый год, где для раздробления зерен пшеницы употребляется далда, то последнюю бы не держали. Помимо Нового года далда очень редко употребляется, иногда у бедняков в том случае, когда кончилась мука и в доме нечего есть.

³ Как упомянуто, кашк не варят в тех домах, в которых был покойник за промежуток времени, начиная с предшествовавшего Науруза. Обитатели такого дома довольствуются кашком, приносимым их соседями.

также "арафа", как и кануны двух главных мусульманских праздников – Курбана и Рамазана, эта лепешка не употребляется и оставляется на самый праздник. Кашк же по его изготовлении разносят в деревянных чашках по соседям, которые обыкновенно опоражнивают принесенные чашки и наполняют их своим кашком; этот полученный от соседей кашк люди относят к себе и вливают в сосуд со своим собственным запасом. Такой обязательный обмен кашком между односельчанами ограничивается только своим селением, и кашк за пределы последнего не носят.¹ Обмен стараются закончить до наступления темноты. Вечером, перед тем как ложиться спать, после последнего намаза хуфтан – около 9 часов вечера, вся семья садится есть кашк. Если в михмон-хоне нет приезжих гостей, то вся семья ест в одной комнате, причем мужчины, женщины и дети делятся для еды на три отдельные группы. Если же есть гости (подразумеваются мужчины), то мужчины идут в михмон-хону и едят пищу с ними. Самое съедание кашка рассчитано, по-видимому, так, чтобы приходилось на момент наступления Нового года, так как после того как все поели, старший из присутствующих, читая Фатиху после еды, говорит: "Муборакбоди Соли нау, даффи бало. Арвохи гузаштагон. Аллох акбар!" – "Да будет благоденствие Новый год, отвращение несчастий. (Поздравление в честь) духов предков. Бог велик". Т.е. считается, что в это время Новый год уже наступил. Богатые люди, помимо кашка, в этот вечер варят еще палау или другую пищу. После еды ложатся спать. Никакого олицетворения появления Нового года подобно тому, как это делают в верховьях р.Пяндж, в Ягнобе не наблюдается.

День Нового года начинается с колядования ребятишек – "соломад", ходящих по крышам домов (обыкновенный способ хождения по селению) и переходящих от одного дымового отверстия

¹ Между родственниками, живущими в разных селениях, существует обычай ходить с поздравлениями друг к другу в день Нового года, поев "чанголи", причем относят "кулча" – небольшие хлебные лепешки. В том доме, куда принесены кулча, принесших отдаривают равным количеством кулча своей выпечки.

"руча" к другому. Подходят, однако, только к таким, которые приходится над очагом — "инкире руча". Кричат по-таджикски: "Сол омад, сол омад, соли нау муборак бод!" "Год (новый) пришел, год (новый) пришел! Да будет благословен Новый год!" Снизу старшие отвечают: "Ник бод, ник бод!" "Да будет хорош!" Вслед за тем выбрасывают сквозь отверстие на крышу большую деревянную ложку и спрашивают у стоящих наверху: "Руболо ё парру?" "Вверх или вниз?" Если ложка упала "лицом" вверх, донышком вниз, — это примета, что предстоящий год будет хороший, будет дешевизна, если донышком вверх — будет дороговизна, засуха, неудачи.

Колядовавшим ребятам дается в награду чашка кашка, и они идут к следующему дому. Не довольствуясь этим обходом, ребяташки, когда наступает очередь приготовления пищи, снова приходят и опять кричат то же приветствие. На этот раз им подают сквозь то же отверстие горшочек с молоком, политым сверху маслом и прикрытым хлебной лепешкой кулча.

Приблизительно около 10 часов утра (т.е. во время обычной горячей пищи ягнобцев) устраивают из заготовленного хлеба "чанголи" — довольно обычное лакомое блюдо, которое состоит в том, что заготовленную большую хлебную лепешку кладут на деревянное блюдо, поливают горячим молоком и горячим же коровьим маслом, после чего это все измельчают ложкой, превращая в нечто вроде тюри. После еды читается опять та же заключительная молитва, как и накануне: "Муборакбоди соли нау, арвохи гузаштагон, даффи бало! Аллоху акбар!".

До революции, когда в Ягнобе насчитывалось до 300 лошадей, за три дня до наступления Нового года (с начала трехдневного периода "оби раҳмат", непосредственно предшествовавшего Новому году), на льду Ягноб-Дарьи ниже с.Петип устраивалось гулянье — "сайл". Съезжавшиеся верховые предавались, показывая свое удалство, конной игре с козлом, а остальной народ любовался зрелищем. В день Нового года, однако, это гулянье прекращалось. Это опять-таки дает лишнее указание на характер Науруза, как скорее праздника мертвых.

В настоящее время, по словам ягнобцев, никаких развлечений перед или во время Науруза на устраивают (конная игра

не может устраиваться, так как во всем Ягнобе сейчас насчитывается только три лошади).

В тот же день Нового года или на другой или даже на третий день¹ ходят с поздравлениями и для чтения Фатиhi (с упоминанием об умерших) в другие селения к родственникам, относя им, как сказано, кульки и получая от них таковые же.

Обычая ходить с общими поздравлениями для всех не имеется, но все же некоторые старики ходят по домам тех из односельчан, к которым более склонны, прочитывая там короткий стих из корана (не меньше трех оятов) — это считается приношением в честь умерших — "ба арбохи гузаштагон", дань последним.

Вообще в праздновании Нового года, считающегося сугубо днем, когда все духи предков посещают свои дома, сквозит чествование в этот день мертвых.

Обычая употреблять на Новый год в Ягнобе варочные яйца тоже не имеется, может быть главным образом потому, что там, благодаря суровому климату, очень редко встречаются куры, а следовательно и яйца.

(Папка № 7, стр. 91-в — 96)

Запись со слов Мулло Ниёза. II
мая 1928 г. Ташкент.

Отсутствие в Ягнобе обычая "гулгардони" — прогулки по цветам. Любопытно, что этого обычая, как вообще обычая колядования (на Новый год, в Рамазан и др.), а также никаких подобных процессий, как, например, додольских процессий, наблюдаемых у равнинных и даже горных таджиков (например, в соседней Матче) в Ягнобе совершенно, по-видимому, не имеется. Так, по крайней мере, меня уверяли ягнобцы. Чем это объяснить? Малолюдность селений в Ягнобе, не позволяющей развиваться обычаям, требующим некоторой скученности для этих ак-

¹ Теоретически Науруз празднуется в течение трех дней, но практически это не соблюдается, и третий день саркастически называется "Иди беномусо" — "Праздник бесстыжих".

(Папка № 7, стр. 91-в — 95)

тов выражения общности, или тем, что эти обычаи были принесены в Среднюю Азию извне. Я бы лично скорее был склонен считать, что эти обычаи, распространенные и в других местах среди таджиков, в Ягноб еще не дошли благодаря его изолированности, позволившей сохранить старый свой язык и не допустившей до сих пор сколько-нибудь ощутительного проникновения таджикского языка в этот, крайне трудный для попадания, высокогорный уголок. Может быть, этим объясняется и слабое празднование Науруза, а также сохранившиеся еще следы празднования в древнее время двукратного нового года в солнечном году — года, продолжавшегося шесть месяцев, следы которого можно, по-видимому, наблюдать в некоторых верованиях как в Ягнобе, так и в некоторых других местах Горного Таджикистана, например, в Припамирских странах (зафиксирован в долине Ванча) и в верховьях Бартанга, в б. сел. Сарез.¹⁾

(Папка № 7-а, стр. 177)

Запись со слов Мулло Ниеза
Ташкент, 24 декабря 1928 г.

Барфи. Этот обычай, широко распространенный и на равнинах, имеется и в Ягнобе, где он точно также, как и на равнинах, называется "барфи". Судя по таджикскому названию, можно но предположить, не заимствован ли он, проникнув в Ягноб от равнинных таджиков.

Когда выпадает первый снег, то в тот же день (если день пропустить, то обычай уже теряет силу) берут от местного муллы записочку с надписью "Барфи нав аз мову барфи аз шумо". Иногда, как и на равнинах, в записку вписывают еще, сколько какого угощения и для скольких человек должен поставить тот, кому предназначена записка. Обычно такие посылки происходят между отдельными селениями и среди различных домов одного и того же селения не практикуются. В таких случаях одно селение посылает своего гонца — выбирают наиболее быстроногих и

¹ См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 2, Сталинабад, стр. 167 и 326.

проворных — в другое. Ответственность на него ложится большая, так как, если его поймали при его миссии, то не только не получает угощения ни он, ни пославшее его селение, но, наоборот, он подвергается крайне жестокому обращению от схвативших его, а пославшее селение само должно угощать тех, на чей счет оно хотело угощаться. При выпадении первого снега все селения в такой степени заинтересовываются "барфи", что во многих из них на окраинах ставят караульчиков, чтобы они смотрели, не покажется ли какой-нибудь подозрительный путник со стороны, подходящий к их селению. Очень опытный глаз может отличить готовящегося любителя испытать свое счастье. Есть и подходящие приметы для этого: во-первых, его костюм. Все подтянуто, налегке. Сам он часто босой, чтобы легче было бежать от погони. Причина, почему каждый старается подтянуть свой костюм, — если что-нибудь у него упало в поспешном бегстве и досталось в руки преследовавших, например тубетейка бегущего, то он проигрывает. Если подошедший выглядит подозрительно, а караульный умен и опытен, он его схватывает, кричит, подзывая односельчан, и задержанного обыскивают, не оставляя ни одного места на его теле в поисках записки.

Волнуясь поэтому за себя и за свою репутацию в своем селении, которое он может подвести своей неосторожностью, посланный, стараясь прикинуться идущим по какому-нибудь делу, приближается к намеченному селению. Обыкновенно он входит в какой-нибудь дом, где тихонько кладет принесенную записку — чаще всего под кошку, на которую он садится. Если оставить где-нибудь в другом месте, то бумажка может попасться на глаза сразу и дело будет испорчено. Иногда он передает бумажку какому-нибудь простачку в селении, говоря, что это питье, данное ему для передачи от кого-нибудь. В том и другом случае, отойдя на небольшое расстояние, он кричит: "Посмотрите, у вас под войлоком в доме барфи" (кричит вслед человеку, взявшему бумажку как письмо, что это барфи) и тотчас пускается бежать изо всех сил к своему селению. Тотчас же поднималась общая тревога по всему селению. Если беглеца не догнали и у него по дороге ничего не упало, то тогда он и его селение выиграли и угощаются за счет обманутого селения. Если же он попался, то получается очень печальная для него кар-

тина. Схватившие его жители очень зло, на основании установившегося обычая, забавляются на его счет. Его валят, часто бьют при этом, лицо вымазывают ослиным пометом, кроме того вымазывают еще сажей, достаемой со дна котла. Пойманного сажают верхом на осла, задом наперед - классическая манера для издевательств над преступником. Его босые - чтобы быстрее бежать от погони - ноги связываются под животом осла. Окруженного издевающимися жителями данного селения, его везут в таком виде по направлению к его собственному селению. Упрасивания и униженные мольбы попавшего даже в таком, например, виде, как "Аз барбье худо азобам натифорт, чулло-тшинт хуаром", т.е. "Ради бога, не мучайте меня, - я съем ваш..." и пр. - не помогают.

Доставленный в таком виде в свое селение, он передается сконфуженным его односельчанам, которые обязаны тотчас же устроить угощение, которое они сами назначали в своем барфи, причем посылают в селение, где поймали посланного, за всеми теми, которые должны были угощать, с тем, чтобы приходили угощаться. (Упомянуть об аналогичном обычае, описанном Н.С.Лыкошиным и др.).

(Папка № 7-а, стр.154-155)

Меры длины

Запись со слов Мулло Нияза (из сел. Маргтумайн). Ташкент, 12 октября 1927 г.

1. "Билиск" - расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами.
2. "Чор-ангушт" - расстояние между концами раздвинутых пальцев указательного и мизинца.
3. "Бауаб" - то же между краями раздвинутых пяти пальцев - большого и мизинца, соответствует нашему $1/4$ аршина.
4. "Ду илик" - расстояние между раздвинутыми указательным и средним пальцами.
5. "Се илик" - то же между тремя.

6. "И чинчилак" - ширина одного пальца.

7. "ч'орак" - длина вытянутой в сторону руки от углубления в ключице до конца пальцев.

8. "Кулоч" - маховая сажень.

На шаги "кадам" обычно не считают, - разве только мастера - "усто" при постройке здания. Причем и в последнем случае под словом "кадам" мастерами при измерении считается длина ступни.

(Папка № 7-а, стр. I56-I57)

ВЕРОВАНИЯ И СУЕВЕРИЯ

Демонологические представления

Сел.Бидив.

Аджина (эльфы?). Существует представление, что небольшие человекообразные женского рода демонические существа, ро-
стом с девочку лет 4-5, называемые "аџина", собираются иног-
да по ночам на летовках - "хон" и танцуют под звуки бубна. Од-
на из них бывает хромая, она караулит остальных во время тан-
цев.

Олбасты или Ол.^I Вредит роженицам. Высокого роста, с
желтыми волосами, достигающими до пят, с голубыми глазами. Оде-
та в рваное платье, часто шкуры. Она протягивает руку через
половые органы женщины и обрывает, вытягивая внутрь и извле-
кая таким образом, язык² роженицы. Последняя вследствие этого
умирает. Мужчинам она не вредит. Чтобы предохранить от нее
рожицу, около последней оставляют постоянно в течение 40
дней послеродового периода старуху или вообще кого-нибудь.

Она иногда вредит и новорожденному ребенку, ударяя
его своей рукой, отчего на ударенном месте ясно обрисовывают-
ся в черном подтеке следы ее руки (пятерни), и ребенок потом
умирает.

Она также стремится вымыть в воде утащенные у рожени-
цы сердце и печень и тогда последняя умирает. Это ее свойст-
во было бы очень губительно для человечества, если бы одно-
временно не существовал бы один старик, который ее в таком
деле подстерегает, хватая ее, когда она несет печень и серд-
це, и приводит к роженице, заставляя положить их на место и
дать зарок, что в течение семи поколений она не будет вредить

^I "Олбасты" - таджикское название, которое иногда
употребляют и ягнобцы. Сами же, промеж себя, они называют
этого демона большей частью "Ол".

² Отметить разницу у разных народов (сердце, печень,
легкие).

в этом доме. Как ол, так и этого старика люди обычно не видят.

Девн сафид, Девн сафед, по-ягнобски Сипита-деу, Сафет-деу. Имеет вид очень красивой женщины, очень светлой. Представляется в разном виде - иногда очень высокой. Если она пребывает в доме, то в доме полная удача - все продукты бывают в изобилии.

В Матче также верят в благоденствующее влияние "Диви Сафид" на пищевые запасы. Считается также красивой женщиной.

(Папка № 7-а, стр.30-31)

Сел.Пулла-Роут.29 августа 1927 г.

Девн сафед. Считается женского рода - чистой, белой, одетой в белые одежды. Она светлая, хорошего характера - "хуштабиат", радостная - "дили беам дорат". Своим приходом она доставляет благодать, преуспевание. Она может показаться и молодой и старой. Она может, и иногда принимает, и разные образы, но только белого цвета и из ваты, например, в виде свернутого фитиля из ваты (для светильника), но и не только из ваты. Обычно, когда она желает скрыться и показывает-ся в виде белого фитиля из ваты, то стоит протянуть руку, чтобы дотронуться, как этот фитиль исчезает. Поэтому, если видят где-нибудь вдруг случайно положенный кем-нибудь фитиль, к нему относятся осторожно, чтобы не встретить в нем Девн Сафед.

Она, главным образом, покровительница женщин. В особенности она благоволит к честным, хорошим женщинам. У тех, к кому она относится хорошо, все удается, спорится: если прядет - много выходит пряжи; коровы, овцы, козы - дают много молока, из молока получается много масла и т.д. В особенности она патронесса пряж. Пуская свою прялку и начиная работу, женщина произносит: "Бисмиллохи рахману рахим, аз пайе Девн Сафед. Ту хурр кун - ман пур кунам" - "Во имя бога милостивого, милосердного. По стопам Белой Богини. Ты

помогай, а я выполню ("наполню" веретено)".^I Девы Сафед считается покровительницей пряж. Пятница – это ее день, и тогда не прядут. Если прясть, то она может наказать. Она иногда в таком случае наказывает и, указывая на свое тело, истыканное веретеном пряжи, говорит, что это причинила пряжа.

Сел.Сархади-Куль. Перевод ягнобского текста.

У этого человека имеется Белый див. Этот человек полон хороших свойств: если он протянет руку к муке – мука не кончается, если такая женщина подоит скотину, получается много молока – если шесть голов подоит, получается котел молока.

Если сделает кислое молоко, сольет его в маслобойку, масло поспеет, масло у нее поднимается. Некоторые люди говорят: "Как эта женщина сделала столько масла?" А другие говорят: "У нее есть Белый див, потому и сделала столько масла". Расходует муки столько, сколько поднимает один осел – ничуть у нее муки не убавляется. Женщины говорят: "У этой старухи мука совсем не убывает: каждый день, каждый день разводит огонь, печет хлеб, дает людям; люди едят, никак ее хлеб не кончается". И говорят: "У нее есть Белый див, поэтому не кончается. Ведь если бы у нее не было Белого дива, как же она замешивает столько муки, ест ее целый год, столько дает людям – и нисколько ее муки не убывает". Люди говорят: "Как старуха расходует столько муки целый год, двенадцать месяцев ест ее – никак мука не кончается?" А старуха говорит: "У меня есть друг – Белый див, потому моя мука не кончается".

И говорят еще: "Ты, старуха, садись за прялку – восемь веретен ниток напрядешь, мы же три веретена. Почему

^I Так объясняли мне значение этой фразы ягнобцы. Может быть, первоначально она зародилась в обращении к богине, употребляемом при доении, когда обращаются (после Бисмилло) с этой именно фразой: – "Дар пайе Девы Сафед. Ту хурр кун, ман пур кунам". – "Ты доишь (давай молоко), а я наполню (подойник)". "Хурр" – по объяснению ягнобцев – звукоподражательное, звук струи молока во время доения.

так?" А та старуха говорит: "У вас нет никаких особых свойств, поэтому и не можете напрясть много. Если я напряду восемь веретен, - будет четыре катушки ниток, вы напрядете три веретена, - будет одна катушка ниток. Хотя я и такая старая, за десять дней я приготовлю пряжи на сорок гязов ткани, а вы, молодницы, и за месяц на сорок гязов ткани не выполните". Тогда они говорят: "Ты старуха, как же ты за десять дней выпрядешь пряжи на сорок гязов ткани?" А она говорит: "У меня есть друг - Белый див, поэтому моя работа благословенна".

(Папка № 7-а, стр.149-151)

Следы почитания огня

По имеющимся до сих пор смутным преданиям, предки ягнобцев якобы были огнепоклонниками, принимали потом мусульманство, снова отпадали от него, опять становились мусульманами и т.д., пока, наконец, ислам не утвердился достаточно прочно. Среди следов, может быть, бывшего почитания огня можно отметить следующий (довольно обычный вообще для Средней Азии): огонь не тушат никогда даже до сих пор дыханием, так как это считается грехом, хотя для раздувания дыхание (ртом) применяется свободно. Исключение составляют уже керосин, лампы, очень сильно распространившиеся за последние 30-40 лет в Средней Азии и начинающие понемногу проникать теперь даже в Ягноб. Когда нужно тушить светильник, то тогда фитиль или прижимают чем-нибудь к краю светильника, или окунают горящий конец в масло.

(Папка № 7-а, стр.29)

Космогонические представления

[Запись без указания места]

Гром называется "тунтурак". Некоторые ягнобцы считают, что он происходит оттого, что облака иногда упрямятся пролить дождь на землю, и ангел тогда бросается на них с ножом. От этого происходит гром. По другому варианту, на небе между ангелами происходит спор. Один приказывает облакам лить дождь,

другой запрещает. Тогда первый бросается с ножом на запрещающего и между ними происходит борьба, звуки, топот от которой доносится в виде грома.

Молния называется "раъдак".

Грибы, белые, вырастающие весной после дождей, называются "хорчак", считаются происходящими от капающих с неба капель молока из груди Фатимы и Зухро^I во время весеннего дождя. Самый дождь - это молоко облака - "абре хшифч".

Падающая звезда. У каждого человека на небе есть своя звезда. Когда падает звезда - кто-нибудь умирает.

(Папка № 7-а, стр.97)

При затмении солнца и луны, помимо азана, выносят кожан, раскрывают и показывают темнеющему светилу. Считается, что это происходит оттого, что какой-нибудь брат вступает в этот момент в половое сношение с сестрой.

(Папка № 7-а, стр.14-а)

Сел.Бидив.26 июня 1927 г.

Приметы

Если чешется правая ладонь - отдавать кому-нибудь что-нибудь, платить деньги.

Если чешется левая ладонь - получать, брать деньги.

Если чешутся подошвы ног - к дороге.

Если веко подергивается до 3 раз - хорошая примета. Если больше - к болезни.

Если появится сорока и будет стрекотать - не к добру, плохая примета.

Если поперхнуться при еде, говорят (другие) при этом:

^I Считают, что это две сестры-близнецы. Поэтому, если родятся девочки-близнецы, то их называют этими именами (мальчиков - Хасан и Хусайн).

"Даррау хуар - и одам чаддон ввоуакш аст" - "Ешь скорее, кто-то оыстро идет (торопится)".

Сел.Пулла-Роут. 13 августа

Если кошка "умывается", это к гостю.

(Папка № 7-а, стр.144)

Счастливые дни

Следует отметить, что обычно для каждого большого дела имеются свои определенные дни недели, когда его следует начинать. Так, например:

Молотьба на гумне начинается ежегодно по средам.

Постройка здания - по субботам: в этот день был сотворен мир.

Жатва начинается в среду.

Запрягание впервые молодого быка в плуг - по вторникам, вечером.

Пахота и посев - в среду (как и жатва).

(Папка № 7-а, стр.146 и 148)

РАЗНОЕ

Метание жребия

Разговор с Мулло Ниезом.

Ташкент. 3 января 1928 г.

Жребий называется "чак". Это же слово встречается в том же значении и среди таджиков. Таджикский "чак партофтан" соответствует ягнобскому "чаке партовак". Бросание жребия довольно часто применяется в ягнобском быту, в особенности там, где приходится иметь дело с дележом чего-нибудь. При забое, например, животного, мясо которого по условию должно быть разделено пополам, делят его по возможности на две равные части, затем берут два ножа, условливаясь, что один будет представлять право одного человека и другой - другого, и подзывают ребенка в таком возрасте, что он может понимать, что ему говорят, но еще не разбирается в сути дела. Ребенку предлагают бросить один нож на одну кучу мяса, а другой нож - на другую. Каждая кучка становится собственностью владельца упавшего на нее ножа.

Но нож, являясь, по-видимому, главным способом метания жребия, представляя собою, как и в свадьбе, своего хозяина, применяется преимущественно при разделе мяса, что очень часто имеет место в быту ягнобцев. Для других же целей, например, при определении доли урожая (когда зерно провеяно и разделено на кучи), применяют чаще всего другие средства: ребенок бросает таким же манером два камешка, две палочки и пр.

(Папка № 7-а, стр. 162)

Болезни

Сел. Кули Боло. 20 июля 1927 г.

Страдают какой-то продолжительной болезнью, называемой "оинак" (тадж. "оин"). Среди детей часто свирепствует оспа - "тул" (равн. "чечак"). При последней к амулетам - "тумор" не обращаются и их не привешивают.

(Папка № 7-а, стр. 142).

Орнамент, бедность его

Запись со слов Мулло Ниёза.

Ташкент. 27 февраля 1928 г.

Поразительным является отсутствие в Ягнобе сколько-нибудь развитого орнамента. Кроме одного только оригинального, но очень простого, незамысловатого узора, встречающегося иногда на ягнобских сосудах из обожженной глины, других узоров совершенно не имеется, как равно не приходилось наблюдать применения орнамента на чем-либо другом. Таким образом, мы, по-видимому, имеем в Ягнобе минимум орнамента, наблюдаемого в таджикских странах, сведенный только к одному простенькому рисунку в керамике. Ни вышиваний, ни украшений стен домов, дверей и пр. какими-нибудь узорами нет совершенно.

Единственные рисунки, которые удалось найти, кроме одного, в Ягнобе — это изображения горных козлов на скалах, называемые "нахшир". Они имеются, например, на скалах около сел. Шахсара, по словам ягнобцев, в окрестностях мельниц в урочище Хутаннаи-рот (Дорога на мельницу). Их, по словам ягнобцев, выбивали скачущие ягнобцы, сидевшие на мельнице в ожидании, пока будет перемолото их зерно. Выбивают они эти изображения имеющимся на мельнице осколком железного (чугунного) старого наконечника плуга, лопнувшего при пахоте. (Основное назначение его теперь на мельнице — подновлять стирающиеся насечки на жернове).

Такие же изображения горных козлов, как говорили ягнобцы, иногда рисуют дети на стенах домов, употребляя для этого сок черной смородины — единственной ягоды Ягноба. Но это, по-видимому, бывает очень редко. Кроме нахшир и упомянутого простенького узора в керамике, называемого просто "нахш" (рисунок), никаких рисунков или орнамента не замечено.

(Папка № 7-а, стр.49-У)

Запись со слов Мулло Ниёза (из сел.Маргтумайн). Ташкент,
6 апреля 1928 г.

СКАЗКА

Сказки в Ягнобе рассказываются главным образом зимою и преимущественно, как и в других местах среди таджиков, перед отходом ко сну. Место, где рассказывается ягнобская сказка, как и среди других горных таджиков, "михмон-хона", где и рассказчики, и аудитория состоят из жителей, которые остаются там ночевать и, потушив огонь, чтобы лучше заснуть, заставляют кого-нибудь рассказывать в темноте. В другое время сказка обычно не рассказывается. Вероятно, это объясняется повседневными обычными заботами и недостатком свободного времени, связанным с неизбежной необходимостью оставаться без движения на месте. Отрицательного отношения к рассказыванию сказок днем на какой-либо другой почве (как, кажется, упоминается у И.И.Зарубина) в Ягнобе не встречалось, и сами ягнобцы очень спокойно рассказывали днем, когда их об этом просили. Среди женщин, по словам ягнобцев, знающих сказки сравнительно меньше, но все же и они рассказывают вечером с той только разницей, что в то время, как мужчины сказки обычно говорят, уже улегшись по своим местам перед уходом ко сну и потушив огонь (в темноте), среди женщин ее говорят главным образом при огоньке и, реже, улегшись в постели, в темноте. Специальных сказочников в Ягнобе нет, но некоторые жители в том или другом селении славятся тем, что знают много сказок, слышанных ими от разных лиц, и таких лиц заставляют рассказывать сказки предпочтительно перед другими. Особого названия, соответствующего нашему слову "сказочник", нет, но его заменяют, говоря о ком-нибудь, описательным выражением "Бисийор афсона ғиривист" - "много знает сказок". Реже применяют таджикско-персидское название "офсонадон".

По-видимому, сказки определенных названий не имеют, но некоторые называются по главным действующим лицам: "Панджак-Палавон" - "Богатырь на пятерых", "Ашь-Биби афсона" - "Сказка про Ашь-Биби", "Одина", "Кал Ахмад" - "Паршивый Ахмад" и т.п. Иногда, вместо названия, говорят начало сказки: "И биwa вута, и ғайк"... - "Жила-была одна вдова (и) одна девушка..."

Тамги

Тамговые знаки в виде изображений, по-видимому, в Ягнобе не существуют. Спрошенные мною ягнобцы отрицали существование таковых. Для заметок на своей сравнительно немногочисленной скотине они делают надрез на одном ухе каким-нибудь характерным способом. Иногда вместо надреза вырезают дырочку. Такой знак называется "дуруш" (среди окрестных таджиков - "буруш"). Помимо меток скота это слово не употребляется.

(Папка № 7-а, стр.175)

Сел.Бидив.24 июня 1927 г.

В Ягнобе нет до сих пор:

- 1) ни одной швейной машины;
- 2) ни одного кузнеца;
- 3) только один плотник (в сел.Маргтумайн - усто Зоҳид), и то плохой;
- 4) ни одной лавки с чем бы то ни было;
- 5) только 4 примитивных точильных станка - "чарх" насчитывается на весь Ягноб;
- 6) почти нет школ; кое-кто из грамотных местами учит читать своих домашних;
- 7) во всем Ягнобе только один человек ("Калаур", в с.Дех-Баланд, 45 лет) умеет писать, хотя имеется ряд лиц, умеющих более или менее читать. Кроме того, пишет еще Мулла Ходжа в сел. Хисоки-Дарв;
- 8) решительно нет никакой медицинской помощи, в какой бы то ни было форме; население обращается только к знахарям и собственным "отчитывающим" полуграмотным муллам, пишущим амулеты;
- 9) во всем Ягнобе только 4 лошади (до революции было около 300; главным образом, лошади уведены басмачами).

(Папка № 7-а, стр.39).

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ^I

Абре хшифч I7I	Бекин I54.
Авва́ле кáнаке киро I5I.	Бидова́нка II4.
Азон I25, I29	Бидо́вин (бидовин) II4.
Ай́ли - ҳалқа 28.	Бидоне-майн (мейн) 99.
Айвон I00.	Билиск - I65.
Ако I2I, I22, I24.	Боби I2I.
Акта III, II2, II4.	Бобо I2I.
Алау-хона I07, I08.	Боло-хона рис. II.
Алока II0.	Борони II3.
Алоча 86.	Боҷа I22.
Амак I2I, I23, I27.	Бу I43, I44.
Ама́ки жу́та I2I.	Буруш I76.
Ама́ки райк I2I.	Бухори 92.
Амма I22.	Буғунт II4.
Ангушт: чор ангушт I65.	Бу́жа 64, 78.
Аппа I22, I24.	Бу́жа-роу 80
Аппа-хон I24.	Буҷул II3.
Арафа I44, I60.	
Арбоб 23.	Варғ 69, 7I.
Арво́ҳи (арвоҳи) гузаштагон I57.	Ва́рге то́ба 7I.
Ароф I29.	Ваҷаб (waҷab) I65.
Аср I45.	Васак I26.
Ато́ни, атуни 32.	Виғна (wигна) 79.
Аф(т) пушт (ҳафт пушт) I20.	Вирод, вирот I2I, I24.
Афт пуштай (ҳафт пуштай) зы-
вок 37.	Воп (wop) 80, 79.
Афтобру 3I, I35.	Вор (wor) 80.
Ачина I67.	Во́рза, во́рса 32.
	Во́рса 32.
Ба́нди юуллоқ рис. I4.	Воск 7I, I53, I54.
Барфи I63, I64.	Во́ске то́ба 7I.
Бахман I56.	
-----	Галча см. Ғалча

^I Термины в указателе расположены в порядке букв таджикского алфавита.

Гатча 25.
 Гарау 150.
 Гилим 132.
 Гирди 115.
 Гудар 99.
 Гуйбоз 30.
 Гул 174.
 Гулгардони 162.
 Гундушкак рис.14.
 Гусола-хуфтак 155.
 Гяз 89,151,170.
 Давра (даура) 117,134,135-137.
 Далда 159.
 Дарёё 70.
 Дастак 106.
 Дастор 110.
 Дастурхон 26.
 Даст-халита 133.
 Деви сафед (сафид) 168,169.
 Дж см.4
 Дивар рис.12.
 Дивар сарай пича рис.13.
 Диворак 103.
 Дигар 129.
 Диравна (дирауна) 81.
 Дирахте пукай 156.
 Дирот 79.
 Додар-арус 122.
 Додар-хон 124,150.
 Додо 121.
 Додое чуҷат 127.
 Дока 110.
 Долон рис.5.
 Доманай-гудар 99.
 Доманаш зой 54.
 Дорк рис.13.
 Ду илик 165.

дукак рис.3, рис.5.
 Дукон рис.11.
 Дуркой 100,101.
 Дуруш 176.
 Дыбыза 81.

Ебир 120,121.

Жота 32.
 Жута 32,121.

Замч 25.
 Зағир 86.
 Зиванта (зиwанта) 74.
 Зое варғш 71.
 Зое воскш 71.
 Зой 52.
 Зокфуруш 25.
 Зоҷа-роу 100.

и: и чинчилак 166.
 Ёди беномусо 162.
 Илик: ду илик, се илик 165.
 Инкир 104.
 Инкире-руча 161.
 Инкири-рах 104.
 Инкир-рита, инкирита 104.
 Инкир-саре 104.

Ка, каҳ 80.
 Ка'дон рис.8.
 Калимаи шаҳодат 128.
 Калтуф 126.
 Камон-ғулак 85.
 Канна 101,105,132,133,рис.3,
 5,11,12,13.
 Карбос 89,111,114.
 Кат 95,100.

- Катак II4.
 Кате (кати) деваре кой I00.
 Кати деваре зой 54.
 Катта хан 71.
 Кафан I33, I34.
 Кашк I59-I61.
 Кашниз 45.
 Келин I22.
 Кимарча III.
 Кишок 64, 78.
 Кишта 60.
 Кой 95, 98, I00, I01, I06, I07,
 рисунок.
 Коп I47.
 Кофир 28.
 Кули рис.3, рис.5.
 Кулута I34.
 Кулча I60-I62.
 Кумочи I43, I59.
 Кундош I23.
 Куп 23, 24, I46, I47.
 Курпа II2.
 Курса I33.
 Курта III, II2, I33, I34.
 Курганак 74.
 Кутта 84.
 Куф I42.
 Куча 59, рис.3, 5, II, I2.

 Лакка 52.
 Лалми 49, 54, 55, I52.
 Лачак, лаччак I33, I34.
 Лиқай I8.
 Лақам 25.
 Лаҳади I32.
 Лучак, луччак 48, 54, I34.

 Мағзи III.
 Мағаргам 72.
 Майн 99.
 Макша 81.
 Макша-кояк I00.
 Малла 43, I10.
 Ман I36, I56.
 Манаҳ I28.
 Манйаргам 72.
 Марза 51.
 Марка I8.
 Марсия I31.
 Марғ 79, 99.
 Масқид рис.II.
 Маштак 79.
 Маҳр I37, I38.
 Мейн 99.
 Мешак-ғурда 42.
 Миёнбанд II4.
 Мирос I48.
 Мироси 99.
 Миҳмон-хона, меҳмон-хона 83,
 I00, I03, I06-I08, I57, I59, I60,
 I75, рис.3, II, I2.
 Моиндар I22.
 Мобла 65.
 Мол-коя рис.3, 5, 8, I2.
 Мотамдор I59, I73.
 Мур I03, I04, I06, рис.3, 5, II, I2,
 I3.
 Мурғ-катак I04, рис.4.
 Мушк 44-46, 54.
 Мушта испор рис.I4.
 Мушунг 44.

 Набёра, небёра, небёра I20, I21.
 Навбаст 81.
 Навбат (наубат) 72.
 Навруз (науруз) 56, I57, I58, I61,
 I63.

- Найс 32.
 Назри бодом 110.
 Накс 157.
 Намоз 144, 145.
 Намози 137.
 Намози аср 145.
 Намози дигар 129, 142, 159.
 Намози хуфтан 129, 160.
 Нахс 156.
 Нахут 44.
 Нахшир 83, 174.
 Небира см. Набера.
 Нешиб 72.
 Нийят 139.
 Никоҳ 120.
 Нимги 150.
 Нис см. Найс
 Нисфи зимистон (зимистун) 156.
 Нисфи тирма 155.
 Ниџа 113.
 Нишона 153.
 Нове (nowe) оп 70, 71.
 Ноу 70.
 Нукча 142, 145, 146.
 Об, оп 17, 70.
 Обванчин 71, 72.
 Оби 46, 49.
 Оби зой 54.
 Оби рахмат 156, 157, 161.
 Оби шух 70.
 Обмона пича рис. 13.
 Оин 173.
 Оинак 173.
 Од 167, 168.
 Олбасты 167.
 Оп см. Об.
 Опванчин, опванчи см. Обванчин.
 Олтефар 67.
 Отанг рис. 14.
 Офсонадон 175.
 Охта-роу 81.
 Охур рис. 5.
 Охур-сара 107.
 Оча 121, 123.
 Оча-майли 18.
 Оштончак, оштонча, оштончик
 рис. 3, 5, 11, 12.
 Оят 162.
 Охан 63, рис. 14.
 Оууз 156-158.
 Падар 121.
 Пахралт 40.
 Пай 74.
 Палау 160.
 Палонч 123.
 Пачик 79.
 Пашна 115.
 Пая 152.
 Пеш-айвон рис. 11, 12.
 Пешчӯба рис. 14.
 Пилик 142, 145.
 Пилитта 142, 145.
 Пинонч 123.
 Пистик 104, 106, рис. 3, 5, 12.
 Пича 104, рис. 11, 12.
 Пичик 82.
 Пода-бед 30.
 Подай таке кой 106.
 Пайгае камонак 57.
 Пойчома, пойчоума 112, 113.
 Пойчоума вантш 113.
 Пор-майн 99.
 Порси 12, 13.
 Поша рис. 13.

- Поя 74.
 Пуд III.
 Пуллот I27.
 Пулчак хан 71.
 Пустак I04, I09, I12.
 Пустаки 48.
 Пустахта 54.
 Пучу́нха 69, 71.
 Рабат рис. 3, 5.
 Равзан I00.
 Раг I28.
 Рамазон I15, I25, I43, I60, I62.
 Расми II0.
 Рахна рис. I2.
 Раъдак I71.
 Ра́рза I13, I14.
 Ро́ва (rowa) 79.
 Рисола 62.
 Рун-ко́як, рун-ко́я I00, I07, рис. 3, 5, 8, I0, I2.
 Ру́ча I00, I03-I05, I61, рис. 3, 7, I2.
 Ручак рис. 3, 5.
 Руҳонияти пир 62.
 Руҳсати омм I40.
 Руҷок I18.
 Савоб I31.
 Саво́бе ҷаноза I31.
 Сада 23, 24, I35, I41, I46, I47.
 Сайл I61.
 Сайнаке пад рис. 3.
 Са́кин I05.
 Са́кин-катак I05.
 Са́кин-му́на I05.
 Сакнимона дук рис. 3.
 Салла II0, I37.
 Саловот (из салавот) I29.
 Салом I40.
 Салоти ҷаноза I39.
 Сандали I09.
 Сарай 34.
 Са́ри сол I55.
 Са́ри таму́си ху́ра зиворт I55.
 Са́ри тирма I55.
 Са́ри чилла I56.
 Сарҳад I04.
 Сафет-деу I68.
 Сағира I37.
 Саҳрои 46, 54.
 Севир I22.
 Се илик I65.
 Се чорака 80.
 Сина-банд I33-I35.
 Синҷоб 84.
 Си́па I26.
 Сипита-деу I68.
 Сирай 34.
 Сиркифт 42.
 Сир-пуш I33, I34.
 Ситқа 79.
 Солик 80.
 Соли нау 56, I55, I58.
 Сол-омад I60.
 Со́я-не́ма 33.
 Сояру 31, I46.
 Соғу I06.
 Соғ II5.
 Сурха 48.
 Субай I00.
 Табаккал 25.
 Таборак I42, I44.
 Таёк I41.
 Так II5.

- Така 18.
 Талоқ 120.
 Тамус 155.
 Танур 159.
 Тарма 97.
 Тасмина вѣта 86.
 Тағора рис.13.
 Таҳорат 106,133.
 Таҳорат-хона рис.3,11,12.
 Телпак III.
 Тиёқ 130.
 Тирай 34.
 Тоба 65,69,71,72,102,106,109,
 132,141.
 Тоб-куне 72.
 Тоб-нула 72.
 Тобут 137.
 Този 28,84,85.
 Тоџики 17.
 Туй 120.
 Тумор 173.
 Тунтурак 170.
 Тутум 134.
 Тузли, тукли 80.
 Тузли-кояк 107.
 Тузулли 107.
 Умоч 63,77.
 Уривак 110.
 Успун 71,72.
 Усто 166.
 Уған 79.
 Фалахбон 28,85.
 Фарвор (фарвор) 105, рис.11.
 Фарда-мол 100.
 Фарғуми 81.
 Фатир 49.
 Фаш 110.
 Форсигу 7.
 Фотиҳа, фотҳа 129,130,140,
 142,145,160,162.
 Фотҳай бахше, фотҳае бахшак
 145.
 Халқия 110.
 Хамир 49.
 Хамир-моя дук рис.4.
 Хамир-моя муна рис.13.
 Хан 51,71,95.
 Хан-опа 71.
 Хаси 81.
 Хаф 141.
 Хеш 120.
 Хок 80.
 Хол 123.
 Хола 122,123,127.
 Холак, холак 121,122,127.
 Холаки жута 121.
 Холаки райк 121.
 Холис одам 153.
 Хомак 85.
 Хомна 115.
 Хомна-ванка 115.
 Хон 80,167.
 Хор 82,124.
 Хоркан 52,65.
 Хоркан-деҳ 65.
 Хорчак 110,171.
 Хорчак-сара 110.
 Хуор, хор 122,124.
 Хуҳар-хон 150.
 Хура-зйворт 156.
 Хур-нема 33.
 Хурура 81,141.
 Хурр 169.

- Хусур 122.
 Хушдоман 122.
 Хушнук 45,87.
 Хуштабиат 168.
 Хуфтан 129,160.
 Хшова (хшова) 48,66,82.
 Чабба 80.
 Чагна-мол 100.
 Чак 173.
 Чаке партоувак 173.
 Чак партофтан 173.
 Чалпак 27,143,144.
 Чанголи 77,160,161.
 Чапан 110.
 Чапани 110.
 Чапон 112,113.
 Чарводор ҳисоби 158.
 Чарх 176.
 Чахмоқ 141.
 Чахмоқи 141.
 Чечак 173.
 Чигина 80.
 Чил 143.
 Чилла 116,155,156.
 Чиллаи хурд 156,157.
 Чинчилак: и чинчилак 166.
 Чодар 133,134.
 Чора 106, рис.3,5,7.
 Чорақ 166.
 Чор-ангушт 165.
 Чорук-муза 114.
 Чоҳ рис.11.
 Чушрот 77.
 Чуҷа 127.
 Шамали 110.
 Шибок 81,82.
 Шивина 114.
 Шикори ҳазора 84.
 Шукорчи 81.
 Ши-майн, ши-мейн 99.
 Шоми 132.
 Шурбо 143,144.
 Шухоб 70.
 Эзор 112.
 Юмак рис.14.
 Юуллок рис.14.
 Яғноби 17.
 Язна 122.
 Якта 112.
 Ялми 46,54.
 Янга 122,123.
 Яртиш 135,141.
 Яу 44.
 Яхни 17.
 Ғайк 121,127.
 Ғаланг 20.
 Ғалча 12,13,26,93.
 Ғанак 74.
 Ғантум 44.
 Ғардеза 97.
 Ғбу-қоя рис.5,8.
 Ғудан 142.
 Ғулар 142.
 Ғулинг 87.
 Ғулом 26.
 Ғурда (мн.ч.ғурдот) 40.
 Ғурки вор 80.
 Ғурм 83.
 Ғусл 119.
 Ғушша 79.
 Ғырик 56.
 Ғырик-вида дук рис.11.
 Ғырике чошак 55.

Қадам 166.
 Қадима зывок 35.
 Қадима лавз 35.
 Қайсингил 122.
 Қалами 86.
 Қалб 124.
 Қарақчи 129.
 Қасаба-інкир 103, рис. II.
 Қау 141.
 Қибла 139.
 Қоқ-тарма 98.
 Қулоч 166.
 Қурум 20.
 Қуш 64.

Ҳақи шир 149.
 Ҳалво 143.
 Ҳалвогари 91.
 Ҳафт 143.
 Ҳашар 58, 76.

Ҳисоби Бухоро 157.
 Ҳисоби чорводор 157.
 Ҳунду 27.
 Ҳут 56, 156.
 Ҳўҳра 101, 106, рис. 3, II.
 Ҳавзо 66.
 Ҳавоб-нома 141.
 Ҳаноза 132, 137, 140.
 Ҳил, чиллак 48, 49, 143.
 Ҳияк III.
 Ҳома хшап 145.
 Ҳомъа, ҳумъа 125.

УКАЗАТЕЛЬ
имен собственных, географических и топонимических
названий¹

Абдураззок (Абдураззоқ) 52.	Бобо-ёр 126.
Абдурахмон (Абдурахмон) 77.	Бóге-Сар (Бóге-Сар) 36.
Азиз 126.	Боки (Боқи) 125.
Азраил 128.	Болту 125.
Акрам 126.	Бухара 15, 30, 35, 38, 43, 87,
90, 91, 93, 110, 113, 142.
Александр Македонский 26.	
Аму-Дарья 14.	Вагынзой (Вагынзой, Вагын-
зо, Вагынзое) 21, 23-25,
31, 32, 42, 146.
Акрам-хопизи (хофизи)-Лаб-
чок 126.	Вандж (Ванҷ) 37.
Анзоб, пер. 18, 57, 93, 126.	Варзоб 8, 41.
Анзобе-гар (гар), пер. 18, 57.	Векоб (Векоу) 23, 32, 56, 82.
Арху, пер. 18.	Вешап 40.
Архуе-гар (гар), пер. 20.	Ворсоут (Ворсowут, Варсо-
ут) 21, 24, 28, 42, 48, 74,
86, 106, 117.
Афтобру 135.	
Ахмад (Аҳмад) 128.	Ганчон (Ғанчон), пер. 18.
Ахмад-амак 128.	Ғаре-сар (Ғаре-Сар), пер. 36.
Ахмад-бай 13.	Ғарзой (Ғарзой) 21, 31.
Ашь-Биби афсона 175.	Ғар-инч (Ғар-инч), пер. 20.
Ашур (Ошур) 98.	Ғарм (Ғарм) 36.
	Ғармайн (Ғармайн, Ғармейн,
Ғармен) 21, 22, 24, 31, 33,
34, 42, 46, 55, 62, 64, 65, 68,
95, 115, 116.
Бадахшан 73.	Ғароб 24.
Барзанги, пер. 15, 18.	Гиссар 8, 9, 10, 11, 27, 29, 44,
48, 53, 66, 71, 80, 86, 88, 90,
91, 92, 93, 107, 110, 111, 113,
121, 132, 146.
Бидив, Бидиф, Бедив 18, 20, 21,
23-25, 27, 29, 31-33, 36, 38, 42,
44, 46, 47, 49, 56, 61, 68, 76, 79,
81-84, 89, 98, 99, 101, 103, 104,
108, 146, 155.	
Бидони-Куль 42.	
Бидон-Мейн 36.	
Бобой-Дехкон (Бобои-Дехқон, Бо-
бои-Дихқон, Бобое-Дехқон)
— 61, 62, 63, 76.	

¹Против названий, встречающихся многократно по всему тексту, страницы не указываются, а ставится помета passim

- Гиссарский хребет 8,9,10,
 11,14,15,17,18,41,57,88.
 Голодная степь 15,18.
 Гориѳ (Гориѳ) 73.
 Гузи (Гузи) 9,18,19.
 Гуйбоз, уроч. 29.
 Гуйбозе-гар, пер. 18.
 Гуроса (Гуроса) 55.
 Давлат 78,126.
 Давлат-бек 30.
 Давлат-джон 125.
 Давлат-мо 125.
 Дарай-Харангон 23.
 Дарваз (Дарвоз) 29,33,90,
 107.
 Дарг (Дарг), пер.18,19,36.
 Даръёи-Искандар 13.
 Даръёи-Фон 13.
 Даръёи-Ягноб (Ягноб) 13.
 Дахана (Дахана) 20,22,31,
 33,42,95,116.
 Деви (Диви)-Сафед 168,169.
 Де (Деҳ)-Балад 21,22,31,
 33,34,42,52,176.
 Де (Деҳ)-Калон 20.
 Джизак 18.
 Джумъа 126.
 Домани-Гармейн (Гармейн) 55.
 Думезой (Думизой, Думезо, Ду-
 мезое, Думзо) 21,23,31,32,
 37,42,146.
 Дуст-Махмад (Махмад) 126.
 Душанбе 48,109,146.
 Европа 112.
 Ёли-Хар 18.
 Заамин 18,29.
 Зарубин И.И. 175.
 Зеравшан (Заревшан), р.10,11,
 13,14,26,93.
 Зеравшанский ледник 14.
 Зеравшанский хр. 8,9,10,14,
 17,18,87,103.
 Зидди, сел. 28,41,47,57.
 Зоид (Зоҳид) 53,176.
 Зуманд, сел. 24.
 Зухро (Зухро) 171.
 Идмеѳ, сел. 18.
 Искандар, р. 13,15,117.
 Искандар (Искандер)-Дарья, р.13.
 Искандер-Куль 10,13,18.
 Искандеркульская волость 16.
 Искандеровская волость 7,10,
 11,20.
 Исмоил 53.
 Каль Ахмад (Кал-Ахмад) 175.
 Калаур (Қалаур) 39,176.
 Калоур (Қалоур)-Тепа 30.
 Кампири Хол-джун 156.
 Кампири Хол-джун 156.
 Каноат (Қаноат)-шо 30.
 Кансау 31.
 Канси (Кянси) 20,36,42,46,99.
 Каратаг (Қаратог) 91.
 Каратегин (Қаротегин) 36,80,
 90,107,114.
 Каратобон (Қаратобон), пер.18.
 Каратобоне-гар (Қаратобоне-гар),
 пер. 18.
 Карим 53,126.
 Касан, сел. 34,103.
 Каши, сел. 21,23,24,27,31-34,
 42,49,108,146,158.

- Кирийонте, сел. 20, 36.
 Кок-Су 14.
 Кок-Тепа 25, 28.
 Корвин, пер. 18.
 Кори (Џори) 107.
 Косим (Џосим) 53.
 Кофар-Кала (Кофар-Џалъа) 28.
 Кофири лакка 28.
 Куле-гар (Ғар), пер. 18.
 Кули-Боло, сел. 21, 22, 31, 33, 95, 98, 101, 124, 128, 130, 173.
 Кули-Ворсоут (Варсоут), летовка, 32, 34, 84, 86.
 Кули-Искандар 13.
 Кули-Миёна 21, 22, 31, 33, 37, 95.
 Куль (Кул), р., сел. 7, 11, 12, 16, 18, 21, 25, 31, 33, 34, 36, 38, 41, 47, 68, 78, 79, 84, 94, 99, 101-103, 115, 116, 157.
 Кульское аминство 10.
 Куляб 12, 29.
 Курбан, Курбон (Џурбон) 53, 125, 143, 160.
 Дула-Азиз 126.
 Лыкошин Н.С. 165.
 Мавлон 77.
 Малахак 126.
 Малике-Хон, летовка 36.
 Маллицкий Н.Г. 23.
 Маргиб (Марғиб) 84.
 Маргтумайн (Маргтумайн, Маргтумейн) passim
 Матча 8, 9, 11, 18, 19, 27, 29, 30, 73, 74, 90, 91, 108, 110, 114, 117, 130, 137, 146, 147, 162, 165, 168.
 Матча Верхняя 30.
 Матчинский хр. 14.
 Махмад-ёр (Маҳмад-ёр) 126.
 Махрам (Маҳрам) 125.
 Мирзо 53, 126.
 Мирзо Сафар 126.
 Мири Зард 30.
 Муги (Муғи)-Кур 31.
 Мулло Махмад (Маҳмад) 86.
 Мулло Ниёз passim
 Мулло Ходжа 39, 176.
 Мункар 141.
 Мухаммад (Муҳаммад) 53.
 Мухаррам (Муҳаррам) 125.
 Муштиф 21, 23, 31, 32, 42, 53, 77, 103, 146.
 Навобод, Новобод, сел. 10, 11, 12, 15, 16, 18, 20, 29, 30, 41, 47, 84, 101.
 Навомейн (Новимайн) 34.
 Навруз (Науруз) 125, 157, 158, 159, 161, 162, 163.
 Навруз-джон 125.
 Навруз-джон хола 128.
 Назар (Нозир) 53, 126.
 Назрулло 125.
 Накир 141.
 Нахширак 28.
 Ниёз-Ходжа (ХоҶа) 30.
 Нилкон (Нилькон) 146.
 Нозир 126.
 Нозир-Калтуфсар 126.
 Ноу-мейн 36.
 Ноумиткон, сел. 21, 22, 23, 24, 25, 31, 32, 34, 52, 74, 99, 108, 146.
 Нур 78, 126.
 Нур-Биби 125.

Нурек 88.
 Нури Сипасар 126.
 Нури -Чорбобо 78.
 Нур Махмад-Таралла 126.

Обурдон, сел. 146.
 Оджуз 157.
 Одим-биби 125.
 Одина 125, 175.
 Одина-джон 125.
 Ол 167.
 Олбасты 167.
 От 28.
 От ибни Унук 28.

Пакшиф, пер. 14.
 Палдорак (Пальдорак) 30.
 Панджшир 146.
 Панджак-Пахлавон (Панҷак-Пах-
 лавон) 175.

Пенджикент, г. 13, 88.
 Персия 163.
 Петип (Питип), сел. 21, 22, 24,
 30-34, 42, 103, 146, 161.
 Пещерева Е. М. 125.

Пиёздоре-гар (Пиёздоре-ғар), пер. 18.

Пискон, сел. 21, 22, 31, 32, 33, 34,
 42, 120.

Пода-Бедо 30.

Пор-мейн 36.

Пулла-Роут, сел. 17, 21, 22, 23, 24,
 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 42,
 70, 73, 99, 103, 104, 106, 107, 108,
 110, 116, 133, 136, 146, 158, 168,
 172.

Пянж 15, 146, 160.

Работ-Санг 13, 30.
 Раджаб (Раҷаб) 78.
 Рамазон 115, 125, 160, 162.
 Рамазони 125, 126.
 Рамазони-Васак 126.
 Рамазони-Джурра (Ҷурра) 126.
 Ремонт, пер. 18.
 Ромит, сел. 30, 41.
 Ростовцева пик 15.
 Роут, сел. 21, 22, 27, 28, 31, 42.
 Руфигар, пер. и сел. 18, 41.
 Рушан 163.

Саадулло 98, 126.

Саид-мо 125.

Саид-биби 125.

Самарканд 7, 13, 93, 110, 111,
 113.

Сангак 125.

Санги-Калон 28.

Санги-Малик 30.

Сангин 53, 78, 125.

Сарҳади-Кул (Сарҳаде-Куль),
 пер., сел. 17, 40, 42, 86, 115,
 119, 169.

Сафед-деу 168.

Сафидпуш 30.

Семич (Сѣмич, Сѣмѣч) 21, 22, 31,
 33, 34, 42, 95.

Сидик (Сидиқ) 53.

Сипита-деу 168.

Собир 126.

Соджда, Соджида (Соўда, Соўи-
 да) 125.

Соқан, сел. 21, 22, 24, 31, 33, 36,
 42, 95.

Сурхкят, пер. 9, 18, 19, 20, 27.

Сояру 135.

- Табар 125.
 Таги-Чанор (Таге-Чанор, Таи-Чанор), сел. 21, 23, 24, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 42, 99, 108, 146, 158.
 Тагоб 20.
 Тагфон 26.
 Такапар, пер. 14, 18.
 Ташкент 5, 28, 29, 34, 36, 39, 55, 77, 85, 115-117, 120, 121, 123, 126, 133, 134, 136, 144-146, 153, 156, 158, 162, 163, 165, 173, 174.
 Теша 125.
 Тиги (Тиги)-Гая 18.
 Троицкая А.Л. 117.
 Туркестан 13, 15, 90, 92, 110, 142, 157.
 Унук 28.
 Унус-Лаккон 126.
 Ура-Тюбе 15, 18, 29, 48, 63, 80, 86, 88, 111.
 Уштургардан, пер. 18.
 Уштургардэне-гар (Ғар), пер. 18.
 Фальгар (ФалҒар) 13, 14, 19, 26, 36, 40, 41, 83, 87, 88, 108, 114, 117, 119, 124.
 Фан (Фон), р. 10, 13, 14, 30, 83, 87.
 Фаркоу, пер., сел. 18, 21.
 Фатима 171.
 Фатмоут, пер. 18.
 Фергана 15.
 Хасан (Ҳасан). 126, 171.
 Хива 71.
 Хисоки-Дарв, сел. 21, 23, 31, 32, 39, 99, 119, 146, 176.
 Ходжа-Исан-хон, мазар 28.
 Ходжент 15, 90.
 Хок (Хоки), пер. 18.
 Хол-Биби 125.
 Хоркаш 126.
 Хоркаши-Таккон 126.
 Худоёр 127.
 Худжаи-Гудун (ХуҶаи Ғудун), пер. 18.
 Хусайн (Ҳусайн) 171.
 Хутанай-рот 174.
 Хшортоб (Хшартоб, Хшортоу), сел. 10, 16, 22, 24, 29, 42, 74, 101.
 Чимкант (Чимкат) 36.
 Чинтир-мейн рис. 11.
 Чукат, сел. 21, 22, 23, 24, 31, 32, 33, 34, 68, 99, 108, 146.
 Чумза 125.
 Шайх Назар 29.
 Шариф 126.
 Шахристан 73.
 Шахсара, сел. 21, 23, 31, 32, 42, 146, 174.
 Шобета, сел. 21, 23, 25, 28, 31, 32, 37, 42, 103, 146.
 Шоугар 28.
 Юнус 126.
 Юсуф 78.
 Ягноб (Ягноб) Ягноб Ягноб passim
 Ягноб, дол. 17.
 Ягноб (Ягноб)-Дарья 83, 161.
 Язгулем, р. 15.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Схематический план сел. Сархаде-Куль с окружающими его хлевами - "кой".
2. То же, крупнее.
3. Подробный план №1 части сел. Сархаде-Куль.
4. Разрез по линии А-Б к плану №1 части сел. Сархаде-Куль.
5. Подробный план №2 части сел. Сархаде-Куль.
6. Разрез по линии А-Б к плану №2 части сел. Сархаде-Куль.
7. Разрез по линии В-Г к плану №2 части сел. Сархаде-Куль.
8. План №3; отдельное помещение для скота - "дур-кой" в сел. Сархаде-Куль.
9. Разрез по линии А-Б к плану №3 сел. Сархаде-Куль.
10. Типы дымоходных труб на крышах в сел. Бидив.
11. Планы верхнего яруса домов в восточной половине сел. Бидив.
12. Разрез по линии А-Б к плану верхнего яруса домов в сел. Бидив.
13. Вид на мур в жидом помещении. Сел. Бидив.
14. Рисунок плуга и ярма.
15. Главный информатор М.С.Андреева, Мулло Нибз из сел. Марг-тумайн, приехавший с М.С.Андреевым в Ташкент в 1925 г. и там с ним работавший.
- 16-19. Виды долины Ягноб и ягнобских селений.
20. Общий вид сел. Пулля-Роут.
21. Группа домов в сел. Пулля-Роут.
22. Вход в дом в сел. Пулля-Роут. На крыше сложено топливо (ки-зяки).
23. Постройка дома в сел. Пулля-Роут.
24. Летовка при сел. Кули-Боло.
25. Сельскохозяйственные орудия ягнобцев.
26. Ткач за работой.
27. Валянье кошм.
28. Изготовление посуды.
29. Игрушечный домик, построенный ягнобским мальчиком.
30. Схематическая карта расположения ягнобских селений.

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН села САРХАДЕ КҮЛ

сооружающих его отсюда помещенный для скота - "кәс"

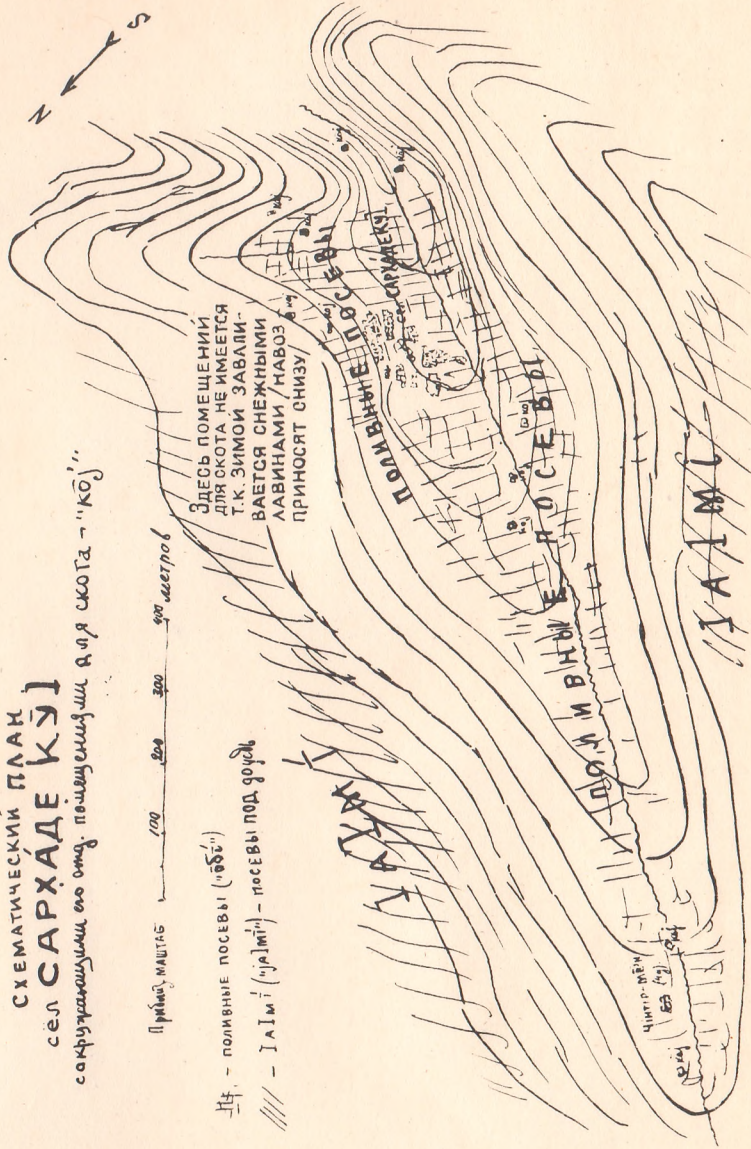
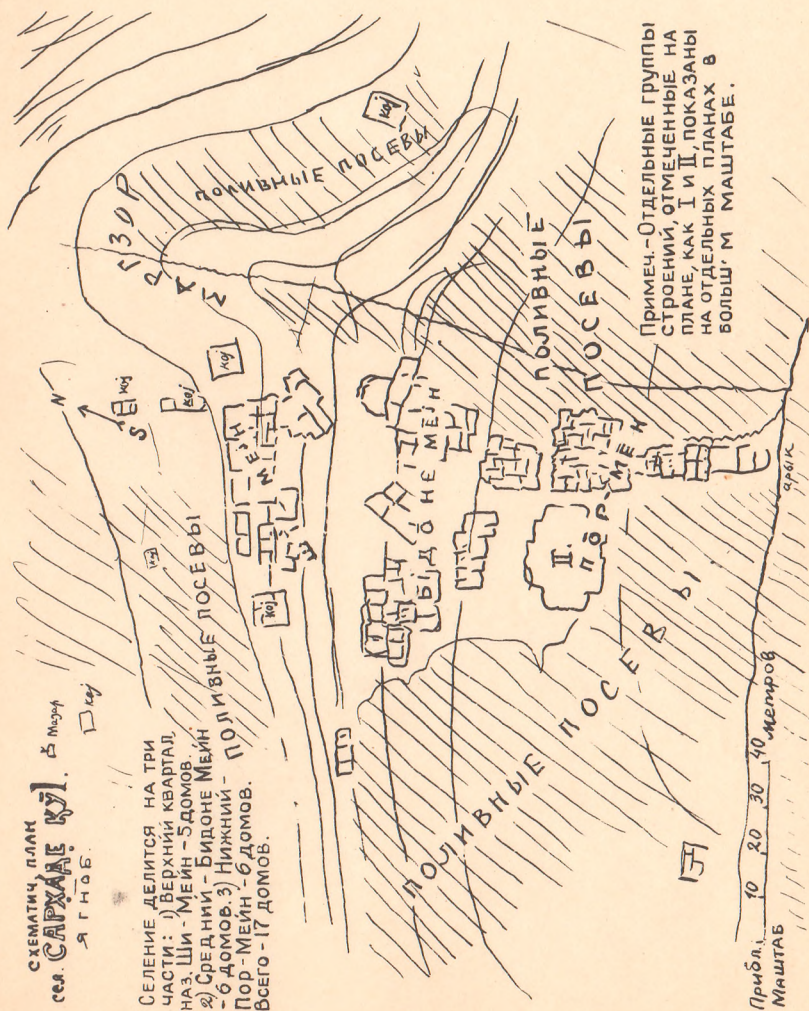

Рис. 1.

СХЕМАТИЧ. ПЛАН
с. САРХАЕ КУЛ. Б. МАСРА
АГНОБ.

СЕЛЕНИЕ ДЕЛИТСЯ НА ТРИ
ЧАСТИ: 1) Верхний квартал,
наз. Ши - Мейн - Здомов.
2) Средний - Бидоне Мейн
- б домов. 3) Нижний -
Пор - Мейн - б домов.
Всего - 17 домов.

Примеч. - Отдельные группы
строений, отмеченные на
плане, как I и II, показаны
на отдельных планах в
больш. м. масштабе.

Рис. 2.

П л а н № 1.
Части сел. САРХАДЕ-күл
(тадж. - Кӯли Боло).

Я с н о в

Отдельная стена без крыши /верхнего яруса/
Стена верхнего яруса домов поддерживающая крышу
Стена нижнего яруса.
Внутренняя стенка в помещении не дохо-
дящая до потолка

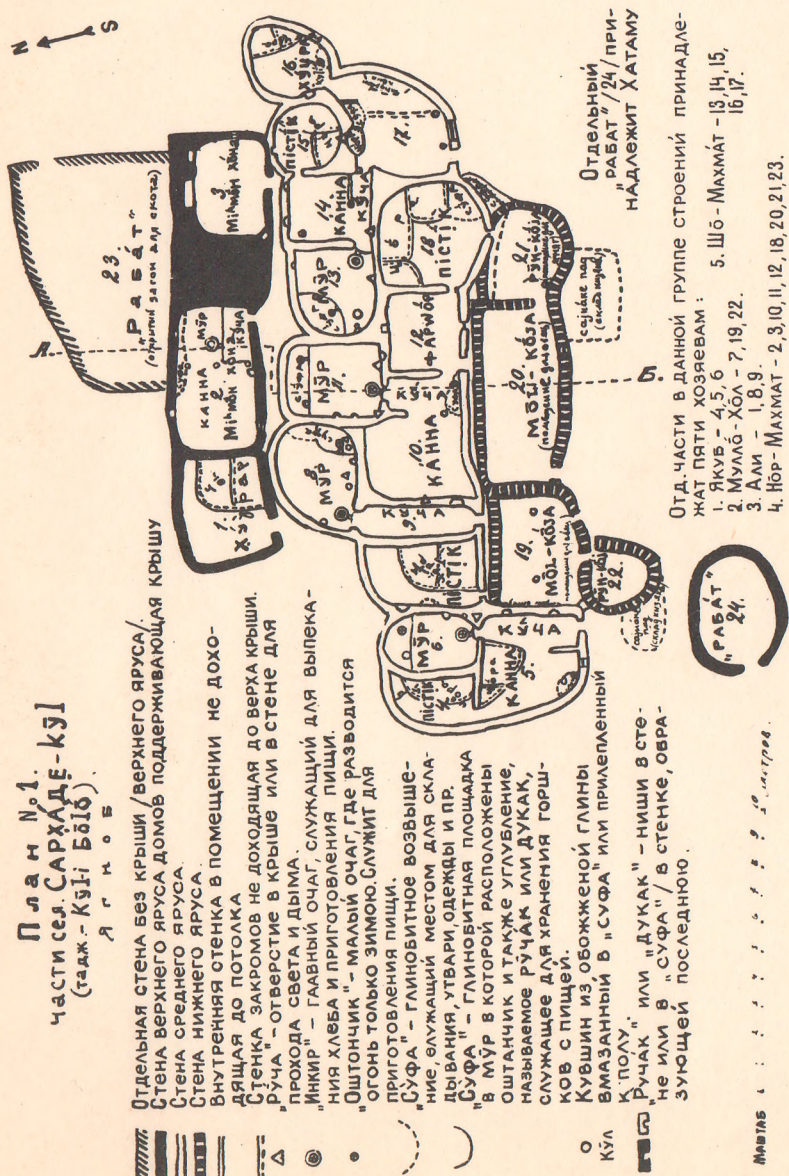
Стенка закромов не доходящая до верха крыши.
руча - отверстие в крыше или в стене для
прохода света и дыма.
"Иркир" - главный очаг, служащий для выпека-
ния хлеба и приготовления пищи.

"Оштончик" - малый очаг, где разводится
огонь только зимою. Служит для
приготовления пищи.
"Суфа" - глинобитное возвыше-
ние, служащий местом для скла-
дывания, утвари, одежды и пр.

"Суфа" - глинобитная площадка
в мур в которой расположены
оштанчик и также углубление,
называемое ручак или дукак,
служащее для хранения горш-
ков с пищею.

Кувшин из обожженной глины
вмазанный в "суфа" или прилепленный
к полу.
"ручак" или "дукак" - ниши в сте-
не или в "суфа" / в стенке, обра-
зующей последнюю.

Масштаб : 1 : 100

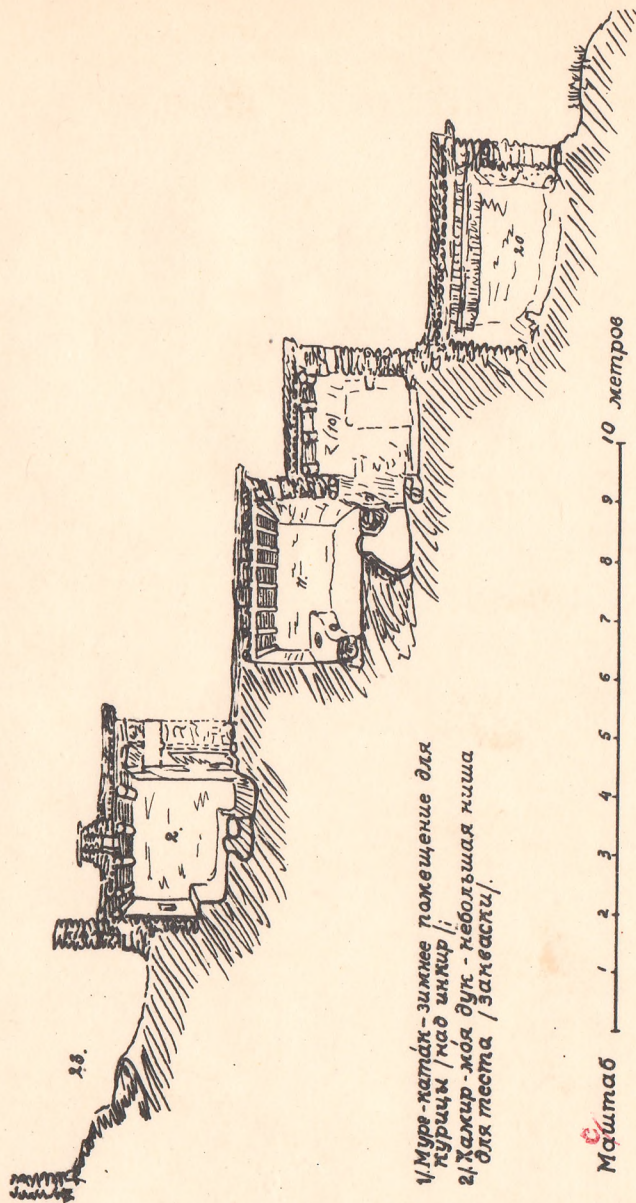

Отдельный
"РАБАТ" / 24 / ПРИ-
НАДЛЕЖИТ ХАТАМУ

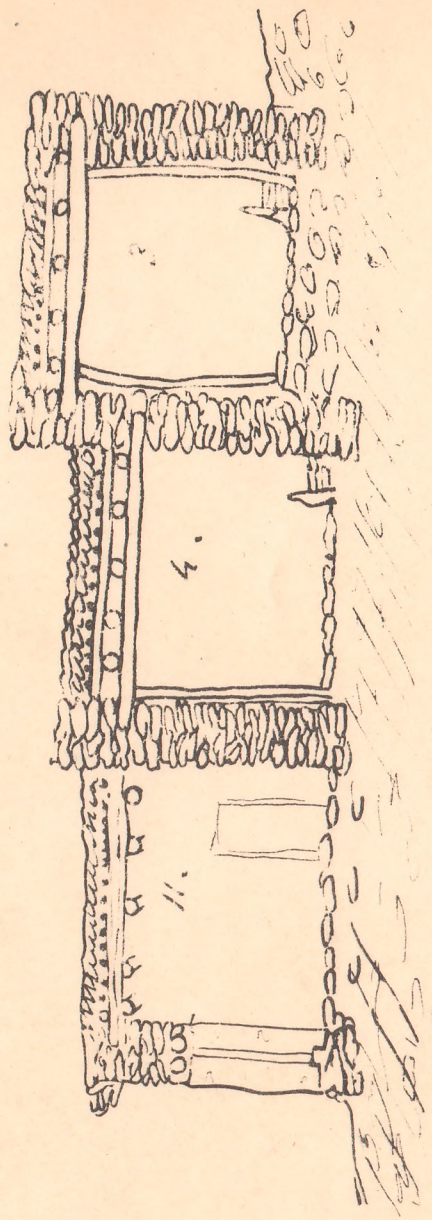
Отд. части в данной группе строений принадле-
жат пяти хозяевам :
1. Якув - 4, 5, 6
2. Мулло - Хол - 7, 19, 22.
3. Али - 1, 8, 9.
4. Нор - Махмат - 2, 3, 10, 11, 12, 18, 20, 21, 23.
5. Шё - Махмат - 13, 14, 15,
16, 17.

Рис. 3.

К плану части сел. Сархадді кўл, № 1.
Разрез по линии А-Б.

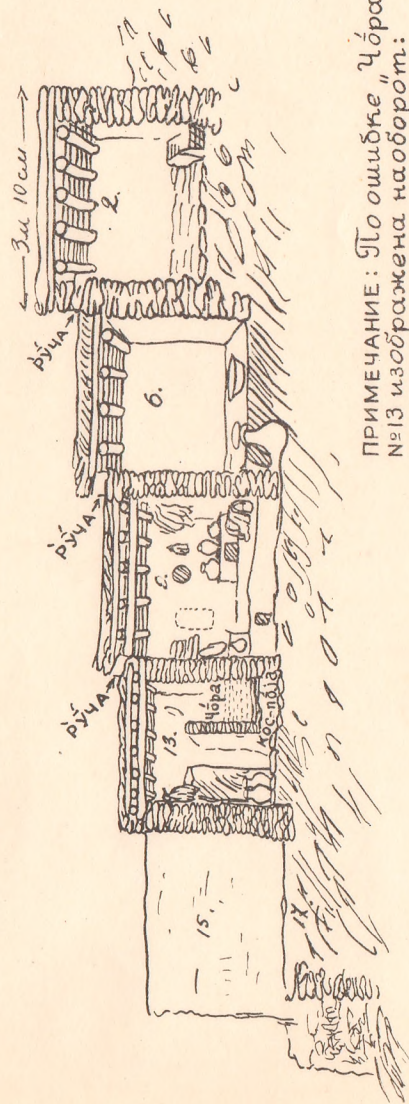

К плану № 8 части сел. Сархаді Куї. (Ягнуб)
Разрез по линии А-Б.

Масштаб 1 : 100

Разрез по линии В.-Г.

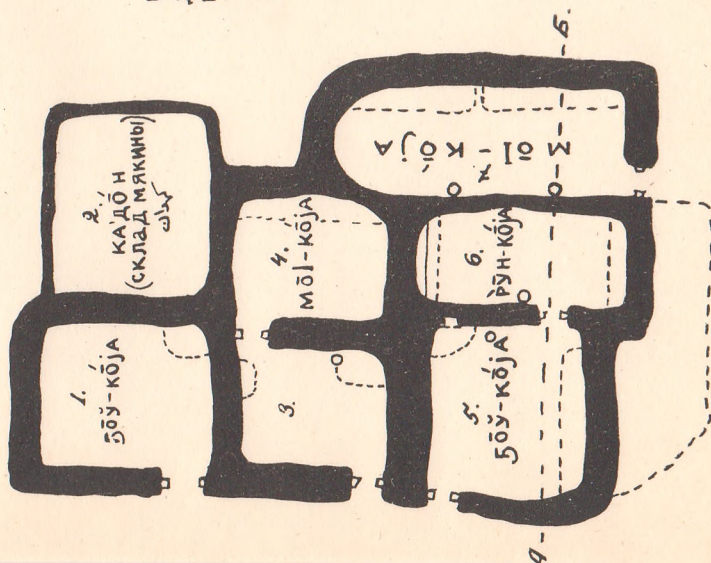

ПРИМЕЧАНИЕ: По ошибке "Чо́ра"
№13 изображена наоборот:
следует отнести к левой
стенке, а кувшин, висящий
предмет и дверь в перспективе
— направо

1 2 3 4 5 6 7 8
МШТАБ

Рис. 7.

S
Y
N

П л а н № 3.
отдельного помещения для скота -
"дур-кō"
в сел. САРХЛАГ КУ].

я г н о б.
М а ш т а б 1 2 3 4 5 метров

В ПРЕДСТАВЛЕННОМ ПОМЕЩЕНИИ
ДЛЯ СКОТА ОТДЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ
ПРИНАДЛЕЖАТ ТРЕМ ЛИЦАМ :
Мулло Хол - 1,2,5,6,8; ЯКУБ - 3,4;
ОРАЙЗАК - 7.

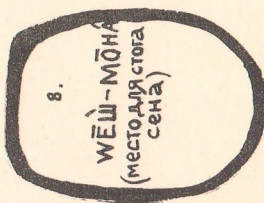

Рис. 8.

К плану отдельного помещения для скота "А́у-р-кѹй"
 в сел. САРХАДѢ КЪЛ — план № 3
 Профиль по линии А-Б.

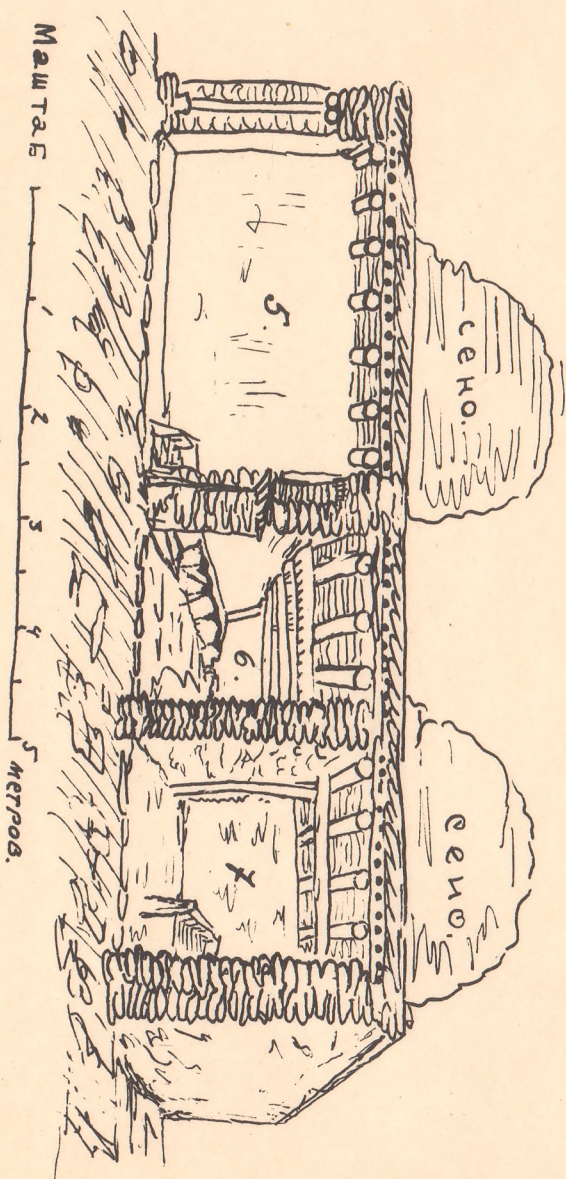
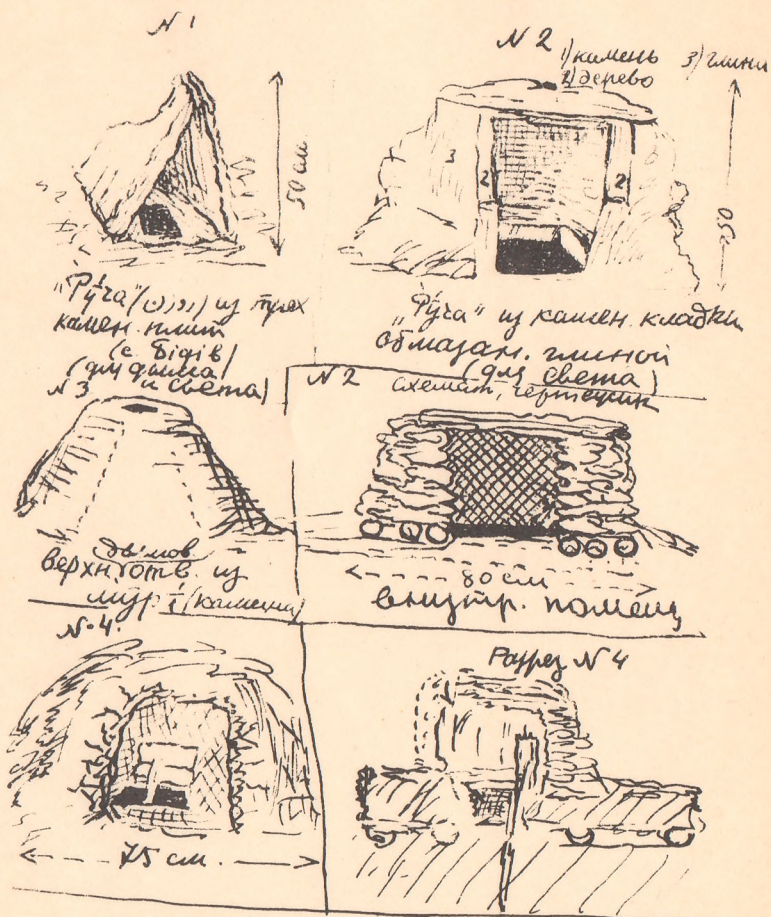
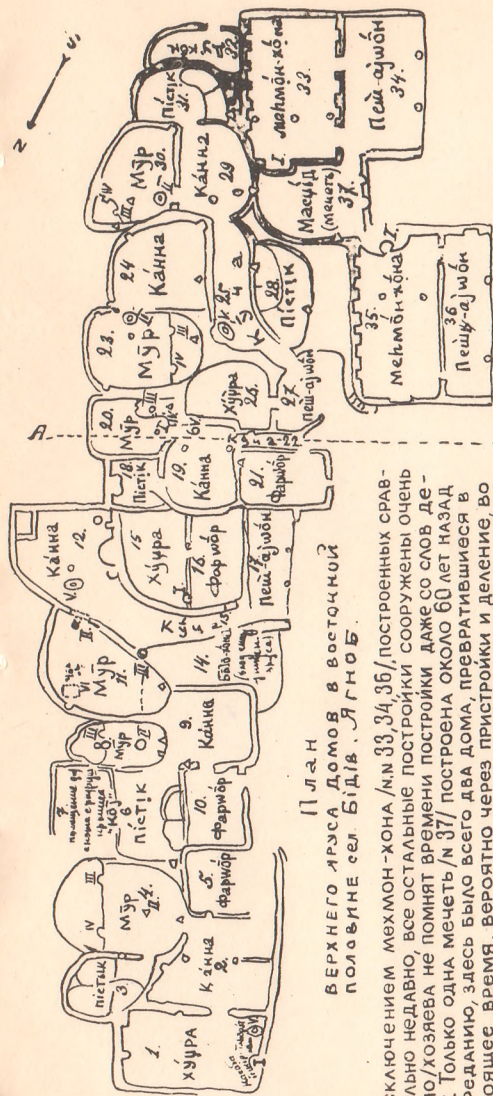

Рис. 9.

Типы выходных отверстий в крышах
в сел. Бидив для прохода света и дыма.

План
Верхнего яруса домов в восточной
половине сел. Бидъа. Ягноб.

За исключением мехмон-хона /н 33, 34, 36/, построенных сравнительно недавно, все остальные постройки сооружены очень давно /хозяева не помнят времени постройки даже со слов де-дов/. Только одна мечеть /н 37/ построена около 60 лет назад по преданию, здесь было всего два дома, превратившиеся в настоящее время, вероятно через пристройки и деление, во владение шести хозяев:

- 1/ Мулло Курбон - н 1-5, 7, 35, 36, 4/ Сафар - н 18-22
- 2/ Мулло Махмат - н 6, 8, 10.
- 3/ Абду-Халик - н 11-13, 15-17.
- 6/ Иди Бой - н 28-31.

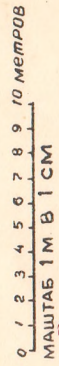
Пояснительные знаки:

- I - Касаба йнкир - камин на городской лад /н 1, 15, 33, 35/
- II - йнкир - очаг ягнобского /старого/ типа /н 4, 8, 11, 20, 30/
- III - Оштонна - малый очаг в том же помещении, где йнкир.
- IV - Гырик - вида дук-помещение /углубление/ в малом очаге для хранения зимою глины для ремонта /обмазывания/ обрушивающихся краев очага.
- V - Тахорат-хона - яма для стока воды от обмываний,

рис. 11.

накрытая, сверху плоским камнем с дырочкой /н 1, 12, 19, 25, 29/.

VI - Чох / - яма для хранения зерна /н II/ - одна только углубляющимися в стену /изнутри/ зубчиками изображены ниши - пича

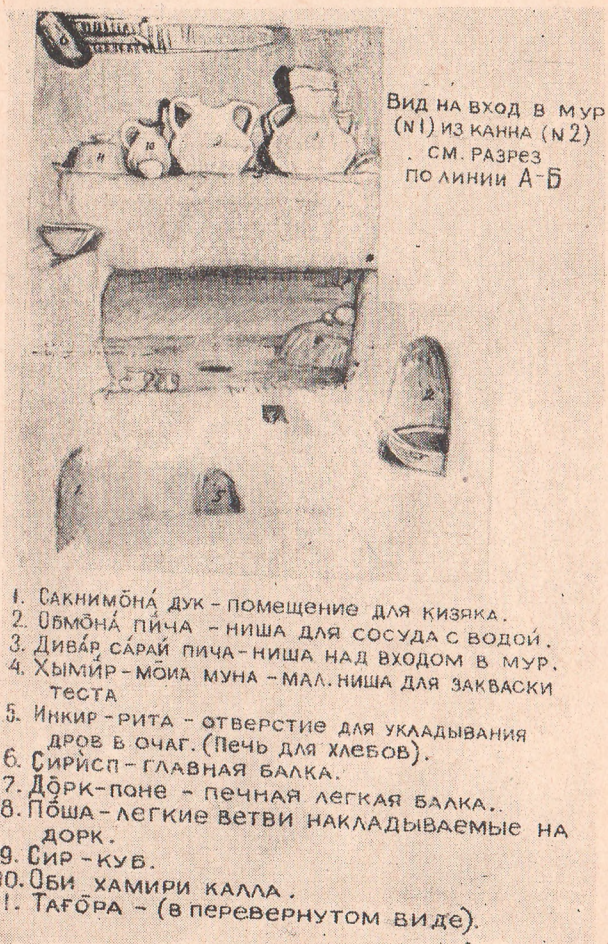
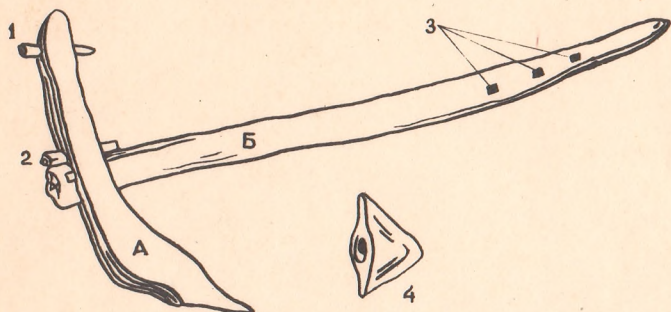

Рис. 13. Вид на мур в жилом помещении. Сел. Бидив.

ЯГНОБ

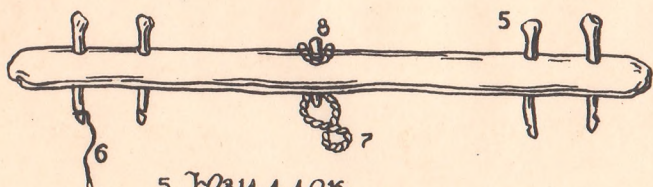
26 июля 1925 г.
РАЗГОВОР С ЯГНОБЦЕМ
ИЗ СЕЛЕНИЯ ЗУМАН

пług-испор

1. Муштá испор
2. Тундушкáк
3. Пешгýдá
4. Оцáн

ЯРМО-ЮЗ

- 5 Юзуллок
- 6 Банд-и юзуллок
- 7 Отанг
- 8 Колышек в ярме, сдерживающий отанг, - югман.
- 9 Углубление в бревне ярма для ремня (не имеется в других местах).

Рис. 14.

Рис. 15. Главный информатор
М. С. Андреева, Мулло Ниёз из
сел. Магатумайн, приехавший с
М. С. Андреевым в Ташкент в 1925 г.
и там с ним работавший.

Рис. 16. Виды долины Ягноб и ягнобских селений.

Рис. 17. Виды долины Ягноб и ягнобских селений.

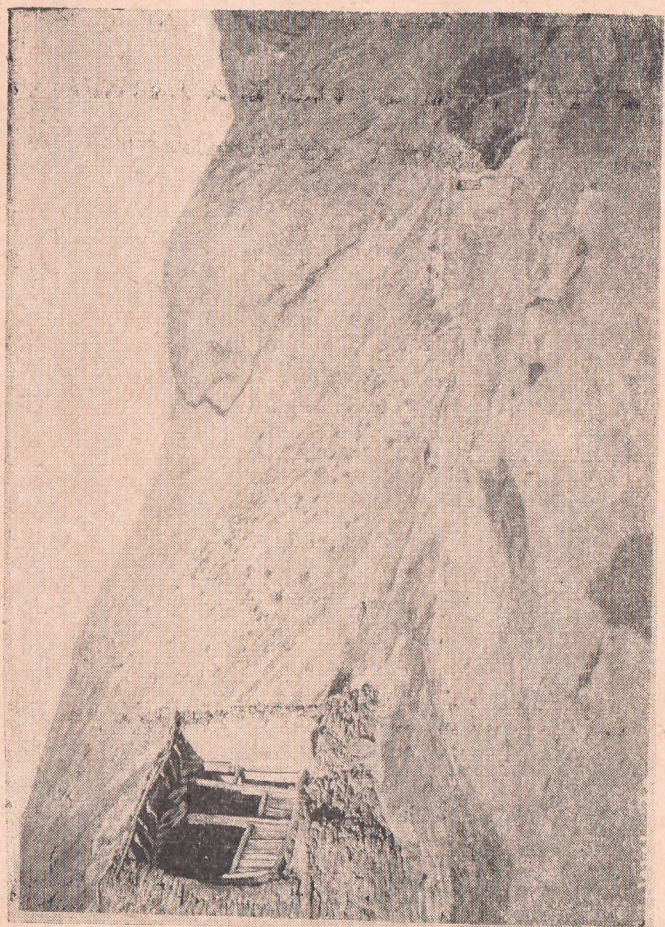

Рис. 18. Виды долины Ягноб и ягнобских селений.

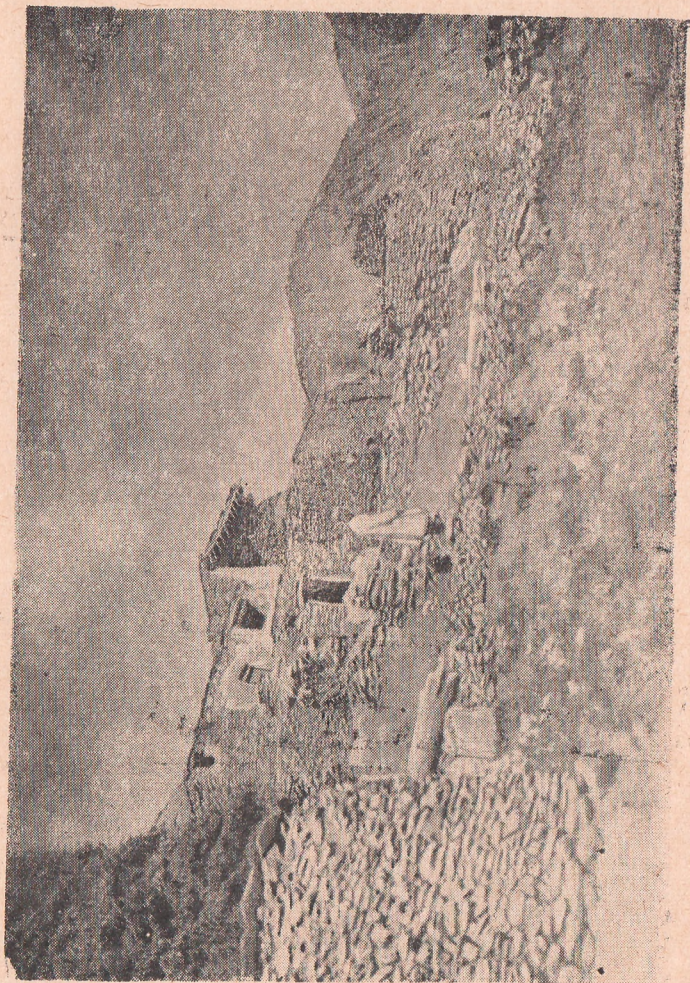

Рис. 19. Виды долины Ягноб и ягнобских селений,

Рис. 20. Общий вид сел. Пулля—Роут.

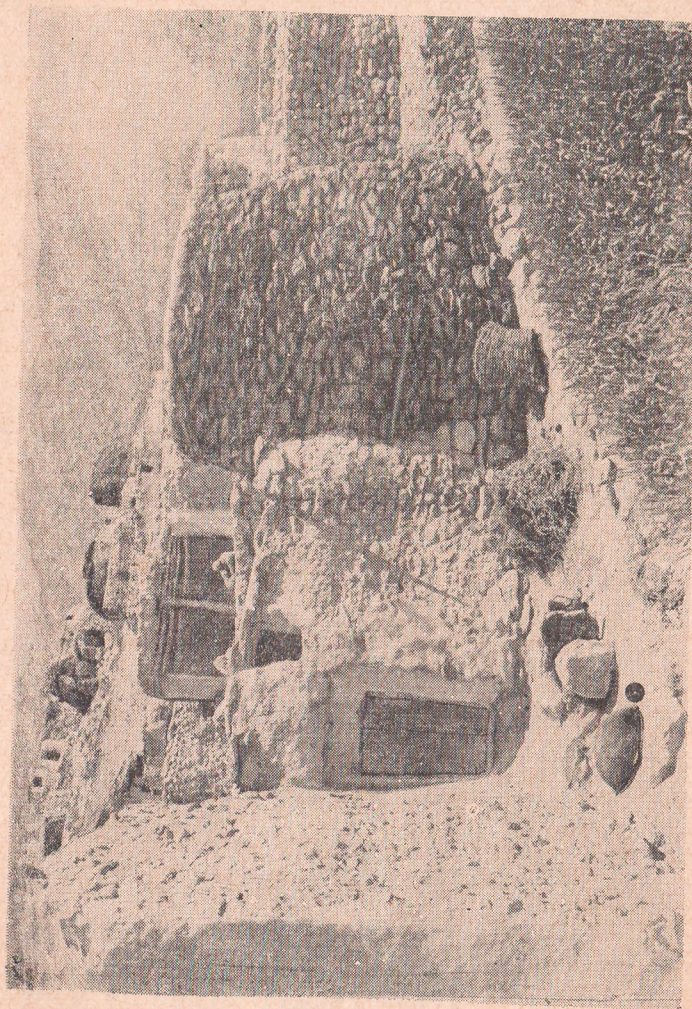

Рис. 21. Группа домов в сел. Пуля—Роут.

Рис. 22. Вход в дом в сел. Пулля—Роут. На крыше сложено топливо (кизяки).

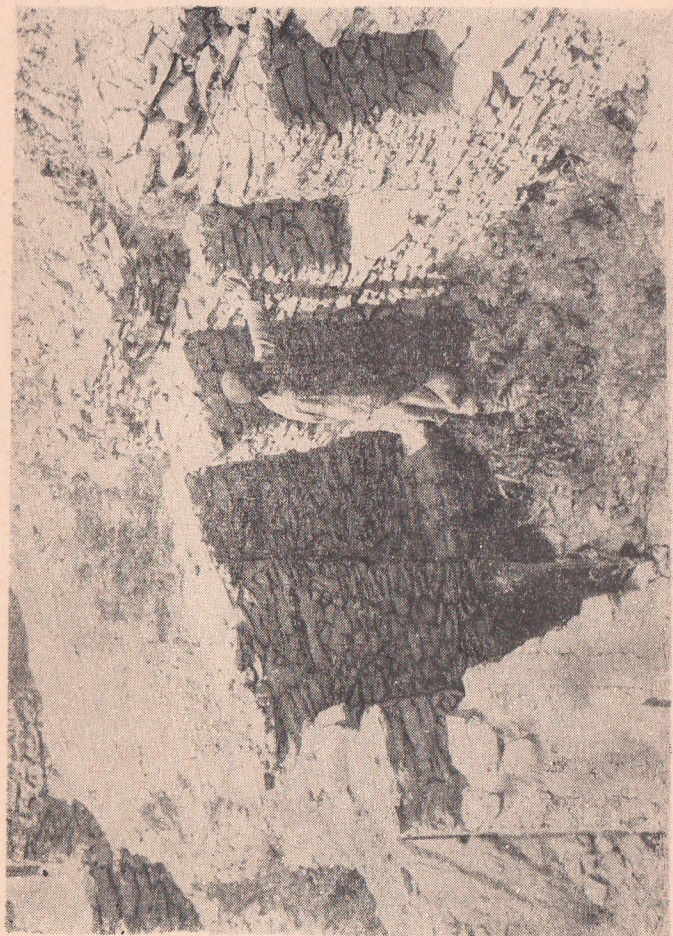

Рис. 23. Постройка дома в сел. Пулля—Роут.

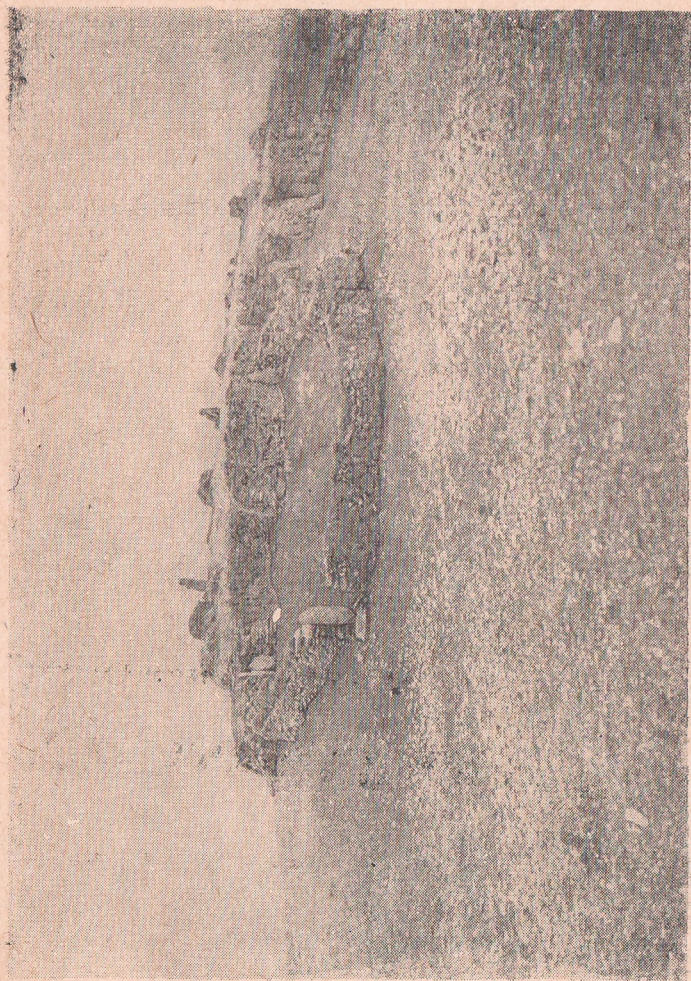

Рис. 24. Летовка при сел. Кули—Боло.

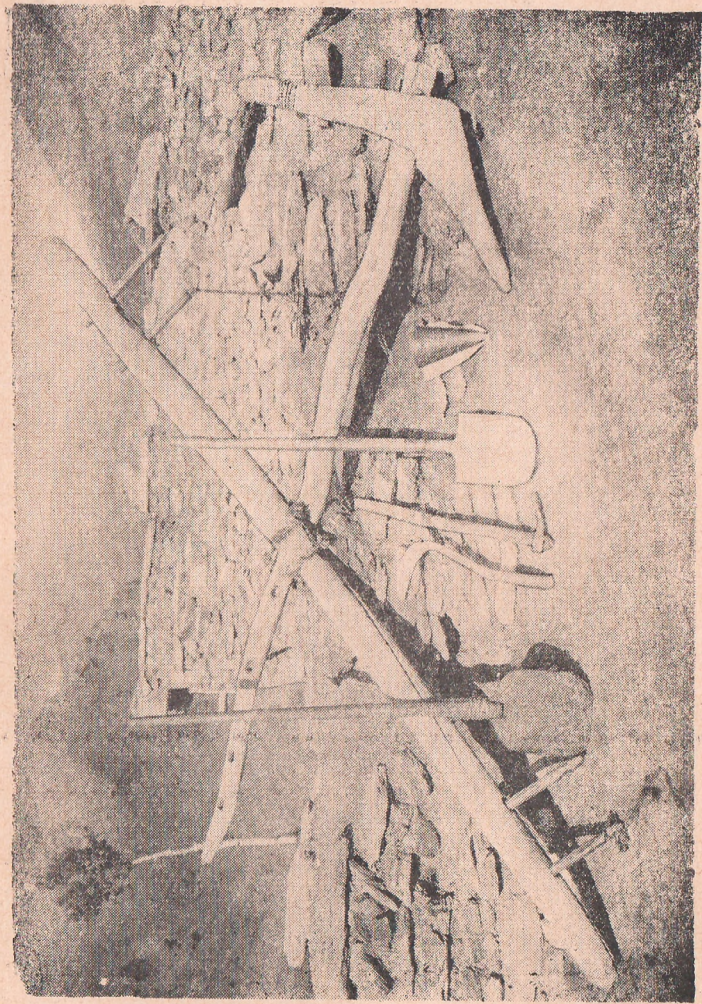

Рис. 25. Сельскохозяйственные орудия ягнобцев.

Рис. 26. Ткач за работой.

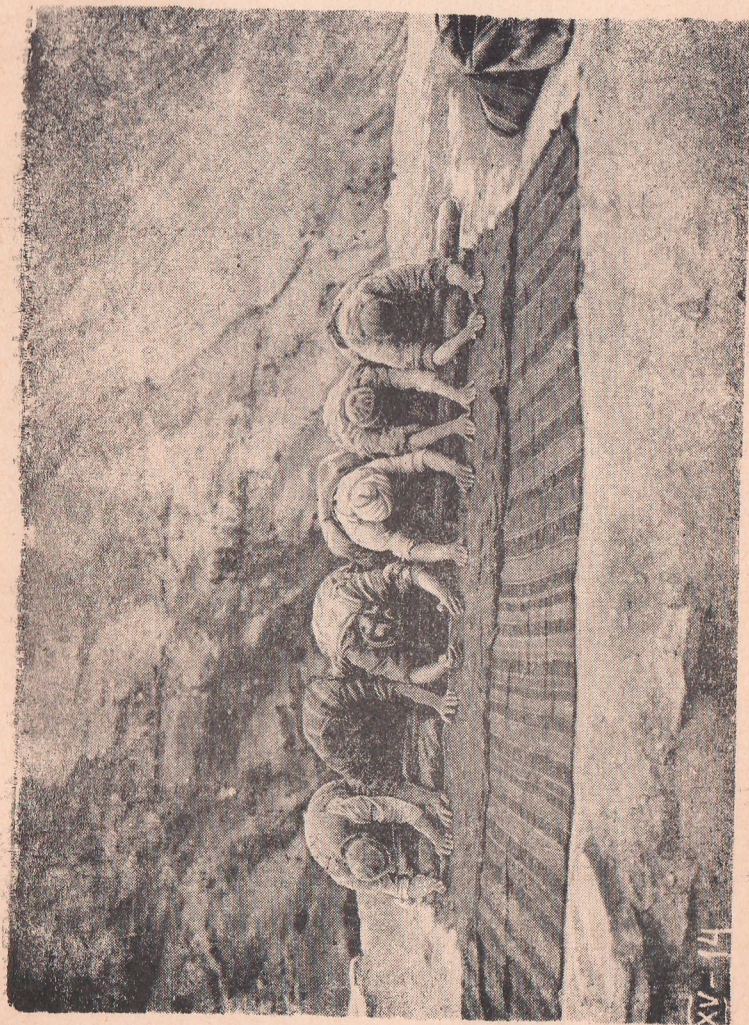

Рис. 27. Валяные кошм.

ху-14

Рис. 28. Изготовление посуды.

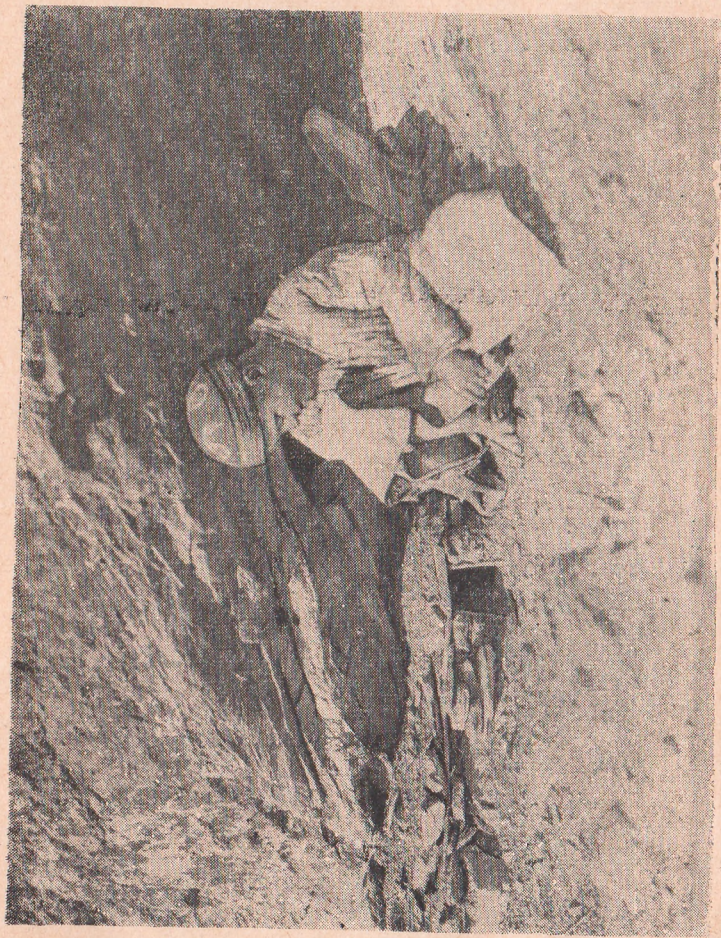

Рис. 29. Игрушечный домик, построенный ягнобским мальчиком.

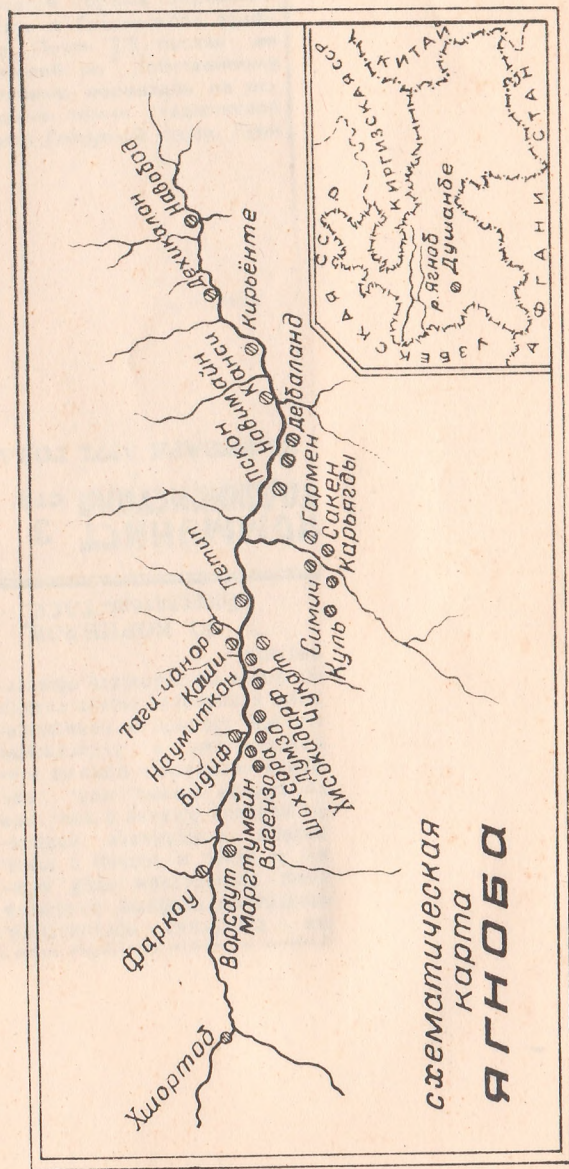

Рис. 30.